ПИОНЕР

ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год

6

В ПУТЬ-ДОРОГУ... Рисунок В. Цельмера.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 6 ИЮНЬ 1955

В этом номере:

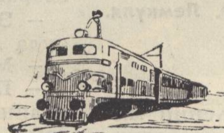

На обложке:
цветная фотография
В. Тюккеля «Принимайте посылку!»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На озере Светлом

ПОВЕСТЬ

Вл. Гравишкис

Рисунки Ф. Лемкуля.

ДВА СОБЫТИЯ

Поздно вечером в Мисяжском отделении милиции произошли два события, очень озаботившие начальника отделения Ивана Алексеевича Годунова, низенького, коренастого, круглоголового человека с щетинкой рыжеватых усов над губой.

Первое событие состояло вот в чём. Автоинспектор, молодой краснощёкий парень, Анатолий Колокольцев получил из областного управления телеграмму.

— Опять с нас эту 14-45 требуют, Иван Алексеевич,—доложил он начальнику, подавая телеграмму и виновато косясь на открытое окно, за которым ещё блестели золотые огни заката.— Какой-то мираж, честное слово! Ни больше, ни меньше.

Прохлады ещё нет, жарко. С улицы не доносится ни малейшего дуновения. Пыльные шторки висят неподвижно, скопившееся в кабинете облако синего папиросного дыма так и стоит перед окном.

Годунов читает телеграмму. Читает раз, другой, третий. Областное управление милиции категорически предлагает под личную ответственность автоинспектора и начальника отделения повторить поиски грузовой трёхтонной машины Алаганского совхоза, покинутой водителем на перегоне Тальковая гора—Мисяж. О результатах доложить через три дня, машину доставить в Мисяж и ждать распоряжений.

Правду сказать, телеграмма—не неожиданность. Машина принадлежит новому совхозу, созданному нынче весной в южных целинных степях области; нечего было и думать, что областное отделение успокоится, не найдя её. Оставалась надежда, что машина покинута не на этом перегоне и потерялась где-нибудь в зауральских степях, которые начинались километрах в двадцати от Мисяжа. Но, видимо, и там машины не нашли. И надо снова искать её здесь, среди окружающих город лесистых гор.

Бланк густо заклеен телеграфной лентой и стал плотным, как картонка. Годунов обмахивается им и тоже смотрит в окно. Видны ряды блистающих огнями домов, над белыми крышами из гофрированной асбофанеры высятся силуэты горных вершин, в просветах между зданиями темнеет стена леса. Город растёт, лес отступает всё дальше и дальше. Почти каждый месяц появляются новые улицы, автомашин целая прорва, населения стало вдвое больше, а штат у отделения милиции всё такой же, как и пять лет тому назад. Смешно сказать: на весь город один автоинспектор. Вот он стоит и бормочет что-то в своё оправдание, а чего уж там оправдываться: что он мог сделать? Искать машину в этих дебрях—всё равно, что иголку в стоге сена.

Но всего этого юноше никак не скажешь, и Иван Алексеевич, вздохнув, произносит нечто совершенно другое, строгое и насмешливое:

— Так вы полагаете, товарищ автоинспектор, что машина 14-45—мираж?

— Вся автострада обыскана, товарищ майор, вы же сами отлично знаете. Никаких признаков.

— Плохо обыскана! — резко говорит Годунов.

Обвинение несправедливо, Анатолий с горечью возражает:

— Эх, Иван Алексеич! «Плохо обыскана!» Уж куда лучше? Где ещё искать?

— Машины-то ведь нет? Верно?

— Призрак она, а не машина. А я призраков, извините, ещё не научился искать. Пробуйте сами!

— Та-ак! В собственном бессилии расписался?

Колокольцев оскорблён, начинает тяжело дышать, но в это время происходит второе событие—звонит телефон.

Директор Мисяжского автозавода Владимир Павлович Столетов тревожно, смущённым голосом сообщает, что у него пропал сын Павлик. Нет ли о нём каких-нибудь сведений в милиции? И что в таких случаях следует предпринимать? Жена сходит с ума, да и у него самого на душе неспокойно: не было ещё случая, чтобы мальчик без спросу надолго отлучался из дому.

— Ну вот и начались каникулы! — недовольно бормочет Иван Алексеевич и вытирает платком шею. — Как дело-то было, Владимир Павлыч? Рассказывайте!

Началось с того, что Павлик не явился обедать. Домработница Клава сказала, что он ушёл рано утром, забрав из буфета почти все настряпанные накануне пирожки. Ирина Сергеевна встревожилась, начались поиски. В школе на телефонный звонок никто не отозвался: каникулы. Из Дома юных техников ответили, что сегодня работает только кружок рукодельниц, никаких походов не проводилось. В библиотеке выходной день. Объехали всех знакомых — Павлика нигде не оказалось. Что делать?

— Спокойно, спокойно, Владимир Павлыч! Найдём сына! — успокаивает Годунов. — Что вы сами предполагаете?

— Что я могу предположить? Мы уже всё передумали...

— Павлик ваш, случаем, не рыбак?

— Есть у него удочка, но особенно не увлекается...

— Одну минутку, Владимир Павлыч!

Годунов действует быстро и решительно: по второму телефону он вызывает Светловский кордон. К счастью, лесник Флегонт Лукич оказался дома. Да, утром на берегу озера, на Крутиках, он видел трёх мальчишек-рыбаков. Похоже, что среди них был и директорский сынишка. Где они теперь, неизвестно, после полудня куда-то исчезли. Больше он ничего не знает.

Годунов кладёт трубку и снова разговаривает с директором.

— Вы меня слышите, Владимир Павлыч? Следок нашёлся: ваш Павка утром рыбачил на Светлом.

— На Светлом? — повторяет Столетов, и по тону его Годунов чувствует, что известие это мало обрадовало директора: Светлое — громадное, глубоководное горное озеро, и слава у него самая плохая. — Знаете, Иван Алексеич, это мне совсем не нравится...

— Ничего, ничего. Мальчишек трое, чуть что, друг дружку выручат.

Они решают немедленно съездить на Светлое.

Закончив разговор, Годунов подходит к окну. За эти несколько минут темнота сгустилась, но силуэты горных вершин ещё можно различить; словно гряда чёрных туч, они неподвижно висят над ярко освещёнными улицами города.

— А с грузовиком-то как, Иван Алексеич? — осторожно спрашивает Колокольцев. — Как области отвечать будем?

— Отвечать нам пока нечего. Искать надо, искать!

— Да где ж искать? — с отчаянием в голосе произносит Колокольцев. — Обыскано всё вдоль и поперёк.

— Ладно, ладно! Утром что-нибудь придумаем.

Слышно, как под окном у крыльца певуче поёт сирена директорской «Победы». Иван Алексеевич кричит: «Выхожу!» — закрывает окно и, на ходу осматривая взятый из стола пистолет, мелкими шажками, колобком сбегает вниз. Лицо у него встревоженное, челюсти крепко сомкнуты: если с мальчишками что-нибудь случилось, то найти их будет трудно: Светлое не любит отдавать свою добычу.

КОСТЁР В ЛЕСУ

Машину сильно качает на выступающих из земли корнях. Просёлочная дорога так узка, что ветви деревьев то и дело с шорохом скребут по крыше и обметают боковые стёкла. В ярких лучах фар лёгким серебряным облачком кружится мошкара, мелькают коричневые, голые стволы сосен.

На кордоне ещё светится огонёк: лесник ждёт гостей. Но ничего нового Флегонт Лукич сказать не может. Утром, возвращаясь с обхода, он встретил на Крутиках трёх мальчишек, ловивших рыбу с камней. Подошёл, попросил у них огонька прикурить. Тот, который повзрослее, ответил, что спичек у них нет. После обеда они все трое куда-то исчезли. Сейчас ходил туда, на Крутики, никого не видно.

— А вы не думаете, Флегонт Лукич, что они могли утонуть? — напряжённым, звенящим голосом спрашивает Столетов. Его волнуют непроглядная лесная темнота и несущийся со всех сторон неумолкающий шум леса. Здесь, в этой темноте, в непривычном, зловещем лесу, что-то случилось с Павликом, его сыном.

— Так ведь как скажешь, Владимир Павлыч? — медленно и неопределённо отвечает лесник. — Тонут больше всего в бурю, когда на воде захватит, а сегодня день спокойный был. Не должны бы утонуть...

Столетов поворачивается к сидящему сзади Годунову:

— Не съездить ли нам на лесоучасток? Возьмём людей. Хоть трупы поищем.

— Опять с нас эту 14-45 требуют, — доложил автоинспектор.

Слышно, как скрипят кожаные ремни на плечах Годунова: так резко поворачивается он там, на заднем сиденье.

— Экий ты паникёр, Владимир Павлыч, право! Уж и трупы! Другого ничего не придумал?

Сказано грубовато, но именно эта грубость как-то успокаивает Владимира Павловича, укрепляет надежду, что с сыном ничего не случилось, он жив. Как хорошо, что рядом сидит вот этот крепкий, опытный во всяких житейских делах человек!

— Так что же делать будем? — спрашивает Столетов.

— Пойдём на место происшествия, — отвечает Годунов, выбираясь из машины. — Веди, Лукич, на эти самые твои Крутики.

Минут десять они идут в густой тьме, ощупываемые со всех сторон ветвями деревьев. Непривычному к лесу Владимиру Павловичу кажется, что вдоль тропы выстроились какие-то живые существа и хватают его своими цепкими лапами.

Озеро встречает их прохладой, настоящей сырой прохладой, которая кажется особенно пронизывающей после тяжёлой духоты, ещё сохранившейся в лесу. Окаймлённая в чёрную раму гор и лесов, пелена воды едва видна. Ветер проносится где-то там, над другим берегом озера, и сюда доходят лишь тяжёлые, зыбкие волны. Они накатываются на берег и изредка щёлкают сдвинутой с места галькой. На воде чернеет силуэт лодки, привязанной к вбитому в землю колу. Волны бьют лодку в днище, она покачивается и поскрипывает.

Как и следовало ожидать, на берегу никого не оказалось. Слева берег закрыт угловатой стеной Крутиков — огромных утёсов, вплотную подступивших к воде. Правая, более пологая часть берега, насколько можно видеть, тоже пустынна. Нигде ни огонька, ни проблеска жизни, всё поночному настороженно и молчаливо, словно кто-то невидимый, чёрный присматривается к людям, так неожиданно появившимся на берегу.

— А ну, товарищи, пройдём вдоль берега! — решительно говорит Иван Алексеевич, на которого тоже угнетающе подействовала мрачная картина ночного озера.

Шурша галькой, они шагают вдоль самого берега, осматривая нависшие над озером тёмные склоны гор. Идти нелегко, ноги вязнут в тяжёлой гальке, и скоро Годунов нерешительно останавливается.

— Чёрта с два мы найдём их в этакой темноте, — ворчит он, тяжело дыша. — Утра подождать, что ли...

— Погодите-ка! — внезапно говорит Флегонт Лукич, и даже в потёмках видно, что он предостерегающе поднял руку. — Дайте-ка мне послушать!

Все трое замирают, затаив дыхание. Однако ничего не слышно, только зыбкая волна бьётся о гальку.

— Не слыхать, — говорит лесник. — А вот носом дымок чую. Должно, кто-то костёр палит. Пошли-ка вон к тому мыску...

Он уверенно ведёт своих спутников вперёд, но не вдоль берега, а куда-то в гору, в лес и каким-то ему одному известным образом находит в темноте тропинку, проложенную вдоль пологого склона горы. По ней они переходят перешеек выдавшегося в озеро каменистого мыска, а там уже и Годунов и Столетов замечают странные, колеблющиеся отсветы на жёлтых стволах сосен. Поднявшись ещё немного в гору, они видят и самый костёр. Он раскинут в глубине леса, в низинке. У огня видны две человеческие фигуры.

— Мальцы! — шёпотом говорит лесник. — Потише пойдём, а то напугаются ребятишки...

Поднявшись ещё немного в гору, они видят костёр.

Костёр раскинут в глубине леса. У огня видны две человеческие фигуры.

Владимир Павлович напрягает зрение, стараясь различить Павлика, но костёр то и дело заслоняют мохнатые ветви деревьев. Неожиданно Годунов, запнувшись о корень, падает и глухо ругается.

Один из сидящих у костра быстро вскакивает и, прикрыв ладонью глаза, всматривается в темноту. Второй тоже оглядывается, и Владимир Павлович узнаёт Павлика.

Очевидно, что-то разглядев в темноте, первый мальчик бросается в противоположную сторону, на ходу крикнув товарищу:

— Павка! За мной!

Павлик растерянно озирается, как будто не может решить, что ему делать: бежать в лес или оставаться на месте.

Владимир Павлович кидается напролом через кусты, крича:

— Павлик, подожди! Павлик!

КАК ВСЁ ПРОИЗОШЛО

Рыбачить на Светлое решили поехать ещё вечером, и вечером же Павлик должен был отпроситься у родителей. Отпроситься! Что может быть унизительней этого, если ты уже учишься в шестом классе и считаешь себя человеком самостоятельным! Поэтому понятно, что Павлик медлил. Он отложил разговор на утро, а утром, когда он встал, оказалось, что отец и мать уже ушли на завод. У кого же отпрашиваться, если в квартире одна тётя Клаша, которую Павлик не считал вправе решать такие вопросы?

Пока он раздумывал над своим затруднительным положением, под окном появился Митя Пичугин.

— Сёмка ругается,— доложил он,— самый клёв пропадает. Ты чего не идёшь?

Свесясь в окно, Павлик растерянно сообщил:

— Понимаешь, как получилось...

— Не отпускают? Я так и знал!

— Не в этом дело,—неохотно говорит Павлик.—Не отпрашивался я ещё, вот что...

— Здрасте! Как же теперь? Ну, сейчас отпросись.

— А у кого? Одна тётя Клаша дома. У неё, что ли, отпрашиваться? Вот ещё!

Митя молча размышляет. Ему досадно: прождали целых полчаса, а Павка даже не отпрашивался. Дать бы ему за такое дело хорошенько по загривку, чтоб не подводил!

— Эх, ты, растрёпа! — произносит наконец Митя.—Уж и этого сообразить не можешь. Телефон-то у вас есть?

— Ну, есть. А что?

— Вот и звони отцу!

Павлику не нравится, что он не сам додумался до такого простого выхода. Но вообще предложение хорошее: по телефону с отцом легче разговаривать о таком деле.

Однако всё получается не так, как ожидалось. Секретарь директора Капитолина Алексеевна говорит: «Папе очень некогда, Павлик. Он не будет с тобой разговаривать» — и кладёт трубку.

Павлик несколько минут обиженно прислушивается к шумам в телефоне. Вот как! Папа не хочет с ним разговаривать? Хорошо! Пусть! Он

уедет так! И Павлик идёт к буфету, решительно собирает с блюда пирожки и укладывает в школьный портфель.

Конечно, тётя Клаша немедленно заинтересовалась: куда это Павлик собирается? «На рыбалку!» — под нос себе бормочет Павлик и идёт к выходу. На пороге останавливается, думает, возвращается к телефону и вызывает лабораторию литейного цеха. Но не везёт так не везёт: мамы в лаборатории нет, понесла анализы в цех. Ну и пусть!

Теперь совесть у Павлика совсем чиста: он сделал всё, что мог, чтобы известить родителей о своей поездке.

Через пятнадцать минут Павлик вместе с Митей и Семёном Зыковым сидит на грохочущей площадке лесовоза, направляющегося на лесоучасток в сторону озера Светлого.

Верховодит ребятами Семён Зыков, костлявый, высокий подросток в рваной лыжной куртке и широких лыжных штанах неопределённого цвета. Резинка у штанов ослабла, и Семёну то и дело приходится руками водворять их на место. Обуви летом Семён не признаёт, из штанин выглядывают босые загорелые ноги, большие, как у взрослого.

Живётся Семёну нелегко: отца у него нет, а отчим, вагранщик литейного цеха, почему-то считает, что металлурги должны поддерживать своё здоровье водкой. От этого зависит и настроение отчима: то он не в меру добренький, слезливый, то, наоборот, мрачен, зол и в это время скор на руку. Бывало, что в класс Семён являлся с подбитым глазом и на все вопросы отвечал, посмеиваясь:

— Бегалки не сработали. Попался старику.

Денег дома бывает мало, и Семён на обувь и одежду зарабатывает тем, что нанимается колоть дрова, возить воду, убирать снег во дворах зимой, копать весной огороды. Всё это мешает учиться. Да и учиться приходится по чужим учебникам. Два раза пришлось сидеть по два года в одном классе, и только в прошлом году он перебрался в шестой. Среди своих младших одноклассников выглядит он колокольней, и многие набиваются к нему в приятели. Мите и Павлику повезло больше всех: Семён дружит с ними.

Ребят тянет к Семёну, и не только потому, что он старше и вдвое сильнее их. Он привлекает своим хладнокровным отношением к житейским невзгодам, которых у него очень много, своей смелостью и решительностью, когда надо выполнить какое-либо дело, своим упорством, с которым он стремится к поставленной цели: во что бы то ни стало закончить семилетку, поступить в ремесленное, стать электриком.

Спокойное и постоянное стремление стать электриком уберегло Семёна от дурных влияний. Он честен, смел и прям в отношениях со взрослыми и товарищами. Больше всего он старается походить на рабочих и льнёт к рабочим всей душой. И, конечно, среди рабочих самыми значительными ему кажутся те, кто связан с электричеством. Монтёр с железными когтями на плечах, перетянутый широким предохранительным поясом, — для него самый неотразимый человек. Семён часами может наблюдать за монтёрской работой и охотно помогает электрикам, их поручения выполняет аккуратно, добросовестно, основательно, — впрочем, как и всё, что ему поручают сделать.

Сейчас, взобравшись на платформу лесовоза, он располагается основательно, по-хозяйски, точно ему ехать не какой-нибудь час, а по меньшей мере сутки. Он аккуратно расстилает старую, дырявую телогрейку, сбрасывает куртку, прикрывает ею узелок с едой и ложится, явно намереваясь загорать. Полуприкрыв глаза выцветшими белёсыми ресницами, он наблюдает за Митей и Павликом.

Митя — мамкин баловень. У него тоже нет отца. Мать не чает в нём души, и Митя верховодит ею, к великой зависти других ребят, у которых отношения с родителями не так хороши. Это живой непоседа, вспыльчивый и горячий, беспечный и добрый, весь отдающийся первому впечатлению и первому порыву.

На лесовозе Митя чувствует себя превосходно. Машина катится ходко, с ветерком, кепку пришлось натянуть на самые брови, чтобы не сдуло. Вцепившись в крышу кабины, он бойко посматривает по сторонам чёрными выпуклыми глазами и сообщает обо всём, что видит, лежащим на платформе приятелям:

— Глядите, глядите, орёл парит! Вон куда его занесло! Крылышки — будь здоров!

Полюбовавшись на орла, он машет девчатам, окучивающим картошку на большом поле подле автострады. Девчата пользуются случаем разогнуть усталые спины и машут ему в ответ.

Навстречу вдоль обочины идёт вереница пожилых женщин. И Митя кричит во всю силу своего голоса:

— Тётеньки! Ягоды уже поспели, не видали?

Женщины что-то отвечают, но их не слышно. Да Мите и не нужно знать ответа: он снова озирается вокруг, выискивая, к чему бы прицепиться, с кем бы перекинуться словечком, над кем бы посмеяться. Митя наслаждается своей свободой, царящим кругом привольем...

На прицепе тяжко грохочет балка. Звенят и лязгают цепи, которыми стягиваются брёвна. Платформа усыпана щепой и кусками сосновой коры. Павлик вымазал руки в сосновой смоле, которой густо закапан настил, и чем больше он оттирает смолу, тем грязней и черней становятся руки, пальцы неприятно слипаются. Павлику не по себе и от этого, и от грохота балки, и главным образом оттого, что уехал он всё-таки без спросу и теперь дома никто не знает, где он. Чем всё это кончится?

По натуре своей Павлик склонен к задумчивости, и чем больше он размышляет, тем сильнее его томят тяжёлые предчувствия, а бурное оживление Мити, уже распевающего какую-то песню, кажется несносным...

РЫБАЦКИЕ НЕУДАЧИ

Для рыбалки облюбовали Крутики — гряду утёсов, пятиэтажной стеной нависшую над озером. Лес растёт только на вершинах скал, а голые, серые бока утёсов отвесной, неприступной стеной опускаются в воду. Однако в одном месте к Крутикам привалилась длинная цепь громадных валунов. Переходя с одного на другой, можно уйти далеко в озеро, до самых глубоких мест.

Здесь, на последнем валуне, очень хорошо: если не оглядываться назад, на Крутики, то легко вообразить, что ты на борту броненосца и плывёшь к далёкому противоположному берегу. Греет солнце, обдувает лёгкий ветерок, стек-

лянные волны облизывают чёрный, покрытый плесенью бок валуна. Только вот рыба никак не клюёт...

Вода удивительно прозрачна. Павлик спустил в неё ноги, и они как будто переломились пополам, торчат в разные стороны. Павлику становится смешно: да полно, его ли это ноги?

— Сёма, посмотри-ка! Ноги у меня... Чудеса! — обращается он к Семёну.

— Да видел уж. Это от воды: прозрачная больно, лучи преломляются, — равнодушно отвечает Семён.

— Тихо вы! Рыбу распугаете! — шипит на приятелей Митя.

Павлик молчит и продолжает любоваться необыкновенной прозрачностью воды. Поплавки плавают словно не в воде, а в загустевшем воздухе, лесу видно до самого крючка. Стайки мальков, расположившись кружком и пошевеливая хвостами, рассматривают извивающегося на крючке червя, точно стараются разгадать, что это такое.

— Сытые, чертяки, вот и не клюют! — сердито бормочет Семён. — Поздно мы приехали, вот что...

Он переходит на другой валун, поближе к берегу. Вслед за ним перебирается на соседний камень и Павлик. На дальнем валуне остаётся один Митя.

И надо же так случиться: лишь только ребята покидают валун, как у Мити начинается клёв. Сначала он выдёргивает из воды чебачка сантиметров на пятнадцать, за ним ещё двух подряд — помельче.

Семён хмурится, Павлик с завистью посматривает на Митю. А Митя таскает и таскает рыбёшку, еле успевая нанизывать её на кусок шпагатика с привязанной на конце спичкой.

— Которого, Мить? — не утерпев, спрашивает потерявший счёт Павлик.

Митя оглядывается, но смотрит не на ребят, а куда-то поверх них. По лицу видно: доволен, еле удерживается от смеха.

— Ерунда. Мелочь одна идёт, — пренебрежительно отвечает он.

Павлик уныло смотрит на свой неподвижно замерший поплавок, а Митя тем временем вытаскивает порядочного окунька. Павлик не выдерживает: сделав вид, что ему понадобился червяк, он перебирается обратно на митин валун. Пока он нанизывает червяка, Митя смотрит настороженно и молчит. Но когда Павлик закидывает удочку рядом с ним, чёрные глаза Мити загораются:

— Ну, это ты брось! Моё место!

— Это почему же? — спрашивает Павлик, собирая всю свою решимость. Вообще он довольно смирный и уступчивый паренёк, но сейчас на него накатило упрямство: так обидно видеть рыбацкую удачу соседа!

— Потому! Вы ушли, вот и рыбачьте там, куда ушли!

— Вот ещё хозяин какой нашёлся! Где хочу, там и рыбачу.

— А я говорю, уходи!

Дальше — больше. Павлик упорствует, Митя настаивает, перебранка разгорается, удочки падают в воду и плавают там, отданные на волю

Вцепившись в крышу кабины, Митя бойко посматривает по сторонам и сообщает обо всём, что видит, лежащим на платформе приятелям.

разыгравшейся рыбёшке. Долговязый Семён, вытянув шею, поглядывает то на приятелей, то на поплавок. Но он не успевает вмешаться: сжав кулаки, Митя налетает на Павлика, тот отстраняется, и Митя, не удержавшись, плюхается в воду.

Павлик с ужасом смотрит на вспененную воду, в которой мелькнули и исчезли синие трусы и голые пятки приятеля. Митя и так не особенно высок, а под водой он кажется совсем коротышкой. Тысячи серебряных пузырьков поднимаются вверх, а сам Митя, по-лягушечьи раскинув руки и ноги, погружается всё глубже и глубже.

— Сёма! Митька тонет!—кричит Павлик изо всех сил.

Семён уже здесь. Он освободился от штанов и готовится нырнуть за Митей. Но этого уже не нужно: Митя вынырнул сам и карабкается на скалу, отплёвываясь и отфыркиваясь. Семён и Павлик протягивают ему руки, чтобы помочь выбраться, но Митя головой отталкивает их и даже не смотрит на приятелей. Трясясь от злости, он достаёт удочку, укладывает в полевую сумку банку с червями: явно собирается уходить. Ребята молча смотрят на него, молчит и Митя. Он только громко сопит.

— Ты куда, Митя?—нерешительно спрашивает Павлик. Он уже не рад, что затеял это дело, и готов помириться.

Митя не отвечает. Собрав в охапку всё своё имущество, он уходит. Куда? Вряд ли он знает это сам. Он уходит, потому что твёрдо знает, что надо уходить. Он никому не может позволить так издеваться над собой. Хватит! Теперь он понял, какие у него друзья! Место отобрали, удочку чуть не утопили, самого в воду сбросили... Конечно, сбросили: не вернись Павлик, разве он упал бы в воду?

— Не дури, Митька!—кричит ему вслед Семён.—Тебе говорят, вернись!

Митя не может даже оглянуться: у него кривится лицо, губы трясутся от нестерпимого желания зареветь. Уже взобравшись на перешеек, он оглядывается и грозит кулаком:

— Я вам покажу! Вы ещё увидите!

— Покажи, покажи!—насмешливо бурчит Семён.—Задавала несчастный!

— Как же теперь, Сёма?—растерянно спрашивает Павлик.

— А никак!—с напускной беспечностью отвечает Семён, глубоко уязвлённый тем, что Митя его не послушался и не вернулся.—Часу не пройдёт, как вернётся. Я его знаю, горячку порет.

Но Митя не пришёл ни через час, ни позже. Они ждут его весь день, под вечер начинают разыскивать и ищут до наступления темноты. Мити нигде нет, и Семён решает дождаться утра, чтобы продолжать поиски. Домой Митя, по его мнению, никак не мог уехать: не в его это характере.

Уже впотьмах они находят подходящую для ночлега низинку. Семён разжигает костёр и ругает Митю на чём свет стоит:

— Ты не думай, что он где-нибудь далеко, он тут, рядом с нами, сидит. Запрятался и посмеивается над нами. Ну, погоди же, Митька, задам я тебе!

Потом он напустился на Павлика: надо же было ему лезть к Митьке! Павлик отмалчивается. Его угнетает и сознание своей вины, и то, что ночевать придётся в лесу, чего он ещё никогда не испытывал, и мысль о доме. Что там сейчас делается, представить страшно!..

Семён успокаивается и начинает располагаться на ночлег.

В это время из глубины леса доносится треск, какое-то ворчание. Семён уже на ногах, секунду вглядывается в темноту и затем прыгает в сторону, в кусты. Он видит, как из темноты выбегают и кидаются к ошеломлённому Павлику высокий длиннолицый мужчина в сером плаще и очках, чёрный бородатый лесник, который давеча утром спрашивал спичек закурить, и ещё кто-то низенький, круглый, в тёмном ми-

Семён и Павлик протягивают ему руки, чтобы помочь выбраться, но Митя отталкивает их.

лицейском кителе, широких синих галифе и с наганом на боку.

«Вот тебе раз, милиция!» — думает Семён и, притаившись за кустами, ждёт, что будет дальше...

ЗАГАДОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Ребят уже не видно, они остались за мыском, а Митя всё идёт и идёт вдоль берега, хрустя галькой.

Горы подступили к самой воде, Митя карабкается на склон и идёт лесом. Внизу за деревьями невозмутимо и спокойно поблескивает водная гладь; справа поднялись к небу лесистые вершины гор; идти хорошо, прохладно, легко. Сильно пахнет разогретой смолой, прелыми листьями и грибами.

Чем дальше уходит Митя, тем глуше и мрачнее становится лес. Нигде никаких тропинок, даже пеньков не видно, словно люди и не бывали здесь никогда. Сосны теснятся друг к другу, кроны их наверху сошлись плотно, так, что не видно неба, свет совсем слабый, под ногами одна рыжая хвоя да голая земля, травы нет, да и не вырасти ей в таких потёмках.

Мите становится не по себе: не повернуть ли ему обратно? Но воспоминание об обиде ожесточает его снова; он упрямо рвётся вперёд, через чащобу, прикрывая глаза локтем от хлещущих в лицо веток. Наконец он выбирается на старую просеку, очевидно, обозначающую границы какого-то лесного квартала.

Просека залита солнцем, отсюда хорошо видно всё озеро, а упирается она в небольшой залив, с трёх сторон окружённый высокими, скалистыми берегами. Он похож на заполненный водой каменный котёл, который только в одном месте соединяется с озером узким проливом. Обходить залив у Мити нет желания, и он, высмотрев в одной из скал нависший над водой выступ, по расщелине пробирается к нему и располагается рыбачить.

Клёва нет. Мите становится скучно. Прикорнув на горячем шершавом граните, он начинает подрёмывать и просыпается часа через три от охватившей тело прохлады: солнце переместилось, и уступ оказался в тени. По стене утёса сотнями перебегают зайчики. Митя осматривает залив. Толща воды до самого дна пронизана солнечными лучами, ясно видны устилающие дно валуны и мелкие камешки.

Среди валунов стоит автомашина. Митя ясно видит капот с фарами, кабину, кузов — всё, что полагается иметь грузовику.

Несколько мгновений Митя смотрит на машину спокойно, без удивления. Что ж тут такого? Наверное, он ещё спит, а во сне мало ли что может померещиться! Однако постепенно до сознания мальчика доходит, что он вовсе не спит, что он видит грузовик наяву и что машина находится там, где ей меньше всего следует быть, — на дне озера.

Необычность явления потрясает Митю, сердце бьётся частыми и сильными ударами. Он приподнимается, трёт щёку, онемевшую от долгого лежания на кулаке, и со страхом смотрит на машину. Откуда она взялась? Может, это просто подводная скала, похожая на машину? Да нет же! Машина, самая настоящая машина!

Безмолвная и неподвижная, она, как призрак, притаившийся в подводной глубине, стоит на дне залива и будто смотрит на Митю тусклыми, какими-то мёртвыми и поэтому страшными глазами-фарами. Митя невольно оглядывается назад, на расщелину, на тот случай, если вдруг придётся удирать.

Но машина ведёт себя спокойно, кидаться на Митю не собирается, и понемногу страх проходит. На смену ему является отчаянная радость: вот здорово, а? Он нашёл машину! И где? На дне озера, под водой! Ребята ни за что не поверят. А тогда он им скажет: «Пожалуйста, сплавайте сами и пощупайте!» Здорово, а? Ведь говорил он им, что покажет, вот и показал!

Митя не думает о том, откуда и как появилась машина. Важно, что грузовик тут, почти рядом. Несколько секунд он ещё размышляет, бежать ли к ребятам и рассказать о находке или сперва убедиться самому, пощупать руками. Нетерпеливое желание поскорее добраться до машины побеждает всё, и Митя, поспешно сдёрнув рубашку, весь охваченный возбуждением, прямо с уступа ныряет в воду и плывёт к тому месту, где стоит грузовик.

Но вот неудача: Митя не может найти грузовик. Машина точно заколдована. Её видно с уступа метрах в двадцати от берега, но стоит лишь прыгнуть в воду и поплыть, как машина исчезает, её скрывают отсветы неба на воде. Сколько ни плавает Митя, сколько ни ныряет, он никак не может наткнуться на то место, где стоит машина.

А время идёт. Потемнели озеро и лес, потемнело на востоке небо, там даже проступило несколько звёзд, и только на западе над щетинистой ломаной линией гор ещё полыхает костёр заката.

Озябший, мокрый Митя стоит на уступе и размышляет: вот-вот наступит ночь, ребята неизвестно где, машины не нашёл. Что делать? Бежать к Крутикам? Всё равно засветло не успеть. Ночевать на уступе? Но у воды так холодно стало, что уже и сейчас зуб на зуб не попадает. Выбраться наверх, в лес? Тоже не хочется: лес кажется очень уж тёмным, зловещим и враждебным.

Но деваться некуда, и Митя, пересиливая страх, взбирается на скалы, входит под своды леса. Здесь теплее, чем внизу, но темнота гуще. Митя торопливо отыскивает груду старой хвои под сосной, вырывает ямку и ложится. Мрак точно ждал этого: он обступает Митю со всех сторон такой непроницаемой стеной, что едва ли мальчик увидел бы свою руку, если бы решил поднять её к глазам. Он лежит неподвижно и молча, точно приплюснутый темнотой, боясь громко дышать, притаившись, как мышонок. Только бы как-нибудь дотерпеть до утра! Ну её, и машину эту!

Ночь, короткая летняя ночь, тянется бесконечно.

Продрогший после купания Митя не может уснуть. В лесу тихо, и все звуки приобретают удесятерённую силу: стук упавшей шишки кажется землетрясением, свист крыльев пролетевшей над лесом ночной птицы заставляет замирать сердце. А когда где-то раздаются два выстрела, они оглушают Митю, как раскаты грома. Мите чудится, что он слышит чьи-то голоса. Что это происходит в лесу?

Он долго лежит, обхватив голову руками, изо всей силы зажмурив глаза, подтянув коленки к самому подбородку. Колотится сердце, колотится так сильно, будто это и не сердце совсем, а

что-то неизвестный гулко бьёт молотом под землёй.

Впоследствии у Мити невозможно было выпытать, как он скоротал эту страшную ночь у Скалистого залива, какие ужасы мерещились ему в ночной темноте. Ему было так тошно вспоминать о своём малодушии, что он хмурился, молчал или переводил разговор на другое.

Но ночь всё-таки прошла, и Митя успел даже немного подремать. С восходом солнца он уже на ногах, сидит над обрывом, поспешно доедает остатки хлеба и смотрит, как заполняют озеро косые солнечные лучи, сгоняя седые лохмотья тумана. Скалистый залив ещё в тени, заполнен доверху густым туманом, словно молоком залит.

Чем теплее становится воздух, тем беспокойнее ведёт себя туман: он колышется, как живой, ползёт то в одну, то в другую сторону, свивается в клубки и растягивается в длинные нити. Наконец словно что-то дрогнуло: белая лавина бесшумно, без единого звука устремляется к проливу, вытекает из залива в озеро и исчезает в его просторах.

Вода в заливе очистилась, но машины не видно ни с обрыва, ни со вчерашнего уступа, на который снова спустился Митя. Поверхность воды, словно плёнкой, затянута отсветами неба, и что делается там, на дне, рассмотреть невозможно.

Настроение у Мити совсем другое, чем ночью: хотя он и устал от всего пережитого, спать хочется и в голове шумит, но уйти отсюда, не узнав, в самом ли деле он видел машину или она только померещилась, он уже не может. «День длинный, до ночи далеко, торопиться некуда—разузнаю всё как следует, тогда и домой поеду...» — рассуждает он, поглядывая на воду, от которой ещё веет ночным холодком.

Он долго топчется на уступе, наконец ныряет, плывёт по заливу. Опустив голову, он вглядывается широко раскрытыми глазами в подводную темноту... Что-то неясное, чёрное проходит под ним. Да, это машина. Митя различает кузов, кабину, капот. Она стоит на дне странно неподвижная, загадочная, необыкновенная.

Хорошенько подышав, Митя ныряет, опускается на кабину; ноги его ощущают шершаво-скользкую брезентовую обшивку, шпунты на досках; изогнувшись, он хватается за какой-то выступ, другой рукой шарит по гладкому ветровому стеклу. Но больше не хватает дыхания, грудь разрывается от желания вздохнуть, в ушах гудит всё сильнее и сильнее. Одним рывком Митя выбирается на поверхность и шумно втягивает воздух. Вместе с воздухом в горло попадает вода. Начинается кашель, неудержимый кашель, который не остановить никакими силами. «На берег надо, да поскорее. Потом опять приплыву...»—решает Митя. С трудом разглядев берег—глаза залиты не то водой, не то слезами,—он плывёт к нему. Кашель одолевает. Митя начинает захлёбываться. «Только бы до уступа доплыть... Только бы до уступа!» Он торопится, беспорядочно бьёт по воде руками и уже не плывёт, а только держится на воде. «Тону!»—мелькает страшная мысль. Бездонная глубина, казалось, втягивает его в себя, держит на месте, мешает плыть. Вода заливает лицо, и сквозь неё Митя видит на берегу какие-то расплывающиеся человеческие фигуры, бегущие по откосу.

— Тону!—хрипло кричит он, стараясь продержаться на воде ещё хоть минуту...

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— А третий-то где? Ведь вас утром трое было? — спрашивает лесник Флегонт Лукич, когда Павлик со всех сторон осмотрен и ощупан и ворчливо обруган Годуновым.

— Он ещё днём ушёл. Ты его знаешь, папа, это Митя Пичугин,—говорит Павлик и рассказывает, что произошло с ними днём, как поехали рыбачить и как распалось их рыбацкое товарищество.

Владимир Павлович поглаживает стриженую голову сына и думает. Сейчас, когда тревога позади, ему кажется, что в отношениях с сыном надо кое-что пересмотреть. Парень вырос, его тянет к большой, самостоятельной жизни, и ничем этого тяготения не пресечь и не уничтожить. Что ж, пусть идёт, пусть идёт! Лишь бы кончалось всё благополучно, как сегодня...

Годунов с досадой пощипывает щетинистые усы: сколько времени зря потеряно! Эх, ребята, ребята!

— Озорники!—ворчит он.—Переполоху наделать вы мастера... А Семён-то куда подевался?

— Не знаю,—отвечает Павлик, оглядываясь на лес.

Годунов встаёт и зычно кричит:

— Эй, Семён! Выходи, парень, не бойся! Не съедим!

— А я и не боюсь,— спокойно отзывается Семён и выступает из темноты в освещённый костром круг. — Здрассте!

Появление его так неожиданно, что все молчат, разглядывая его длинную, костлявую фигуру. Первым заговаривает лесник Флегонт Лукич — он сидит на корточках у самого огня и через костёр смотрит на Семёна сердитыми глазами.

— Здрассте-то здрассте, а со спичками ты меня, выходит, надул? Были у тебя спички?

— Были. Сами видите, костёр ими разжигал.

— А чего же не сказал, когда я утром спрашивал?

— Зачем? Вы бы отобрали, только и всего. Я ведь сразу понял, зачем вы прикурить спрашиваете.

— Ишь ты, понятливый какой! Всыпать бы тебе за такие штуки.

— Всыпать мне и без вас есть кому,—огрызается Семён. — Вот только кормить да учить никто не хочет.

Он стоит, слегка сутулясь. Взгляд прямой, дерзкий, насмешливый.

Столетов недоумевает: откуда у Павлика такой приятель? Раньше он его не видел... Годунов тоже всматривается в парня своим цепким милицейским взглядом: «Ишь ты, орёл какой выискался! Не надо ли тебя, коновода, укоротить?» Но вообще ему парень нравится — не то что этот худенький и бледный директорский сынок,— и начальник милиции молча ждёт, что будет дальше.

— Митьку-то сейчас будем искать или утра дождёмся? — сумрачно спрашивает Семён: не нравится ему молчание взрослых. — Мы с Павкой дотемна его искали, да разве найдёшь? Запрятался... Может, теперь вас побоится — вылезет...

— Тоже мне, друзья-приятели, побросали друг друга! — ворчит Годунов. — А это он верно толкует, надо поискать парня: шут его знает, что с ним случилось...

Митя со страхом смотрит на машину.

— Вот и я тоже думаю, одному-то теперь в лесу не больно сладко,— обрадованно поддакивает Семён. — Пойдём, Павка, воды притащим костёр залить.

Флегонт Лукич тщательно переворошил мокрую золу, и они отправились вдоль берега.

Их голоса и слышал в ту ночь Митя. Но он не откликнулся: ему и в голову не пришло, что кто-то может его искать. Не отозвался он и на выстрелы — стрелял из своего пистолета Годунов,— наоборот, они его напугали ещё больше.

Пришлось вернуться на кордон. Отсюда Владимир Павлович позвонил в город жене, сообщил, что с Павликом всё в порядке, но они немного задерживаются. Переждали ночь, а на заре снова вышли на озеро. Теперь уже все понастоящему встревожены и, развернувшись цепочкой, торопливо шагают по ещё сумрачным и тихим склонам гор. Павлик идёт ближе к берегу и первым слышит далёкие всплески воды.

— Флегонт Лукич, слышите? Должно быть, где-то утки полощутся,— говорит он леснику.

Флегонт Лукич приостанавливается, слушает и внезапно бросается к берегу.

— Какие уж там утки, покрупнее будет, — говорит он, пробегая мимо Павлика. — Косуля, видно, в беду попала...

Они выбегают на просеку и видят внизу, посреди скалистого залива, голову неизвестного пловца. Она то появляется, то исчезает, и по всему видно, что раннему купальщику приходится плохо. Как бы подтверждая это, доносится слабое:

— То-ну!

— Батюшки! Да никак тонет малец! — дрогнув, произносит лесник и кричит во весь голос: — Держись, парень!

Цепляясь за корни деревьев, за изломы скал, он спускается вниз, к заливу.

— Папа! Па-апа! — зовёт Павлик плачущим голосом. — Митя тонет! Помогите!

Из глубины леса уже бегут Годунов, Владимир Павлович, Семён.

Павлик едва узнаёт друга: бледный, со стиснутыми губами, с лихорадочно блестящими глазами и раздувающимися ноздрями, Семён летит широкими шагами. Он на бегу сбрасывает свой рваный рыбацкий ватник, на краю обрыва одним рывком освобождается от шаровар и остаётся в одних нескладных самодельных плавках. Нацелившись глазами на глубокое место, Семён с трёхметровой высоты прыгает туда, птицей распластавшись в воздухе.

Вслед за Семёном, ругаясь и на ходу расстёгивая китель и снимая пистолет, бежит Годунов. На краю обрыва он плюхается на землю и поспешно снимает сапоги, посматривая на залив. Нога застряла в голенище, и Иван Алексеевич, вскочив, сильным взмахом отбрасывает сапог далеко в сторону. Терпения больше не хватает, и он прямо в брюках грузно прыгает в воду.

На берегу остаются только перепуганный Павлик и Владимир Павлович, растерянно поправляющий очки. Внизу, на уступе, стоит Флегонт Лукич и руководит действиями ринувшихся на помощь Мите пловцов.

МАШИНА НАЙДЕНА

Семён и подплывший вслед за ним Годунов подхватывают отчаянно и бестолково бьющегося Митю и тащат к берегу.

Перепуганный и оглушённый, Митя плохо соображает, что происходит вокруг него. Словно сквозь сон, он слышит, как фыркают, отплёвываются и переговариваются хриплыми голосами Семён и Годунов, как чьи-то твёрдые и цепкие руки вытаскивают его на гранитный уступ, как суетятся вокруг него какие-то люди, испуганным голосом окликает Павлик. Семён кричит, что теперь надо откачивать, а другой кто-то требует, чтобы делали гимнастику.

Разлепив мокрые ресницы, Митя видит рядом с собой босые ноги в синих галифе. Он поворачивает голову и встречается взглядом с незнакомым человеком в очках — лицо у него встревоженное, голос мягок и ласков:

— Спокойно, спокойно, товарищи! Никакой гимнастики ему не надо, он уже очнулся. Давайте-ка лучше поднимем его наверх, на солнышко.

Митю укладывают на что-то мягкое. Он так устал, что ему хочется отдохнуть, погреться на солнышке и забыть, поскорее забыть о том, что с ним чуть было не случилось. Но на лицо падает тень; он чувствует, что кто-то склонился над ним. Это толстяк в синих галифе, с круглой розовой грудью, туго обтянутой голубой безрукавкой. Щетинистые усы его мокры, в них прячутся капли воды, капли скатываются с бровей и ресниц.

— Ты чего тут дурака валяешь, парень? — сердито напускается он на Митю. — Жить надоело? В этакую рань на воду занесло, подумайте! Да ты понимаешь, дурья голова, что запоздай мы на минуту — и конец тебе! Крышка!

Губа у толстяка сильно шевелится, усы топорщатся. Митя смотрит на его рот и устало думает: чего он ругается? За что? Ведь Митя сейчас пережил такое, чего вовек не забыть.

И не баловался вовсе, а всё из-за машины. Где она? Он хочет повернуться, посмотреть на озеро, но почему-то не может.

— Перестаньте же, Иван Алексеевич! — слышится голос того, в очках. — Отругаете потом, сейчас мальчишке не до вас.

— Как это так не до нас? — кипятится Годунов. Но, встретившись взглядом с Митей, стихает. — Потатчики вы им, папаши, вот что! А потом к нам бежите: помогай, милиция!

Он отходит в сторону и, что-то ворча себе под нос, начинает снимать тяжёлые, набухшие брюки.

Митя слышит шёпот Павлика:

— Митя, а ты почему купаться стал? Ведь ещё не жарко.

Митя оборачивается к сидящему на корточках другу:

— Я не купался. Я к машине плавал.

Павлик, не понимая, смотрит на Митю:

— К какой машине?

Митя молчит, размышляя, и Павлик подавленно говорит, что если бы он знал, что всё так получится, он бы ни за что не стал мешать Мите рыбачить. Да провались она, вся рыба, в озере! Больно-то её нужно!

— У меня одно дело есть, Павка, — прерывает его Митя. — Ты вот что: позови сюда Семёна.

И когда приятели склоняются над ним, он приподнимается на локоть и вполголоса говорит:

— Ребята, а я машину нашёл. Там в заливе стоит.

— Какую машину? — спрашивает Семён.

— Настоящую. Трёхтонку.

Семён и Павлик переглядываются.

— Застыл ты, Митька, здорово. Павка, принеси мою рухлядь, накроем мы его сейчас.

Митя понимает, что ему не поверили. Ему, уже убедившемуся в существовании таинственной подводной машины, кажется странным: почему не верят? Ведь он не только видел машину, он даже пощупал её своими руками.

Митя сбрасывает накинутую на него телогрейку и продолжает убеждать:

— Я вам верно говорю, ребята. Там она стоит, под водой. Сейчас её не видно, потому что вода небом отсвечивает, а вчера я хорошо видел...

По тому, что на лицах ребят появляется неопределённое выражение, что они отводят глаза, Митя понимает, что он их нисколько не убедил.

— А ну вас! Не верите, не надо! — Он отворачивается и смотрит на озеро.

На противоположном берегу синеет зубчатой стеной Урал. Озеро уже ярко освещено, отчётливо белеют полоски прибрежных песчаных пляжей, только над тёмными ущельями, врезанными в горные кряжи, всё ещё курится лёгкий парок.

Митя переводит взгляд на берег. Владимир Павлович — наконец-то Митя узнал павкиного отца! — стоит на самом краю обрыва и задумчиво разглядывает распростёртое перед ним озеро и дальние горы. На ветвях кривой, искалеченной сосны развешены синие галифе толстяка и кобура с пистолетом. Сам толстяк, сдирая облепившую тело мокрую безрукавку, направляется к кустам: очевидно, хочет отжать бельё. Костлявый бородатый старик раскладывает на плоском камне предметы, повидимому, вынутые из кармана синих галифе: носовой платок, размокшую коробку папирос «Казбек», перочинный ножик, запасную обойму с патронами, связку ключей.

— Кто это? — спрашивает Митя.

— Начальник милиции и лесник здешний, — отвечает Семён и, нехотя усмехнувшись, добавляет: — Наделали мы переполоху — будь здоров! Кабы не павликов папка, была бы нам баня. Хороший у тебя отец, Павка, верно. Добрый...

— Ничего себе, — смущается Павлик; он никогда ещё не задумывался над тем, какой у него отец: добрый или злой.

— А я, ребята, всё-таки нашёл машину. Зря вы мне не верите, — опять говорит Митя.

Семён, начиная сердиться, сплёвывает изжёванную былинку:

— Не разыгрывай, Мить, всё равно не поверим. Какая тут может быть машина? Ни одной путёвой дороги нет. Пехтурой и то не пробёрешься, а ты: машина...

— Она на дне стоит. Я на кабину спускался, ветровое стекло пощупал. А в кузове груз: какие-то ящики, — не слушая, точно в бреду, говорит Митя.

Павлик смотрит на Семёна: в голосе Мити столько убеждённости, что нельзя не поверить ему. Семён посматривает на отражающий безоблачное небо скалистый залив: ну откуда тут взяться машине? В такую глухомань и люди-то, наверное, раз в год заглядывают.

— Сплавай, Сёма, сам увидишь. Недалеко, метров двадцать, вон там, — уговаривает Митя.

— Я ещё с того разу не согрелся, — слабо отговаривается Семён и вдруг решается: — Ну, Митька, если ты разыграл меня, я тебе задам, не обрадуешься!

— Да нет же, Сёма, она там... — говорит Митя.

Семён уже не слушает, идёт к обрыву, вглядывается в залив, прыгает и, изогнувшись, столбиком врезается в воду. Митя и Павлик тоже подбегают к обрыву, растерянно смотрит вниз Владимир Павлович.

— Левее, левее забирай, Сёма! — кричит Митя.

Из кустов спешит Годунов и, увидев плывущего по заливу Семёна, сердито приказывает:

— А ну, марш назад! Это ещё что за новости? Один чуть не утопился — другому захотелось?

— Дядя, дядя, не мешайте ему, он сейчас! Он только машину посмотрит и обратно, — молит Митя и кричит Семёну: — Под тобой она, Сёма! Ныряй!

Семён опускает голову под воду и лежит на поверхности, чуть пошевеливая руками и ногами: очевидно, всматривается в глубину. Потом поднимает голову, делает несколько вдохов и погружается в воду.

— Морока одна с этими ребятишками, — жалуется Владимиру Павловичу Годунов. — Чего только не навыдумывают! Какая ещё тут машина появилась?

— Трёхтонка, дядя. На самом дне стоит, — возбуждённо отвечает Митя, не сводя глаз с того места, где исчез Семён. — Я её ещё вчера увидел. Из-за неё всё и получилось.

— Трёхтонка? — повторяет Годунов и щурит глаза, разглядывая Митю. Он вспомнил о полученной вчера телеграмме. — А ты не врёшь, парень?

Митя не успевает ответить: из воды появляется Семён.

— Есть что-то! Сейчас разберусь!

Через несколько секунд он появляется вновь.

— Машина! На кабину встаю!

Иван Алексеевич прямо в брюках прыгает в воду.

Он опускается стоймя и похлопывает над головой ладонями, чтобы показать, на какой глубине находится кабина. Вода подступает к самому рту, и Семёну, чтобы дышать, приходится задирать голову.

— Метра полтора будет. Эх, куда её занесло! — бормочет Годунов и, не спуская глаз с Семёна, по расщелине спускается вниз. Сунув ногу в воду, он тотчас отдёргивает её. — Вот чёрт, ещё холодней стала, как в Ледовитом океане! Эх ты, доля наша милицейская!

Он шумно плюхается в воду и, покряхтывая, плывёт к Семёну. Тот, стуча зубами, приглашает начальника милиции:

— Опускайте ноги, Иван Алексеевич! Тут она, подо мной!

Годунов встаёт. Ростом он немного выше Семёна, вода ему тоже подступает ко рту. Он долго и тщательно ощупывает ногами крышу кабины. Оступившись, ныряет, снова появляется на поверхности и, утвердившись на кабине, возглашает:

— Верно! Есть машина! Чертовщина какая, а?

Они кружат ещё несколько минут над грузовиком, потом плечом к плечу плывут к берегу.

— Ну, что там? — встречает их Владимир Павлович. — В самом деле машина?

— В самом деле, — отвечает Годунов. — Машина Алаганского совхоза. Мы-то с ног сбились, по всем дорогам ищем, а она вон где! Под воду ушла. Ну и ну!

— Алаганского совхоза? — повторяет удивлённый Столетов. — Постой, постой! Это выходит, что она с целинных земель? Как же она сюда попала?

— А вот этого я как раз не знаю. Раскошеливайся, директор: придётся организовать подъём.

Ребята молча слушают разговор о том, как вытащить грузовик. Но как сюда попала машина, узнать не удаётся.

— Он хоть и знает, так не скажет, — вполголоса говорит Семён. — Известное дело — милиция.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕМЁНА

На кордон возвращаются только к полудню. Когда все уже разместились в машине, Семён, отводя глаза, заявляет, что остаётся здесь, при затонувшем грузовике.

Конечно, Иван Алексеевич вскипает, шумит и грозит, но Семён, уставясь в какую-то невидимую точку над плечом начальника милиции, спокойно режет:

— А вы не кричите на меня, Иван Алексеевич, ведь я всё равно останусь. Я знаю, что делаю.

— Ничего не знаешь. Малолеток ещё знать.

— Нет, знаю. Ведь машина-то откуда? С целины. Её беречь надо. Грузу вон сколько!

— Беречь? Смотрите, какой заботливый! — Годунов немного озадачен и несколько секунд размышляет. В самом деле, машина теперь как бы принята на ответственность милиции, и если за нею присмотрит лишний глаз, это будет совсем неплохо. Махнув рукой, он соглашается: — Шут с тобой, оставайся. Только смотри: до автоинспектора ничего не шевелить. Понятно?

— Понятно, не маленький. — Помолчав, Семён добавляет: — Мне лодку да топор надо. Скажите леснику, чтоб дал.

— А я, ребята, всё-таки нашёл машину. Зря вы мне не верите, — говорит Митя.

— Это ещё зачем?

— Буёк над мащиной поставлю. Чтобы не искать каждый раз...

— Ишь ты! — невольно одобряет Иван Алексеевич: несмотря на строптивость, мальчишка ему нравится всё больше и больше. — А ничего такого-этакого не получится?

— Не получится.

— Смотри! Надеюсь на тебя.

Машина скрывается в лесу...

Вернувшись к Скалистому заливу, Семён прежде всего устраивает хороший прикол для лесниковой лодки. Затем под сосной разбивает лагерь: из ветвей сооружает шалашик, на сучок вешает узелок с харчами — ему удалось выпросить у лесника краюху хлеба, соль, яйца, огурцы, — обкладывает камнями место для костра, чтобы теплее было ночевать. Удовлетворённо осматривает своё хозяйство: совсем как у Робинзона! Жить можно!

Потом он отправляется в лес и мастерит из сухостоя буёк, плотик с поставленным торчком чурбаком. Гвоздей нет, Семён скрепляет всё сооружение гибким ивняком. Погрузив буёк в лодку, Семён отчаливает и плывёт к грузовику.

Солнце залило своим светом залив, вода освещена насквозь до самого дна, машину долго искать не приходится. Семён сбрасывает буёк с привязанным к нему камнем-якорем в кузов машины. Ударившись о грузовик, камень поднимает облако зелёной мути.

«Долго ж она тут стоит, если столько грязи успело насесть!» — размышляет Семён и ждёт, чтобы муть улеглась и можно было получше рассмотреть груз. Вдоль бортов кузов уставлен небольшими, обтянутыми по углам железными полосками деревянными ящиками. Между ними грудой лежат коленчатые валы — не такие, как у автомашины, а ещё больше. Тут же лежат гусеничные звенья и ещё что-то, чего и не различить.

Больше ничего интересного в кузове нет. Семён коршуном кружит над грузовиком, осматривая его со всех сторон. Тень от лодки и силуэт его самого, взмахивающего веслом, ползают по песчаному дну, на котором кое-где бугрятся полузанесённые песком валуны. Машина цела, только колёса глубоко увязли в песке.

Больше всего Семёна интересует кабина. Может быть, там и кроется разгадка появления грузовика на дне Скалистого залива? Но как он ни старается, ему ничего не удаётся различить за тёмным ветровым стеклом. А любопытство одолевает. И, забыв все запреты начальника милиции, Семён привязывает лодку к буйку и спускается в воду.

Перевернувшись головой вниз, он ныряет и достаёт ручку кабины. Вопреки ожиданиям дверца поддаётся нажиму и распахивается легко, точно её кто-то толкнул изнутри. Однако дыхания не хватает, и Семён вынужден подняться на поверхность. Несколько минут он

отдыхает, потом вторично погружается в воду и, придерживаясь за дверцу, проникает в кабину.

В это время что-то мягкое и упругое толкает его в голову, толкает, словно живое, коротким, несильным ударом. Семён отшатывается, но его снова кто-то толкает в плечо, как будто неизвестный ощупывает его перед тем, как схватить. Мгновенно ужас охватывает Семёна. Не помня себя, он выныривает на поверхность и с лихорадочной поспешностью карабкается в лодку.

Лодка, точно и её что-то напугало, не даётся Семёну, начинает крутиться на месте. Нога зацепляется за что-то жёсткое, видимо, за верёвку, которой привязан буёк, а Семёну уже кажется, что неизвестный схватил его и сейчас потянет вниз. Обезумев от ужаса, Семён кричит дурным голосом, плюхается наконец в лодку, отвязывает её трясущимися руками и что есть силы гребёт к берегу. На четвереньках выбравшись на уступ, он наконец находит в себе силы оглянуться.

Залив млеет в солнечных лучах. Слышно, как в лесу над обрывом поют птицы. Посвистывая крыльями, проносится чайка.

Всё тихо, спокойно, мирно...

Так чего же он испугался? Ну, мягкое, упругое, скользкое, толкается, так что ж из этого? Пусть даже то самое, о чём он думает, но в чём не признаётся самому себе,— утонувший водитель, вывалившийся из кабины, пусть даже он, так что ж из этого? Чего его бояться?

Одним словом, струсил!

— Струсил! — слышит Семён так явственно, что невольно оглядывается: кто это сказал? Нет, никого нигде нет. Просто подумалось, а показалось, что кто-то сказал вслух.

Семён чувствует, что щёки у него начинают гореть, что он краснеет от стыда и злости на себя. Хорошо, он сейчас покажет, какой он трус! Зубы стиснуты, глаза прищурены, ноздри раздуваются. Семён плывёт обратно, к грузовику. Теперь уж он не вернётся назад, скорее погибнет, чем убежит! Он решительно опускается под воду, цепляется за открытую дверцу, отыскивает то упругое и мягкое, что толкнуло его. Вот оно, покачивается под рукой. Что бы это могло быть? Пальцы нащупывают край доски, за ней пустота, какие-то скрученные проволоки. Ну да, так и есть, сиденье! Его подняло к потолку, а когда Семён сунулся в кабину и всколыхнул воду, сиденье закачалось и начало толкаться. Как всё просто!

А ведь он, помнится, даже заорал от страху. Семёна стал разбирать смех: вот так опростоволосился! Хорошо, что никто его не видел!

Насмеявшись вдоволь, он хмурится. Так. Ясно. Водитель не утонул вместе с грузовиком. Куда же он девался после того, как привёл сюда машину и утопил в заливе?

Семён внимательно осматривает берега. Полукругом залив обступили скалы. Они высоки, круты, неприступны, словно стены военной крепости. Над обрывом чернеет сплошной сосновый лес — настоящая непроходимая тайга, ни дороги, ни тропинки. Нет, отсюда машина спуститься никак не могла: непременно бы разбилась, а она цела.

Остаётся только вход в залив со стороны озера. Здесь пролом в скалах, узкий пролив, окаймлённый двумя галечными отмелями. Отсюда машина могла бы появиться, никаких препятствий не видно, за исключением одного — воды. Каменные ворота заполнены водой. Не приплыла же она по проливу, в самом деле! На лодках такую махину тоже не привезёшь. Да и кому нужно это делать?

«Вот задача, так задача!» — качает головой Семён.

Сколько он ни думает, придумать какое-нибудь подходящее объяснение не может. Отчалив от буйка, он плывёт к шалашу: солнце клонится к закату, надо устраиваться на ночлег.

СНОВА НА СВЕТЛОЕ

Привалившись в угол, Годунов безмятежно спит. Сквозь глухой рокот мотора слышно, как начальник милиции время от времени звонко всхрапывает и, точно испуганный этим звуком, приоткрывает глаза, подозрительно осматривает всех и опять засыпает. Владимир Павлович сидит рядом с водителем. Он вынул блокнот и что-то записывает.

А в другом углу, тесно прижавшись друг к другу, сидят Павлик и Митя. Митя возмущён поступком Семёна: он нашёл машину, он чуть не погиб из-за неё, и вот Семён отобрал у него находку, остался у машины, а они едут домой ни с чем. И чем дальше они уезжают от Светлого, тем обиднее становится Мите.

— Я вернусь, честное слово, вернусь. Ты как хочешь, а я вернусь,— с жаром шепчет он на ухо приятелю. Павлик видит, как в выпуклых чёрных глазах его набухают слёзы. — Заберу хлеба и на попутной обратно. Попутной не будет — пешком пойду.

«И пойдёт. Он такой»,— думает Павлик.

Митя вытирает кулаком слёзы и опять приникает к уху друга:

— Давай вместе, а?

Павлик молчит и смотрит в окно. Областная автострада проложена вдоль длинного, растянувшегося на десятки километров горного хребта. За окном плывут и плывут горы. Глубокие, тёмные ущелья врезаются в хребет, и тогда наверняка можно сказать: сейчас будет мост. И в самом деле, деревянные перила моста мелькают за окном, и виден глубокий извилистый овраг, уходящий в горы и исчезающий в ущелье. Дно оврага густо заросло черёмухой, и Павлик знает: там, между деревьев, струится ручеёк.

— Давай, Павка, махнём вместе на Светлое! — повторяет Митя, и его дыхание щекочет Павлику шею.

— Не пустят. Мне ещё от мамы попадёт, — безнадёжно отвечает Павлик: он подавлен тем, что его ждут дома мамины слёзы, а он их не выносит. Пусть бы лучше побила, и то было бы легче. Но бить она не будет, будет только плакать и читать нотации.

— Ведь интересно же, как её вытащат,— убеждает Митя.

Конечно, интересно. Павлик слышал, как совещались Годунов и отец. Сначала хотели построить плот, чтобы на него поднять грузовик. Владимир Павлович вытащил блокнот и стал подсчитывать: вырубка, трелёвка, сплав... Получилось очень дорого, чуть ли не дороже самой машины. Тогда отец пообещал прислать с завода гусеничный трактор с лебёдкой. Грузовик будут вытаскивать трактором. Как же не интересно, но... мама! Мама ни за что не отпустит. Если бы папа попросил...

Владимир Павлович продолжает свои подсчёты. Павлик прижимается подбородком к спинке переднего сиденья и негромко произносит:

— Пап! А мне можно поехать грузовик поднимать на Светлое?

Владимир Павлович оглядывается на сына. В то же время Павлик чувствует толчок. Покосившись на Митю, он видит, что тот, застыв под взглядом Владимира Павловича, усердно толкает Павлика ногой. Павлику понятно, что это значит: «Разве так просят? Эх, ты!» Павлик отворачивается: каждый просит так, как умеет; стоит ли из-за этого толкаться?

— Всё зависит от мамы. Ты представить себе не можешь, как она волновалась, когда ты пропал! — отвечает Владимир Павлович. — Если она отпустит, пожалуйста, поезжай.

— Она не отпустит, — уныло произносит Павлик. — Вот если бы ты попросил, — другое дело.

— Зачем же я-то буду просить? — посмеиваясь, удивляется Владимир Павлович. — Ведь ехать тебе надо, не мне.

— Её проси не проси, всё равно... — Не договорив, Павлик смотрит в окно.

Сейчас они приедут в город, отец уйдёт к себе, и всё будет кончено; не бывать ему на Светлом, не видать подъёма грузовика. Павлик чувствует на себе ласково-насмешливый взгляд отца и хмурится: испытанное средство сдержать слёзы, когда они готовы брызнуть.

— Хорошо, поезжай. Я поговорю с мамой, — сквозь рокот мотора звучит спокойный голос Владимира Павловича.

Что? Что сказал отец? Павлик вскидывает голову, ему кажется, что он ослышался. С минуту он недоверчиво смотрит в улыбающиеся за стёклами очков серые глаза и, наконец, поверив, что разрешение получено, трётся щекой о руку отца. Митя, конечно, следит за ним: экие, мол, телячьи нежности развёл! Ничего, пускай смотрит; Павлик сейчас готов кинуться отцу на шею.

Владимир Павлович легонько щекочет сына за ухом: поезжай, сынок! Сын вырос, стремится к самостоятельным делам, пусть едет. Он достаточно зрел, чтобы оттолкнуть от себя плохое, а хорошее, что встретится на пути, пусть вбирает его душа. Поднять грузовик будет нелегко, — пусть увидит, как люди преодолевают трудности.

Сам того не замечая, Владимир Павлович смотрит поверх сына на Митю. Смотрит пристально и так странно, что тот начинает смущаться и егозить: неужто Владимир Павлович слыхал всё, что нашёптывалось на ухо Павлику? Будет теперь ругать: зачем сманивал бежать обратно на Светлое?

И, как это часто случалось с Митей, он рванулся навстречу опасности:

— Вы, Владимир Павлович, не подумайте чего-нибудь такого. Я ведь тоже отпрошусь у мамки. Верно, верно!

— Отпросишься? — переспрашивает Столетов. — А если не отпустит? Конечно, удерёшь?

«Всё слыхал!» — мысленно ахает Митя и горячо убеждает:

— Отпустит. Я к ней подход хороший знаю.

— Я тебе верю, Дмитрий. Смотри не подводи! — строго предупреждает Владимир Павлович и погружается в свои расчёты.

Митя озадачен. Он не рассчитывал, что разговор закончится так легко и быстро, и с недоумением смотрит на Владимира Павловича. Чувство у него такое, словно его одурачили: надавал разных обещаний, а ничего серьёзного не произошло. Теперь хочешь не хочешь, а добывай согласие матери: не может же он, в самом деле, обмануть поверившего ему взрослого человека, директора завода.

«Победу» сильно качает: она перебирается через железнодорожные пути, уходящие в широкие ворота заводского двора. Вахтёр козыряет. Машина сворачивает на обсаженную тополями широкую центральную магистраль, несётся к заводоуправлению и резко останавливается точно против дверей.

От толчка Годунов клюёт носом и просыпается:

— Однако приехали, как я погляжу. Быстренько! А я, кажется, вздремнул... — Он потягивается, встряхивается, трёт глаза. — Так когда же трактора ждать, Владимир Павлыч?

Выйдя из машины, они договариваются о тракторе.

Павлик ловит взгляд отца и докладывает:

— Мы, папа, пойдём к митиной маме отпрашиваться.

Владимир Павлович кивает, и ребята отправляются в путь.

Звон, грохот, стук и гул несутся со всех сторон. По магистрали проносятся грузовики — новые, блистающие свежей краской... Здесь они совершают свой первый испытательный пробег. Прижимаясь к обочинам, спешат тихоходы-тягачи; ворча, катятся на своих маленьких колёсах коротышки-электрокары. Цехи растянулись на целые кварталы; из распахнутых дверей, из раскрытых окон несутся самые разнообразные звуки: рокот станков, перестук молотов, шипение пара, мощные вздохи компрессоров, визг распиливаемого железа, пулемётная дробь пневматических молотков.

Завод работает полным ходом.

(Окончание в следующем номере)

С. ОБРАЗЦОВ

Поездка в Лондон

Для того, чтобы всё было понятно, надо сперва сказать, кто я такой. Фамилию мою вы уже прочли в верхнем углу этой страницы. Зовут меня Сергей Владимирович. По профессии я актёр и режиссёр. Руковожу Государственным Центральным театром кукол. Театр этот помещается в Москве, на площади Маяковского. Каждый день в нём идут спектакли для ребят и каждый вечер — для взрослых. Театр выезжает в другие города Советского Союза, а иногда ездит и в другие страны.

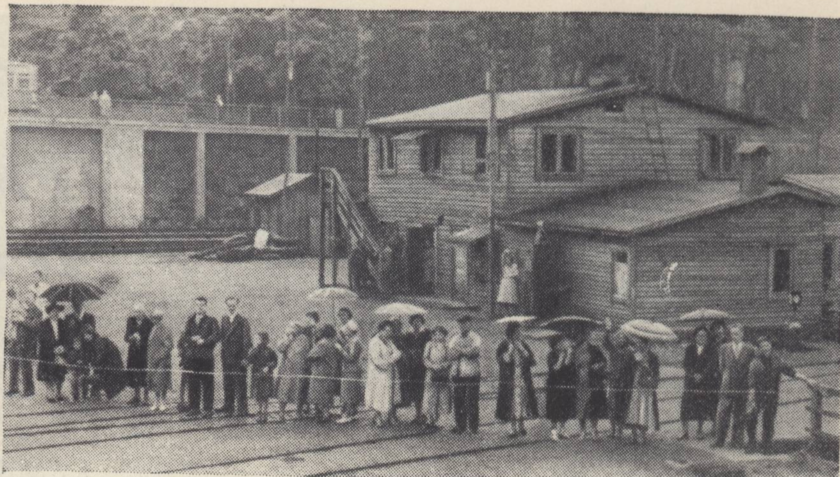
Семь лет тому назад мы играли в Германской Демократической Республике. Однажды в городе Дрездене меня попросили приехать на завод оптических приборов, чтобы показать мои концертные номера с куклами. После концерта рабочие завода подарили мне замечательный фотографический аппарат «Контакс». Я очень благодарил их за такой прекрасный подарок, но вначале не знал, что́ с ним делать, потому что совсем не умел фотографировать. Конечно, я и сейчас не научился снимать, как настоящий фотограф, но очень полюбил мой фотоаппарат и, куда бы ни ехал, всегда беру его с собой.

Летом прошлого года Общество англо-советской культурной связи пригласило наш театр в Лондон. На маленьком пароходе «Белоостров» мы вышли из Ленинграда по русской реке Неве и через семь дней вошли в английскую реку Темзу. Первое, что я начал ловить в объектив фотоаппарата, были чайки. Нам казалось, что они летели за нами от Ленинграда до самого Лондона, но, конечно, это были разные чайки. Сперва нас провожали чайки двух противоположных берегов Финского залива: русские и финские. У них приняли эстафету чайки шведские и передали её немецким чайкам Кильского канала и Эльбы. Те проводили нас до Северного моря, а морских чаек европейских берегов сменили их сёстры с южного берега Британского острова, которые передали нас чайкам Темзы.

Днём, в солнечную погоду, чайки на синем небе были белыми, как носовые платочки; вечером они становились розовыми, а когда попадали на закатное облако, то казались вырезанными из чёрной бумаги.

Когда мы причалили к пристани Хельсинки, был дождь. Вот почему фотография получилась мутная. По деревянному трапу к нам на пароход поднялись новые пассажиры — финны, едущие в Швецию и Англию. Их родственники стояли под зонтиками за натянутой верёвкой, что-то кричали на незнакомом нам языке и махали на прощание руками. Не думайте, что все дома финской столицы похожи на деревянный домик, стоящий у пристани. Наш театр несколько лет тому назад играл в Хельсинки. Это красивый город. В нём много хороших домов и замечательный парк, в котором живут ручные белки. Этот парк находится на горе — как раз над головами людей, стоящих под зонтиками.

* * *

После Хельсинки вышли в открытое море. Постепенно завязываются знакомства. Три весёлых финских девушки знают четыре русских слова, два шведа — десять слов по-английски. Вполне достаточно, чтобы вместе кормить чаек или обсуждать, какую выдержку надо делать, если чувствительность плёнки двадцать одна дина, а диафрагма — одиннадцать.

Снимать есть что. Во-первых,— чаек, во-вторых,— друг друга, в-третьих,— смешного коротколапого щенка капитана, в-четвёртых,— пароходы.

Открытое море оказалось совсем не безлюдным. И сзади нас, и впереди, и навстречу шли грузовые пароходы. На высоких мачтах флаги самых различных государств: английские, немецкие, французские, голландские, шведские, норвежские, итальянские, финские, американские, турецкие.

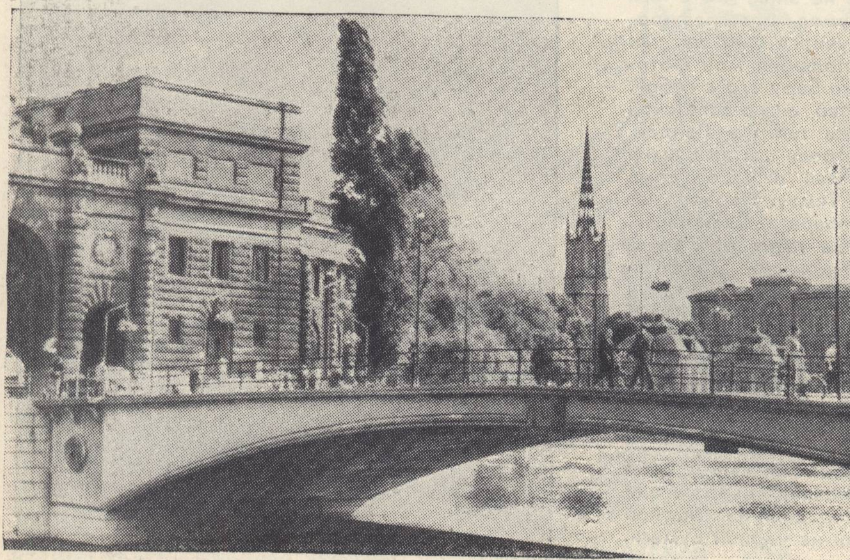
На вторые сутки мимо нас поплыли бесчисленные острова и островки: гранитные, лесистые, украшенные игрушечными домиками под красными крышами.

С капитанского мостика раздался свисток, и на мачту вполз квадратный флаг. На морском языке это значит: «Просим лоцмана». На моторном катере прибыл лоцман и влез к нам по верёвочной лестнице.

По извилистым проливам между островками «Белоостров» прошёл шхеры и вошёл в гавань Стокгольма. Это столица Швеции. Здесь наш пароход стоял полтора дня, потому что из его трюма разгружались бочки с чёрной икрой.

За это время мы обежали много километров улиц, длинные залы королевского дворца, картинную галерею и огромный парк-музей, в который свезены со всей страны старые крестьянские избы, колодцы, мельницы, деревянные церкви.

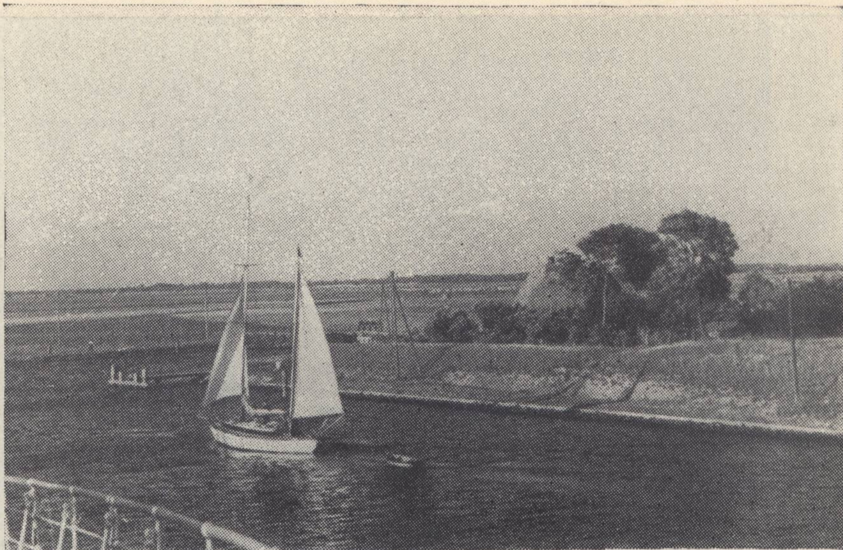
Погода была солнечная, и поэтому город казался особенно красивым. В нём много набережных, мостов и мостиков, много старинных зданий, много бульваров, садиков, парков и очень много цветов.

В середине второго дня бочки с икрой были выгружены на берег. Новенькую «Победу», смирно стоявшую на нашей палубе, большой железный кран поднял, как спичечную коробку, прямо в синее небо и, прокатив по воздуху над нашими головами, осторожно поставил на чужую землю. Теперь она будет бегать по улицам шведской столицы.

По трапу поднялись новые пассажиры. Русский, финский и шведский языки совсем перепутались, и только смеялись все одинаково понятно. А как же не смеяться, если у капитанского щенка лапы такие короткие, что вверх по лесенке он ещё кое-как взбирается, а вниз спуститься не может, визжит и лает!

Мимо уже знакомых нам лесистых островков-курортов и островков-крепостей, мимо белопарусных яхт и прыгающих, как водяные жуки, моторных лодок, мимо узеньких байдарок, устроенных так, будто в них сидят только верхние половинки людей, отчаянно размахивающие своими доисторическими вёслами, мимо неуклюжих барж и военных кораблей «Белоостров» вышел в море. Оно темносинее и от края до края покрыто грядами белой пены. Значит, будет шторм. Утром следующего дня так мотает, как будто наш «Белоостров» не пароход, а пустая бутылка. Ветер — девять баллов. Это уже настоящий шторм. Бывает, конечно, и десять и даже двенадцать, но и девяти вполне достаточно, чтобы понять, что такое море, особенно если пароход, на котором едешь, невелик. На палубе не то что ходить, а и стоять-то можно с трудом, но зато смотреть очень интересно. С высоких, как горы, волн ветер срывает пену, превращая её в кисею брызг, а солнце в каждой такой кисее зажигает столбики радуг. Большие пароходы качаются медленно и солидно, а маленькие окунают свои носы в воду, и волны обдают их с носа до самой кормы. Только чайки летают всё так же спокойно и даже застывают в воздухе, распластав крылья, словно они не чайки, а бумажные змеи, которых кто-то держит невидимой ниткой.

Шторм бушевал и ночью и утром следующего дня, а потом вдруг исчез, будто его и не было. По ласковой, тихой воде спокойно идёт яхта, и мелкая рябь, бьётся у её белого эмалевого борта. Это мы вошли в Кильский канал. От Балтийского до Северного моря он пересекает Западную Германию.

На набережной шлюза мелкими камешками выложены два больших чёрных орла, а между ними метровыми мозаичными буквами написано, что шлюз этот построен в 1914 году императором Вильгельмом Вторым. Это год начала первой мировой войны. Через четыре года Вильгельм уже не был императором.

По Кильскому каналу мы плыли целый день. Мимо домиков с черепичными крышами, мимо рыболовов с удочками, мимо детей, которые махали нам руками, подпрыгивали и что-то весело кричали. Вечер пришёл тихий и тёплый. Тень от коротколапого капитанского щенка стала похожа на длинноногого жеребёнка. К плещущим у берега жёлтым струйкам воды боком спустилась ворона и стала пить. Выскочила и перевернулась в воздухе золотая уклейка. По воде побежали стеклянные круги. Туман дырявой кисеёй прикрыл заливной луг. Зажглись мирные уютные бакены. Сладкий запах рыбачьего костра смешался с густым запахом скошенной травы и сырой прибрежной осоки. Где-то щёлкнул соловей. Ему ответил другой.

А в это время матросы на пароходе снова плотно завинчивали иллюминаторы, потому что впереди у нас было Северное море, а там уже не соловьи, а штормы.

Вот так и в стране, по которой плыл наш пароход. Простые люди этой страны хотят мирной жизни, хотят, чтобы дети их были счастливы и веселы, а крупные фабриканты и заводчики, американские и немецкие торговцы оружием, с помощью клеветы, лжи, денег и страха стараются сделать всё, чтобы был шторм, чтобы опять была война.

Тридцать шесть часов болтало нас в шторме Северного моря, пока мы наконец не вошли в устье Темзы. От моря до Лондона шестьдесят километров. Мы проплыли мимо Гринвичской обсерватории, иначе говоря, пересекли тот самый меридиан, который географы изобрели, во-первых, для того, чтобы легче было измерять земной шар, а во-вторых, для того, чтобы было за что ставить школьникам двойки, если они про этот меридиан не знают.

Потом мы увидели слева старинный парусный корабль с пушечными люками. Это оказался фрегат адмирала Нельсона, а с правой стороны шли военные корабли, украшенные флагами: это король шведский ехал в гости к королеве английской.

Потом появился лес пароходных мачт и труб. Это были верфи и доки Лондона. Океанские пароходы стояли у причалов, как большие белые дома.

Наконец мы подошли к маленькой пристани, где нас уже ждали представители Общества англо-советской культурной связи. Они посадили нас в автобус и через весь город повезли в гостиницу. Город очень большой: второй по величине в мире. Большой, но низенький. Высоких домов мало.

Через свинцовую Темзу перекинуты широкие мосты. На набережной Темзы стоит и здание парламента, а рядом с ним — высокая башня с часами, которую называют Большой Бен. Часы эти бьют низким колокольным басом.

В Лондоне живёт английская королева Елизавета Вторая. Я её видел только в журнале да ещё на экране кино.

Живёт она в Букингемском дворце, который охраняют королевские гвардейцы, пешие и конные. Каждое утро происходит торжественная смена караула. Перед решёткой дворца и гвардейскими казармами собирается очень много любопытных. Раздаются трубные сигналы и громкие крики команды. Военный оркестр играет марши, и под них строятся и перестраиваются ряды гвардейцев в красных куртках. У пехотинцев высокие медвежьи шапки, надвинутые на самые глаза. У конников медные, сверкающие на солнце каски с белыми султанами. Наконец все занимают свои места и замирают, будто их заколдовала фея из царства Спящей красавицы. Если бы чёрный конь изредка не взмахивал усталой головой, можно было бы подумать, что и он и сидящий на нём всадник — это раскрашенная скульптура. А пехотинец в медвежьей шапке, стоящий на часах около старинного замка Тауэр, казался хорошо сделанной куклой. Неожиданно кукла зашевелилась, прошла, как заводная, несколько шагов, высоко подымая ноги, и опять замерла. Но если вглядеться в неподвижное лицо куклы, можно увидеть, как поблескивают под мехом шапки живые глаза.

Самый богатый район Лондона называется Вест-Энд. В переводе это значит «западный конец», или «западный край». Здесь находятся дорогие гостиницы, рестораны, театры, кино. Здесь стоят особняки фабрикантов, владельцев больших магазинов, директоров акционерных обществ и трестов.

На жилых улицах перед каждым подъездом садик, а в садике — розы, пионы, астры.

На торговых улицах — Ридгент-стрит, Оксфорд-стрит, Пикадилли — нельзя ни пройти, ни проехать. Целая река людей течёт по тротуарам, а сами улицы буквально забиты машинами. Двухэтажные красные автобусы идут один за другим, упираясь тупыми носами в тупой хвост впереди идущего. Между ними, как коровы среди слонов, протискиваются легковые машины и самых новейших марок и совсем старые, у которых колёса на спицах. Среди этого стада, как овцы, мечутся низенькие мотоциклетки, и совсем уж собачонками кажутся велосипедисты. Всё это несётся не по правой стороне улицы, как у нас, а по левой, да ещё и молча, без гудков, так как в Англии гудки запрещены. И к тому и к другому мы долго не могли привыкнуть. Всё время нам казалось, что кто-нибудь нас раздавит.

Каждый хозяин магазина или торговой фирмы старается, чтобы покупатели шли к нему, а не к другим. Поэтому на улицах очень много всяких вывесок, реклам, плакатов, надписей, больших раскрашенных щитов. Ими покрыты все свободные стены домов, заборы, станции метро. Каждая реклама старается обратить на себя внимание чем-нибудь неожиданным и удивительным. На огромном щите, величиной чуть ли не с целый дом, нарисован страшный тигр с протянутой лапой и оскаленной пастью. Это реклама бензина «Эссо». А на плакате, висящем в метро, нарисована жёлтая жирафа с чёрными пятнами, а рядом жирафёнок совсем без пятен и такой беленький, что от него даже свет идёт во все стороны. И этот плакат тоже к зоопарку никакого отношения не имеет. Это реклама стирального порошка. Он так хорошо отстирывает грязь, что когда мама-жирафа вымыла этим порошком своего сына, на нём не осталось ни одного пятнышка.

Вечером, когда становится темно, на торговых улицах Вест-Энда загорается световая реклама. Белые, жёлтые, красные, зелёные, синие буквы, слова, рисунки вспыхивают, гаснут, вертятся, движутся, меняют цвета. Самая большая световая суматоха происходит на площади Пикадилли-Сёркус.

Вот огромная, очень сложная, всё время меняющаяся реклама американского напитка Кока-Кола. Она занимает несколько этажей дома. Рядом с ней такая же по высоте реклама английского чёрного пива «гинес». Она много уже и, значит, меньше, но устроена хитрее. Почти во всю её высоту сделан светящийся циферблат часов. Часы идут. Все прохожие проверяют по ним время, а значит, глядят не на американскую Кока-Кола, а на английское пиво.

Часам к одиннадцати вечера почти все рекламы и витрины тухнут. Улицы становятся пустыми и безлюдными: лондонцы рано ложатся спать.

* * *

В Лондоне много больших парков. В самом центре города знаменитый Гайд-парк. Он соединяется с другим парком, который называется Кенсингтонские сады, потому что там стоит Кенсингтонский дворец. Оба эти парка ничем не разделены. Это просто один большой парк. На его траве разрешается и лежать и сидеть, да и ходить по ней можно сколько угодно. Трава не мнётся, потому что очень коротко подстрижена.

Через весь парк проходят длинные пруды, называющиеся Серпентайн, что в переводе значит «змея». В этой «змее» можно купаться и кататься по ней на лодках.

Есть ещё в этом парке и маленький круглый пруд, на котором лондонские ребята пускают покупные или самодельные парусные лодки. Надувая паруса, лодки плывут, натыкаясь на лебедей, диких уток и чаек, которые совсем не боятся ни лодок, ни людей и берут хлеб прямо из рук. И голуби тоже.

Даже воробей — и тот сел на мой указательный палец и клевал крошки с ладони. Сфотографировать этого я не смог, потому что руки были заняты.

* * *

Так же, как и в Москве, Ленинграде или Киеве, на больших перекрёстках Лондона стоят регулировщики движения и горят светофоры. Но ведь бывают иногда улицы, на которых перекрёстков мало. По этим улицам машины несутся особенно быстро.

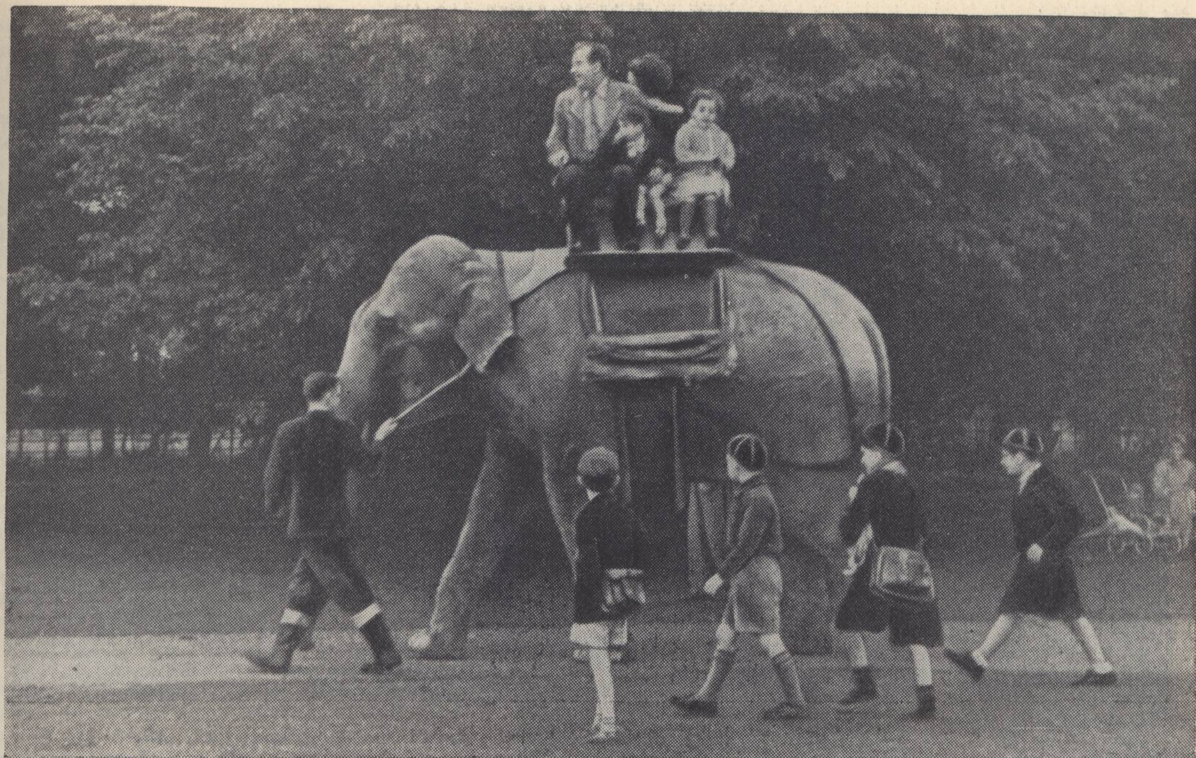
Как же такую улицу перейти пешеходу?

В Лондоне для этого выдумана особая система. На асфальте поперёк всей улицы накрашены белые полосы. Это места перехода. «Зебра-кросс», то есть «перекрёсток-зебра». Сто́ит пешеходу вступить на эту «зебру», как все машины обязаны остановиться и ждать, пока он перейдёт дорогу.

Если такой пешеход будет переходить медленно, он сильно задержит движение, а если кинется с тротуара слишком быстро, шофёр не успеет затормозить. Вот почему на расклеенных по городу плакатах и написано: «Не ползи, как черепаха, и не скачи, как заяц!»

Я очень люблю животных. Когда мы с моим братом были мальчишками, у нас всегда была всякая живность. И когда теперь я бываю в других странах, непременно захожу в магазины, на рынки, где продаются звери и птицы, и, конечно, в зоопарки.

В каждой стране можно увидеть разных интересных животных и птиц, которых раньше не видел и знал только по картинкам. В больших аквариумах Монте-Карло я видел совершенно невероятных океанских животных и рыб — живых акул, осьминогов, спрутов, гигантских крабов. В Китае — удивительных золотых рыбок с глазами, как бинокли, и хвостами, как огромные банты.

В зоологических магазинах Лондона много интересных птиц и зверей, привезённых из Индии, Австралии, Африки, Южной Америки: обезьяны, синие с золотом попугаи ара, маленькие разноцветные колибри, похожие на живые ёлочные игрушки. Когда хозяин одного магазина узнал, что я из Советского Союза, он очень просил меня, если я ещё раз приеду в Лондон, привезти ему сибирского щегла. Оказывается, они очень ценятся в Англии.

В Лондоне хороший зоологический сад. А за городом есть ещё один. В нём многие звери живут совсем на свободе или на огромных, огороженных решёткой полянах. Обезьяны бегают среди посетителей и пристают к ним. А если дашь такой обезьяне конфетку, то она либо просто уложит её за щёку и станет клянчить другую, либо залезет на дерево и начнёт её есть.

Когда мы были в зоопарке, шёл мелкий дождик, и многие животные попрятались. Потом вышло солнце, и все вылезли греться: и жираф и пеликан, а из слоновника вывели большого индийского слона, на котором могут кататься посетители парка.

Ист-Энд — восточный конец, восточный край города. Это очень большой пролетарский район, в котором живут главным образом фабричные и заводские рабочие, докеры, кустари.

Ист-Энд — это руки Лондона, те самые руки, которые построили дворцы, театры, музеи, особняки и магазины Вест-Энда и наполнили эти магазины обувью, платьем, посудой, мебелью. Руки, которые выгружают кофе, сахар, уголь и лес, апельсины и руду с океанских пароходов, приходящих из Европы, Африки, Америки, Азии, Австралии, и грузят на эти пароходы станки и автомобили, электрические лампы и сыр, сталь и пиво.

В Ист-Энде много старых домов, построенных ещё

во времена Диккенса. Мрачные, закопчённые дома, которые сами лондонцы окрестили трущобами.

Когда попадаешь на такую улицу и ходишь по лабиринтам тесных дворов, переходов, низких арок, тёмных железных лестниц, не защищённых ни от дождя, ни от ветра, всё время кажется, что из-за какого-нибудь угла выйдет Давид Копперфильд, а из окна подвала выглянет головка той самой девочки из подземелья, про которую я читал ещё в детстве и о которой так горько плакал, когда она умерла. Мне тогда было восемь лет, меньше, чем многим из вас. Но, по правде сказать, у меня и сейчас глаза сыреют, когда я читаю про эту девочку.

Во всех районах Лондона можно встретить дома, разрушенные войной, но в Ист-Энде их особенно много. Вероятно, потому, что фашисты, стрелявшие по Лондону ракетными снарядами, старались попасть в верфи и доки.

На развалившихся стенах уже растут и трава, и кусты, и чахлые деревца. В бывших подвалах навален мусор, цветут крапива и чертополох.

Конечно, и на этих пустырях можно играть в прятки или в ковбоев Техаса, но, когда смотришь на ребят Ист-Энда, играющих среди развалин какого-нибудь дома, всё время думаешь, во-первых, о том, как важно бороться за то, чтобы на земле был мир, а во-вторых, о том, как жалко, что здесь, в рабочем Ист-Энде, почти нет ни парков, ни скверов, ни садиков. А ведь садик — это мечта каждого англичанина, каждого лондонца. Такая уж у них традиция. В доме должен быть камин и перед домом — садик.

Трудно осуществить эту мечту в Ист-Энде. Вот перед своим садом стоят рабочий и его сын. Только садик-то этот, к сожалению, больше похож на куриную клетку.

А люди в этом районе живут замечательные. Однажды, проходя мимо какого-то завода Ист-Энда, я увидел, как раскрылись большие железные ворота и оттуда начали выходить сотни рабочих. Молодые, старые, смеющиеся и сосредоточенные, кто пешком, кто на велосипедах, они растекались ручьями по улицам и переулкам Лондона. Это кончился рабочий день.

Я смотрел на их простые лица и думал о том, что многие из них сыновья тех докеров, которые в двадцатом году отказались грузить оружие для белогвардейских и иностранных войск, хотевших задушить революцию в нашей стране. Это они, лондонские рабочие, жители Ист-Энда, сказали тогда банкирам и министрам: «Руки прочь от России!»

Вы об этом времени читаете в книгах и учебниках истории. Вашим отцам и матерям в те годы было столько же лет, сколько вам сейчас, а может, и ещё меньше, а я уже был взрослым. Я хорошо помню эти трудные и героические годы рождения нашего государства.

Вот почему я и подумал об этих годах, глядя на рабочих, выходивших из ворот фабрики. Ведь мир на земле зависит от дружбы между народами, то есть между простыми людьми разных стран.

Война нужна только тем, кто наживает на ней деньги. А трудовому народу любой страны война не нужна. И значит, для того, чтобы бороться за мир, надо укреплять дружбу между народами, между простыми людьми всех стран. Надо укреплять дружбу и между советским и английским народами. А для этого нужно как можно лучше знать друг друга.

Про нас, советских людей, про нашу страну много неправды писалось во многих английских газетах, и поэтому, когда лондонцы узнавали в нас людей из Советского Союза, они сразу же начинали задавать нам тысячи разных вопросов, для того чтобы узнать правду.

Вопросы эти иногда бывали странные и даже смешные, но мы всегда внимательно отвечали на каждый вопрос, потому что почти никогда не чувствовали в этих вопросах вражды или недоверия. Наоборот, разговаривая с людьми на улицах, в автобусе или метро, мы видели глаза, в которых было много любопытства, но всегда это были добрые и дружеские глаза.

* * *

Все полтора месяца мы играли в Лондоне в одном и том же театре — «Касино». Его зрительный зал и сцена находятся под землёй. Зачем это так устроено, я не знаю, но театр хороший. Сцена большая и удобная.

Конечно, мы волновались по поводу того, как будут проходить наши спектакли. Ведь играли-то мы по-русски! Значит, зрители наши не понимали ни единого слова. Поэтому перед каждым актом английский актёр рассказывал зрителям содержание того, что они будут смотреть. В общем, после первого же спектакля мы успокоились. Зрители хорошо слушали и смотрели, много смеялись и аплодировали.

В Англии перед каждым спектаклем или после него, даже после каждого киносеанса играется государственный гимн. Перед нашими спектаклями всегда игралось два гимна: английский и советский.

Два раза в неделю, по средам и субботам, мы, кроме вечерних спектаклей для взрослых, играли ещё и днём для детей «Волшебную лампу Аладина».

По окончании первого детского спектакля к нам за кулисы прибежал взволнованный администратор и сказал: «Что делать? У актёрского входа выстроилась целая очередь ребят с вырезанными из газеты объявлениями. Они требуют, чтобы их пустили на сцену!» Не сразу мы поняли, в чём дело. Потом наконец разобрались. Оказывается, какая-то газета напечатала, что мистер Образцов предлагает всем зрителям-ребятам, желающим посмотреть устройство кукол, после спектакля придти за кулисы. В качестве же пропуска будет служить это самое сообщение, вырезанное из газеты. Ничего подобного, конечно, мистер Образцов не говорил, но ребятам этого не объяснишь, да, собственно, и незачем объяснять. Проще пустить их на сцену. И с этого дня после каждого детского спектакля цепочка ребят двигалась через служебный ход рассматривать наших кукол. И мы показывали им, как шагает кукольный верблюд, как устроена пасть у льва и почему летят искры из сабли Аладина.

В Англии есть кукольные театры, но маленькие. В них играют чаще всего только три — четыре актёра. Таких больших кукольных театров, как в Советском Союзе, у них нет. Англичане очень удивлялись, когда узнавали, что в нашем театре работает больше двухсот человек. И сами кукольные спектакли в Англии тоже меньше и по количеству кукол и по размерам декораций. Поэтому английским ребятам было интересно рассматривать и наши декорации и устройство наших кукол. Большинство детей, приходивших к нам на спектакли, были восьми-, десяти- и двенадцатилетние, но иногда приходили и совсем маленькие, даже трёхлетние. Таких ребят английские мамы водят не за руку, а на длинных вожжах. Иногда это целая упряжка, даже с бубенчиками, иногда просто верёвочка. Сперва мне показалось чудно́, что маленьких ребят водят таким смешным способом, но потом я понял, что этот способ в десять раз удобнее для матери и в двадцать раз полезнее ребёнку. У него не выворачивается и не устаёт рука, не кривится позвоночник и грудная клетка. Он идёт впереди, шагает свободно и не мучается от того, что его маленькие шаги не совпадают с большими мамиными шагами.

Конечно, такие малыши редко бывали на наших детских спектаклях. Большинство были школьники.

Спектакль «Лампа Аладина», отрывок из спектак-

ля для взрослых «Необыкновенный концерт» и несколько моих концертных номеров были показаны по лондонскому телевидению. В Англии телевидение очень распространено, и, значит, миллионы англичан и шотландцев видели наших кукол. После первой же передачи я начал получать письма из разных городов от совершенно разных людей. От рабочих, учителей, инженеров. Это были хорошие, добрые письма, очень дружеские по отношению к нам, советским людям. На все эти письма я, конечно, отвечал.

Но писали мне не только взрослые, а и ребята из разных городов. Гарольд, Джейн и Кетрин написали, что Джейн больше всего понравился Аладин в пещере, а Гарольду — джин. Пятилетнему Бобу Бокману тоже больше всего понравился джин. Одиннадцатилетний Дэвид Эллиот из города Лейтона написал мне о том, что он устроил домашний кукольный театр.

Маленькая Джанетта Шорт из города Хёрста откуда-то узнала, что у меня в Москве есть собака пудель и что зовут её Кора. Когда я раскрыл письмо Джанетты, из него выпала фотография собаки.

Оказывается, у Джанетты тоже есть пудель, и зовут его Трудди. Приехав в Москву, я послал ей карточку моей Коры.

А с девочкой Сторм Кокшот из Йоркшира у нас целая переписка. Она мне тоже прислала карточку, но уже не пуделя, а свою собственную. Кроме того, она вложила в конверт карточку своей маленькой сестры Эрики.

Сторм и сама-то не очень большая. Ей семь лет. В письме она просила меня передать от неё привет советским детям. Об этом просили очень многие английские ребята. И я это сделал на первом же нашем спектакле для московских ребят, когда мы вернулись из Лондона.

А сейчас я рад, что могу через журнал передать привет от английских ребят всем читателям «Пионера».

Для того, чтобы вы яснее себе представляли, как выглядят маленькие англичане, посмотрите на эти снимки.

На предыдущей странице фотография, которую я снял на одной из центральных площадей Лондона — Трафальгар-сквер. На этой площади бьют фонтаны, а по углам лежат четыре больших льва, на которые, как вы видите, очень любят залезать ребята.

А верхнюю фотографию, которую вы видите на этой странице, я сделал в дальнем районе города. Очень мне понравились эти два весёлых парня, игравших в индейцев.

А вот две последние фотографии уже сняты не мной. Это как раз и есть те карточки, которые я получил в письме из Йоркшира. Беленькая девочка — это Эрика, а тёмненькая — Сторм.

Мне хотелось, чтобы вы видели тех самых англичанок, которые прислали вам привет.

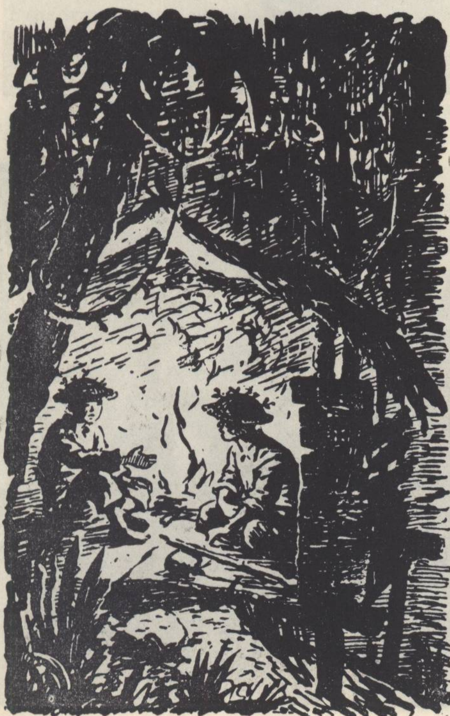
Дорогие друзья, советские пионеры!

После долгих лет борьбы с колонизаторами вьетнамский народ завоевал себе свободу. В борьбе за независимость Вьетнама принимали участие и дети. Я вспоминаю сейчас маленького мужественного бойца Ла Ван Кау, который был прозван в армии «Солдат-ребёнок». Я вспоминаю других тринадцати — четырнадцатилетних ребят, служивших связными в нашем полку и с честью выполнявших любые задания командования. Теперь, в дни мира, мои юные друзья стали строителями. Они строят дома, железные дороги, плотины.

Героизм наших ребят воспевается во многих вьетнамских поэмах. Вот одна из них. Я нашёл её в рукописной газете воинской части Народной армии. Эту поэму написал один из бойцов. Он подписал её псевдонимом Тунг Тхань, что в переводе на русский язык означает «Верный».

Мне очень хочется, чтобы история маленького вьетнамского связного понравилась советским пионерам, которых я так люблю и о встречах с которыми буду всегда вспоминать у себя на родине.

Нгуен Дин Тхи,
вьетнамский писатель.

МАЛЕНЬКИЙ СВЯЗНОЙ

Тунг Тхань

В эту ночь я тайком пробирался районом Бинс Три.
На привале, средь джунглей, как двое старинных друзей,
мы впервые с ним встретились — с маленьким гидом моим.
Перед тем, как отправиться
в трудный, большой переход.
Ветер выл... Заливал
нашу хижину дождь проливной,
и от пальмовой кровли остались лохмотья одни.
Он дрожал в лёгкой курточке,
худенький, с жёлтым лицом.
Сердце сжалось от нежности, стало так жалко его!
Сидя рядом со мной, он рассказывал мне не спеша:

«Сколько лет мне! Пятнадцать,
а жил я в деревне Ку Нам —
ты, наверное, знаешь, не мог ты не слышать о ней,—
к нам явились враги... как сейчас я их вижу. И вот
наши хижины стали дымящейся серой золой!
Удалось ли спастись моей матери или она
умерла!.. Я не знаю!»

Глаза устремив в темноту,
говорил он до странности ровно... И ветер затих,
и деревья молчали в намокшем от ливня лесу.

«С той поры я связной.
То в Нга Нам, то на склонах Као...
Путь лежит через джунгли,
над пропастью вьётся порой.
По такой крутизне иногда я карабкаюсь вверх,
что колени дрожат и темнеет в глазах у меня.
Иногда я срываюсь и падаю. Весь я в поту,
хоть неистовый ветер меня леденит до костей.
Еле дышишь... Но я постепенно привык ко всему,
жизнь моя тяжела, но и счастья полна вместе с тем!
Часто сплю на земле,
на ветру, под холодным дождём,
и москиты с пиявками жадно сосут мою кровь.
Лихорадка изводит...
Лечусь я лесною травой,
только без толку, видно...
Но если есть срочный пакет,—
день и ночь я иду, чтоб доставить в назначенный срок.
Я рычание тигра слыхал не однажды в глуши,
но, хотя был один, не бежал без оглядки назад.
Помню, колонизаторы как-то стреляли в меня.
(Я наткнулся на них, проходя по ущелию Лим.)
В непролазные заросли я незаметно заполз
и лежал там до ночи, пакет прижимая к груди».

Поглядев мне в лицо, мальчуган улыбнулся слегка...
Восхищённый и тронутый,
крепко я обнял его.

«А какие потоки вздуваются в пору дождей!
Поглядишь, — а низины белеют от вспененных волн.
Иногда по дорогам шагаешь по пояс в воде.
Как-то раз мой товарищ пытался поток переплыть
и не выплыл: на дно
затянул его водоворот.
Ох, как трудно бороться!
Но верю в победу, мой брат.
Свет храню я, который
зажёг нам любимый наш Хо [1]!»

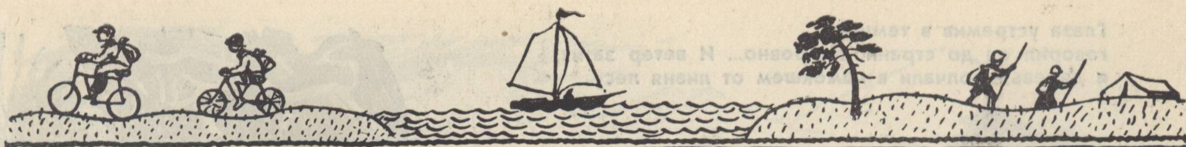
Полны горя и гнева,
сверкали ребячьи глаза,
и в объятии тесном
сливался сердец наших стук.
В полумраке алело неяркое пламя костра,
и какие-то птицы кричали в ночной темноте.

На рассвете мы вышли в далёкий и трудный поход.
Шёл он рядом со мною — мой маленький храбрый
связной.
С беззаботной улыбкой подпрыгивал он на ходу,
как пичужка, которая утром резвится в лесу.

Перевела В. Тушнова.

---

[1] Хо Ши Мин — президент Демократической Республики Вьетнам.

ПРО НАШИ ЛЕТНИЕ ДЕЛА

Лето пришло — время походов и путешествий, время спортивных встреч, весёлого отдыха. «Сколько детей, столько и затей». В каждом отряде, в каждом дворе ребята изобретают свои особенные, увлекательные дела на лето.

Здесь рассказывается о том, как интересно и весело проводят каникулы мальчики и девочки, которые учатся в семилетней школе № 8 города Риги.

ДРУЗЬЯ ИЗ КОЛХОЗА «ЛАЧПЛЕСИС»

Наши друзья живут недалеко от Риги, в колхозе «Лачплесис». Мы только в этом году познакомились с ними, но кажется, будто давно-давно знаем друг друга. Зимой они приезжали к нам на наш школьный спортивный праздник. Мы показывали им Ригу, ходили с ними во Дворец пионеров, в музеи. А в весенние каникулы мы ездили к ним и отвезли сто пятьдесят скворечников для колхозного сада. Мы очень гордились тем, что сами построили эти скворечники. Но в колхозе мы были поражены, как много хорошего делают наши друзья. Они тоже учатся в школе, но, кроме того, они и в поле работают, и на скотном дворе, и на птицеферме, и в саду. И всё умеют делать! Многие из них летом выработали в своём колхозе по сто—сто пятьдесят трудодней.

А как колхозные ребята удивились, когда узнали, что мы нигде не работаем летом и почти ничего не умеем делать! Нам просто стыдно стало. И вот тогда мы тоже решили помочь колхозу.

В этом году хотим на всё лето поехать в колхоз. Нас будет человек тридцать ребят из старших — шестых и седьмых — классов. Будем жить в деревне лагерем и работать вместе со своими друзьями в колхозе. И, я думаю, нам не придётся больше краснеть за свои неумелые руки.

А в свободное время вместе со своими друзьями будем ходить в походы, играть в футбол и баскетбол. Возьмём с собой книги и будем вместе читать.

А я придумал взять в колхоз своих кукол. Организуем в колхозе кукольный театр. Зимой я занимался во Дворце пионеров в кружке кукольников и смогу научить других ребят водить кукол, делать из папье-маше головки, шить куклам костюмы.

Те пионеры, которые не поедут с нами, тоже будут помогать колхозу: они будут собирать семена кормовых трав — клевера, тимофеевки... Если каждый соберёт по пятьдесят, даже по двадцать пять граммов семян — это будет большая помощь колхозу.

А придёт осень — мы все начнём собирать и сушить рябину. Каждый из ребят нашей школы насушит хотя бы три—четыре килограмма рябины, и мы отвезём в колхоз несколько тонн этого ценного витаминного корма для кур.

Так понемногу мы и будем помогать колхозу.

Андрей Ахун,
ученик 7-го класса.

В АРТЕКЕ.

Фото В. Тюккеля.

Артек... Кому не знакомо, кому не мило это звонкое, солнечное слово, овеянное ветрами, радостными пионерскими песнями и шумом морского прибоя!

Тысячи пионеров и школьников каждый год приезжают отдыхать в Артек на лазурный берег, туда, где огромный сказочный медведь — гора Аю-Даг — прильнул к воде, словно хочет выпить море. Нынче Артеку исполнилось тридцать лет. Подумайте, сколько народу в красных галстуках перебывало в нём за три десятилетия!

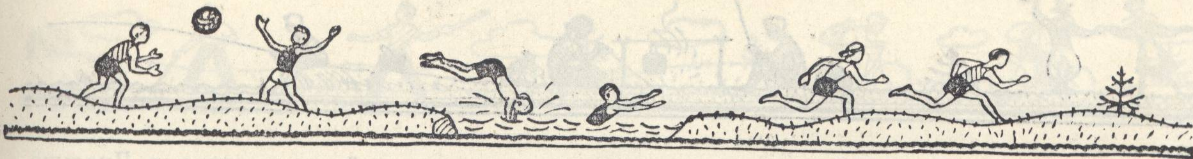
На этих страницах вы видите картинки из жизни Артека. Вот юные фотолюбители снимают живописные скалы — Адалары.

НА ВСЕХ ПАРАХ МЧИТСЯ ПИОНЕРСКИЙ КАТЕР АРТЕКА, ОСТАВЛЯЯ ПЕНИСТЫЙ СЛЕД. Фото В. Тюккеля.

НАБЕГАЕТ ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ И, РАЗБИВАЯСЬ О КАМНИ, ОБДАЕТ КУПАЛЬЩИКОВ СОЛЁНЫМИ БРЫЗГАМИ.
Фото Б. Романова.

КАРТА ПОХОДОВ

К нам, туристам, часто приходят ребята из разных отрядов и говорят: «Хотим пойти в поход. Помогите выбрать интересный маршрут. Помогите подготовиться к походу». И мы всегда с удовольствием помогаем.

В начале прошлого года у нас не работал туристский кружок, потому что не было руководителя. А любителей путешествовать в школе было, как и сейчас, много. Тогда руководить туристами взялась одна девочка, Майя Райнсоне, она училась в шестом классе и занималась в туристском кружке Дворца пионеров.

Майя хорошо подготовила наших туристов. Летом на республиканском слёте туристов в Сигулде проводились соревнования: кто быстрее разожжёт костёр, вскипятит чай, поставит палатку и пробежит эстафету. На этих соревнованиях наши четвероклассники заняли первое место среди младших групп, а группа шестых — седьмых классов — второе место среди старших ребят.

Теперь наш туристский кружок превратился в штаб походов всей школы.

Ребята возвращаются из походов, приходят к нам и рассказывают, что они видели, чему научились, что принесли с собой из похода.

Одна группа уверяет, что нет лучше маршрута, чем от станции Карли вдоль реки Амота до долины Гауи. Амота — река быстрая, с красивыми крутыми берегами. Там можно лазить по отвесным скалам, взбираться на кручи, прыгать через расселины — всё как в настоящем альпинистском походе. А в пути можно сделать остановку и осмотреть электростанцию, большое рыбоводческое хозяйство.

Другие ребята говорят, что самое интересное место — это Огре, потому что там можно увидеть, как река вытекает прямо из-под земли, а через полкилометра снова пропадает, потом опять неожиданно появляется. Очень интересно следить за этой рекой. В Огре много источников и родников с очень вкусной холодной водой.

Наши ребята уже во многих местах побывали. Вот мы и решили повесить в пионерской комнате большую карту Латвии и наносить на неё маршруты всех наших походов. Вернётся отряд из похода — обязательно должен начертить на карте свой маршрут, а в дневнике подробно рассказать обо всём интересном, что видели в пути.

Так постепенно у нас будет складываться карта и летопись наших походов.

Вия Грике, ученица 7-го класса,
член совета дружины.

КОЛЛЕКЦИЯ ЯНТАРЯ

У нас в отряде так уж заведено: куда бы ты ни поехал летом,— обязательно привези подарок для школы.

Много интересных вещей привозят ребята. Но вот коллекции янтаря у нас в школе нет.

Когда-то, много тысячелетий назад, на Балтийском побережье росли дремучие хвойные леса, потом их затопило море. Смола хвойных деревьев окаменела и превратилась в янтарь.

В непогоду волны выбрасывают кусочки янтаря со дна моря на берег. Янтарь бывает самых различных цветов: то винно-красный, то нежнозолотистый, то сероватый, а то белый, как молоко. Янтарь легко сверлить и полировать. Из него делают прекрасные украшения, и в промышленности он нужен: янтарь — высококачественный изолятор.

Во время каникул мы с Региной Скершкане поедем погостить к нашей подруге Лигите; она летом живёт на взморье, в Лиелупе. Там, на берегу моря, мы будем искать янтарь.

Но собрать коллекцию янтаря нелегко. Он попадается очень редко. Поэтому мы предложили и другим ребятам из нашего отряда собирать янтарь. У нас будет общая коллекция, большая и интересная.

Анита Петерсоне,
ученица 6-го класса.

НА ВЕЛОСИПЕДАХ

Прошлым летом мы с товарищами отправились на велосипедах вверх по реке Криевупе. Ехали лесными тропинками, переезжали речку прямо на велосипедах, разжигали костёр, варили обед, ловили рыбу.

Я много рассказывал у себя в классе об этом походе. И мы решили этим летом отправиться в велосипедный поход всем отрядом. Назначим день встречи. Все, кто сможет, придут в этот день в школу, и двинемся в поход. Мы и прошлым летом так встречались в условленные дни, было очень весело и интересно. Но велосипедный поход мы устраиваем впервые.

Мы уже наметили маршрут: Рига — озеро Балтэзерс — река Тумшупе. В Тумшупе водится множество рыбы и раков. Обязательно будем ловить.

Маршрут на первый раз мы выбрали небольшой, километров двадцать пять в один конец. Но мы к нему как следует подготовимся, чтобы всё было хорошо. Перед походом вышлем в разведку троих наших лучших велосипедистов. Они проверят дорогу, наметят место привала. Распределим обязанности: кто отвечает за палатки, кто за костёр, кто за обед... И тогда смело в путь!

Петерис Родэ,
ученик 7-го класса.

ЛЕТОМ В ШКОЛЕ

Каждый год в нашей школе летом бывает городской лагерь. В лагере очень весело. Мне там всё нравится. Мы занимаемся спортом, устраиваем весёлые игры, ходим в походы.

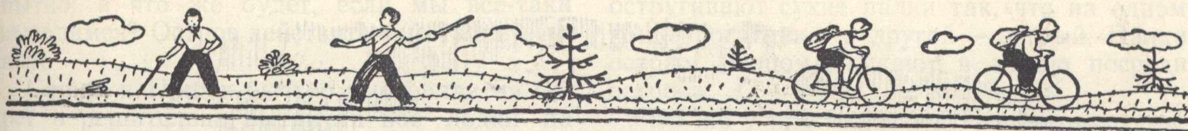
День у нас всегда начинается с физкультурного часа: мы играем в баскетбол, в футбол, занимаемся на снарядах, прыгаем. А днём отправляемся куда-нибудь в поход за город, или на прогулку в парк, или на водную станцию, и там учимся плавать разными стилями.

Мне нравится, что мы в лагере читаем вслух книжки. Прочитали «Морской волчонок», «Приключения Тома Сойера», обсуждали поступки героев, спорили.

Много интересных дел у юннатов. Они ухаживают за яблонями, сливами, выращивают овощи, поливают цветы и с гордостью угощают всех нас морковкой, горохом, ягодами.

Мне больше всего нравится строить. Поэтому я записался в технический кружок. Мы с мальчиками сделали модель рыбацкого судна. А потом стали строить большую модель Волго-Донского канала.

Миша Масальский,
ученик 5-го класса.

ЧТО БУДУТ ДЕЛАТЬ ЛЕТОМ НАШИ ФУТБОЛИСТЫ

У нас в классе есть своя футбольная команда. И игроки в команде есть сильные. Представляете, как же было нам обидно, когда мы проиграли параллельному седьмому классу! Ведь мы так надеялись занять первое место по школе!

Так почему же мы проиграли? Да вот именно потому, что понадеялись на сильных игроков. Надо бы подумать о всей команде, позаниматься со слабыми игроками, а мы этого не сделали. И дисциплина в команде была плохая: назначим тренировку, а соберётся только человек пять — шесть...

Поговорили мы об этом со своим учителем физкультуры. Он сказал, что у нашей команды основной недостаток в том, что многие ребята футболом увлеклись, а другими видами спорта совсем не занимаются. Поэтому техника игры у нас неплохая, а силы нет: скоро устаём и бегаем недостаточно быстро. Учитель посоветовал нам побольше заниматься бегом, прыжками, плаванием.

Скоро мы разъедемся на лето и не сможем тренироваться вместе. Но каждому из ребят у нас в школе дали листочек с заданием на лето. Для баскетболистов — одно задание, для гимнастов — другое. У нас, футболистов, основное — это бег, прыжки, приседания, упражнения на точность удара. Сказано в нашем задании и о том, что нельзя целый день гонять мяч. Тренироваться надо систематически — три раза в неделю часа по полтора. И обязательно надо играть в команде. Поэтому каждый из нас должен организовать футбольную команду там, где будет жить летом. Ещё нам советуют участвовать во всех видах спортивных соревнований, которые будут там проводиться, и принести в школу справку о своих результатах.

Постараемся всё это выполнить. И я уверен, что наша футбольная команда будет самой сильной в школе. А я и Дерум Янис мечтаем стать настоящими футболистами.

Харий Витолиньш,
капитан футбольной команды 7-го «А» класса.

ПРАЗДНИК ПЕСНИ

21 июля со всей нашей республики съедутся в Ригу на Праздник песни взрослые и ребята — певцы, танцоры, музыканты. Этот праздник устраивают раз в пять лет. И он будет как раз в этом году.

Участники праздника соберутся на окраине города, в парке. Там, около огромных костров, все будут петь народные песни: русские, латышские, украинские, польские, будут танцевать в красивых национальных костюмах.

Каждой школе хочется заслужить право участвовать в этом празднике. Будет проведён конкурс.

Наша школа тоже готовится к конкурсу. У нас два хора и танцевальный ансамбль. Ещё зимой начали мы репетировать песни, разучивать танцы, готовить костюмы.

Лигита Бриеде,
ученица 6-го класса, председатель совета дружины.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Рассказ Николая Богданова.

Рисунки Б. Винокурова.

Наша лодка легко плыла вниз по Оке. Удобно путешествовать по течению: река сама несёт. Только правь кормовым веслом да посматривай по берегам. Где место покрасивее — остановка.

Перед тем как отправиться в этот поход, мы основательно поспорили. Я предложил подняться вверх по реке и исследовать приокский заповедник. Ребятам будет интересно. Но взрослые воскликнули:

— Против течения? Да ведь это тяжело!

— Ничего, пробьёмся. Ребята сядут на вёсла. А когда и лямкой потянут...

— Но они же не бурлаки!

Кончилось тем, что два любознательных паренька — Сашок и Пашок — были отданы под мою команду, но с условием, чтобы в путешествии они не мучились, а получали удовольствие... Родители подарили нам кожаную тетрадку, в которой мы запишем всё интересное, что увидим.

Вот мы и плывём по течению... Прогуляемся от Шилова до Мурома, а там продадим лодку и вернёмся в Москву поездом.

Плывём и придумываем развлечения. Чтобы не скучать, разгадываем тайны и заносим наши открытия в «бортовой журнал».

Так, например, мы открыли, что знаменитое дерево «петух» у села Высокие поляны, которым любуются все пассажиры пароходов, выросло таким причудливым — с хвостом и гребнем — не само по себе, а его сучья искусно подрубает старый колхозник Иван Петрович...

Недалеко от этих мест заприметили мы привлекательный остров. Круглый, кудрявый, весь в кустах. Красуется посреди реки, как клумба. Хорошее место для ночёвки.

Солнце уже клонится к закату. Пора на вечерней заре порыбачить, развести костерок, разбить палатку.

— Впереди таинственный остров! — доложил Сашок.

— Что ж, причалим? — спросил Пашок. Лишь только пристали к острову, как из кустов вышел какой-то паренёк.

— Сюда нельзя!

— Почему?

Наши ребята сейчас же взглянули на карту. Непонятно. Заповедник мы давно проехали; он остался выше, где впадает в Оку таинственная Пра, а здесь вот река Пёт.

— Пёт воду пьёт,—подтвердил незнакомец и с деловым видом стал отталкивать лодку босой ногой.

Конечно, мы могли бы поплыть и дальше, красивых мест на Оке много, но было любо-

пытно: а что же будет, если мы всё-таки высадимся? Остров действительно таинственный.

Сашок и Пашок быстро выскочили на берег и решительно вытянули нос лодки на прибрежный песок.

Возможно, между ребятами произошла бы стычка, но присутствие взрослого удержало сурового островитянина.

— Вася! — позвал он.

Из кустов тут же появился второй незнакомец. Подмышкой у него был пучок заострённых палок. Отёсывая одну перочинным ножом, он оглядел нас внимательно.

— Отдыхаете?

— Путешествуем,— ответили наши мальчики, вытаскивая из лодки топор, чайник, палатку. Они стыдились называться отдыхающими с тех пор, как один старик, который, свесив ноги с обрыва, плёл ивовые корзинки, сказал насмешливо:

— От чего это вы отдыхаете, такие здоровые? От двоек?

Наши пятёрочники очень огорчились.

А потом услышали, как колхозницы, доившие на берегу коров, сказали друг другу:

— Ишь, что значит городские: смотри, пухлые какие, ещё не работали, а уже отдыхают!

Мы проплыли, сделав вид, что это не про нас.

Конечно, это были исключения: как правило, жители берегов встречали и провожали нас добродушно и приветливо. И если посмеивались, только в шутку.

А на этом острове почувствовалась определённая неприязнь, когда Вася, покосившись на наши спиннинги и ружья, сказал:

— Ну что ж, ночуйте... разок. Только охотничий сезон ещё не начался...

— Здесь скрывается тайна,— сказал Сашок, когда островитяне исчезли в кустах.

— Пока не откроем, не уедем! — заявил Пашок.

Вначале мы подумали, что ребята охраняют сети и снасти какой-нибудь рыбацкой артели. Разведка выяснила: сети есть, но очень рваные, старые, явно бросовые. Ребята их починили кое-как... Рыбу такими не поймаешь.

Сашок и Пашок открыли также, что у островитян есть шалаш, легко сплетённый из ивовых прутьев. Рядом очаг на груде камней, явно привезённых. Есть ещё железный сундучок для продовольствия. Горшок с квасом, вкопанный в сырой песок в тени кустов. И заняты островитяне странным делом: они остругивают сухие палки так, что на одном конце рогатинка, а другой — острый. Палки острым концом втыкают в землю посреди острова.

Что же у них вырастет? Непонятно.

Не желая быть назойливыми, мы занялись спиннингами. Закидывали блёсны чуть не до противоположного берега. Шумно вытаскивали голавлей.

Но ничто не привлекло островитян. Повидимому, они были заняты делом поинтересней нашего.

Ребят томило любопытство. Несмотря на такое счастливое обстоятельство, как полное отсутствие комаров, Сашок и Пашок никак не могли уснуть.

Странные и непонятные происшествия всё время нарушали наш покой.

Среди ночи вдруг послышались какие-то необъяснимые звуки. Что-то дробно, часто и очень негромко постукивало по земле в том месте, где обитатели острова насажали сухих палок.

Нам чудилось, будто какие-то невидимые существа бьют в почти беззвучные барабаны.

Задремав под это топотанье, мы были разбужены шорохом в нашей палатке. Среди нас двигались какие-то гибкие пушистые тела, чьи-то осторожные прикосновения щекотали наши носы и щёки.

— Брысь!

Поднялась суматоха. Засверкали лучи карманных фонариков. Ничего не обнаружив, мы снова попытались уснуть.

И вдруг в небе над нами что-то зашумело, зашелестело словно стремительно спускающийся парашют.

Раздался страшный жалобный крик.

Все мы вскочили, чуть не повалив палатку.

Посреди острова на лужайке что-то шумно хлопало, раздавались приглушённые крики.

В одну минуту мы очутились там — кто с ружьём, кто с веслом.

Среди натыканных сухих палок шла упорная борьба. В лучах карманных фонариков мы увидели, что двое мальчишек одолевают какую-то могучую птицу.

— Береги глаза!

— Ой, когтищи, во хватила...

Слышались возгласы, щёлканье клюва, хлопанье громадных крыльев, поднимавших ветер.

Наши ребята быстро разглядели, что островитяне схватили ушастую сову.

— Зачем вы её? — удивился Сашок.

— Отпустите сейчас же: это полезная птица! — крикнул Пашок.

Один из ребят старался скрутить сове крылья, другой набрасывал ей на голову сети.

Не тут-то было! Один из ребят старался скрутить сове крылья, другой набрасывал ей на голову сети.

— А я вам говорю, отпустите! Это же ловец грызунов! — бросился на помощь птице Пашок.

— Всё! Не ловить ей наших грызунов!

— Смотри, как мы её подловили!

И тут мы увидели, что сова попалась в сети. Очевидно, с разлёту, погнавшись за добычей, она запуталась в старых сетях, развешанных ребятами на ночь на колышках. Для того они и утыкали прутьями всю полянку.

— Эх вы, вредители! — сказал Сашок.

— А вы... бездельники! — ответили ему.

— Кто, мы? — возмутился Пашок.

— А кто же?.. Плаваете тут зря. А люди делом заняты... Мешаетесь только!

— Мы мешаемся?

— Не повреди её, Вася.

— Нет, я аккуратно...

Сова была уже упрятана в мешок и зло щёлкала клювом.

— А вот мы не позволим вам опустошать природу! — кипятился Пашок.— Мы вмешаемся...

— Нечего вам мешаться, плывите, кто куда,— проплывёте, как вода!

— Не пузырьтесь, пузыри лопаются!

Это было так обидно, что, не вмешайся я во-время, произошла бы горячая мальчишечья драка.

— Хватит! — сказал я.— Сова для уголка живой природы? Вы здешние юннаты?

— Ага, — ответили разом присмиревшие островитяне.

— Дело ясное, пошли чай пить, не то утреннюю зарю прозеваем.

И мы благородно отступили на свои позиции, к палатке.

И каково же было наше удивление, когда мы обнаружили у себя разгром. Пачка чая валялась шагах в пяти от палатки разорванная. Гречневая крупа была рассыпана по полу палатки, а сахарный песок смешан с речным. Кто это похозяйничал?

— Вот разбойники! — возмущались мои ребята, собирая разбросанное продовольствие.— Ловят полезных сов и развели здесь

вредных грызунов! Нет, так это оставлять нельзя! Мы сейчас же должны плыть в Елатьму, к юннатам... Рассказать! Потребовать!

— Конечно!

При отплытии обнаружилась ещё одна пропажа. У меня исчез рукав от старого, любимого охотничьего ватника.

Он, правда, был надорван и едва держался. Но кому понадобилось такое старьё?

Так и отчалили, не найдя рукава. И не попрощались с островитянами, скрывшимися в глубине острова.

Когда мы проплывали у его восточной оконечности мимо густых кустов, из них вдруг показался Вася и, кинув нам в лодку рукав от ватника, крикнул:

— Нам вашего не нужно!

— Счастливо оставаться, воришки!

— Ой, неправда! Это не мы, это кролики. Она для гнезда утащила в нору, крольчиха! Мальва!

Сашок и Пашок сразу примолкли.

— У нас здесь кроличий лагерь! Кроликов разводим, по-нят-но?! — прокричал, сложив руки рупором, Вася вдогонку подхваченной течением лодке.

И после этих слов нам всё стало ясно. Тайна острова была разгадана. Это кролики забирались к нам в палатку, топотали ночью на полянке, как барабанщики, устраивая пляски, растаскивали наши запасы, пока мы спорили из-за совы, которая повадилась летать на полянку и хватать зазевавшихся зверьков да вот попалась, наткнувшись на противовоздушную оборону островитян...

— Ну, что же мы теперь запишем в бортовой журнал?

Наступило долгое и неприятное молчание.

— Я врать не буду,— сказал наконец Сашок,— так и запишу. Как на одном из безымянных островков местные юннаты из села Высокие поляны поселили на лето кроликов, чтоб они разводились на природе, на даровом привольном корме... Удобно: остров — лучший вольер; кругом вместо сетки вода... А мы не разобрались... И остались в их глазах чудаками, бездельниками, ничего не понимающими в жизни; вступились за сову, таскавшую у них кроликов... Все совы, конечно, полезны, но именно эта вредна. А мы, как простаки...

— Ну нет! — вспыхнул Пашок.— Я не согласен! Я в простаках ещё не оставался! Брось, не пиши!

— Так что же, врать?

Зачем врать? Изменить всё это надо. Понимаешь, надо вернуться!

— А ну, на вёсла! — скомандовал я.— Поворот «все вдруг»!

Ни разу ещё с такой быстротой не исполнялась моя команда. Лодка круто развернулась. Впереди было несколько островков из песка, намытых, очевидно, «грязнухой», чистившей фарватер. Они лежали голые, пустынные, мёртвые. Вдали виднелся зелёный остров.

Но мы не поехали к нему. Не могли мы признать себя пристыженными и побеждёнными. Мы решили ответить на брошенный нам вызов с не меньшей хитростью.

Мы тащили лодку вверх по ручью.

— Против течения! — скомандовал я, нарушая завет отцов сашиного и пашиного.

Сашок и Пашок были ребята неплохие; беда была в том, что их слишком любили и баловали родители. Не привыкли ничем утруждать. А тут пришлось сесть на вёсла и ударить во всю силу рук!

Бить против сильного течения было нелегко. Но жажда мести так вдохновила гребцов, что они не чувствовали усталости.

— Мы их проучим, и так, чтобы они запомнили надолго. Чтобы наша месть осталась памятной в веках! — говорил я.

— Мы не проплывём, как вода... без следа!..—говорил Сашок.

— И без пользы,— уточнял Пашок,— мы не пузыри...

Выгрузившись и разбив палатку на одном пустынном островке, что был побольше других, мы на пустой лодке поплыли на тот берег резать ивовые прутья.

И началась работа! Мы ездили на тот берег тоже против течения. Так уж нам не повезло. Тащили лодку лямкой вверх по ручью, где заросли ивняка были особенно густы, а на обмелевших берегах чернела тинистая, наносная земля.

Возили на свой островок прутья и сырой ил. Пот лил с нас градом. Все стали черны от грязи и красны от усилий. Порвали одежду, набили мозоли. Но трудились без удержу.

Мы резали сочные прутья и втыкали рядами в сырой песок острова. Ивняк везде принимается, особенно в песке, под которым вода. Вот трава трудней: пока-то она своими корнями доберётся до влаги! Трава любит расти на илистых наносах.

Мы разгребали вёслами канавки в песке, таскали в них ил — ну и тяжела же сырая земля! — и поверх плодородного ила укладывали срезанный на том берегу травянистый дёрн.

Да ещё поливали его каждый вечер, черпая воду из реки.

Так мы жили, потеряв счёт дням, пока дёрн не принялся, а посаженный нами ивняк не выпустил первые клейкие листы...

Победа! Пустынный остров преобразился. На нём густо пошла трава и не густо, но весело зазеленели заросли ивняка...

Но не в этом дело: главное было в том, что мы из полосок дёрна на плодородном иле выложили лозунг: «Привет высокополянским юннатам от москвичей!». И теперь он ярко зеленел среди белого песка.

И, больше того, когда посаженные нами прутики превратятся в кусты, сверху, с высокого берега, можно будет прочесть: «Саша» и «Паша». Огромные подписи сказочных богатырей.

Они останутся в веках, подобно знаменитому иероглифу «цзинь», изображённому древними китайскими мудрецами где-то в Маньчжурии при помощи кедров. Царство «цзинь» давно исчезло, а имя его сохранили вековые деревья. Это всё знали Сашок и Пашок, очень начитанные товарищи...

Вот обо всём этом, полёживая на носу лодки, и писали они в «бортовой журнал». И были совершенно счастливы, что сами создали таинственный остров. То-то удивятся островитяне, заглянув на него, привлечённые зеленью! Пусть теперь попробуют они отгадать нашу тайну!

Сама жизнь заставит их искать новые острова: кроликов здесь, на воле, разведётся столько, что на одном будет тесновато. Недаром кролики забрались к нам в палатку, утащили пачку чая, прогрызли мешочек с гречневой крупой, а сахарный песок смешали с речным... Верно говорят: «плодовиты, как кролики». Вот поедут ребята искать траву, резать ветки и вдруг увидят: на пустынном прежде острове что-то растёт. Эге, да это не просто выросло! Вначале задумаются, прочитав, что скажет им трава, потом всё вспомнят. И стыдно им будет.

А нам хорошо!..

Принимайте посылку

Вертолёт — удивительная машина. Правда, скорость у него меньше, чем у самолёта,— «всего» 150—200 километров в час,— зато он, как птица, может взлететь и приземлиться почти сразу. Ему не нужен разбег по ровному полю, а значит, он может опуститься где угодно. Мало того: вертолёт может остановиться на лету и неподвижно повиснуть в воздухе, как стрекоза.

Посмотрите на обложку. Вертолёт как раз сделал такую «воздушную остановку» на минуту, чтобы сдать посылку. Один из пилотов спустился по трапу и передаёт чемоданчик с медикаментами для сельской больницы. Точно так же вертолёт может принять на борт пассажиров.

«ПЕРВЫЕ ИСКРЫ». (Потёмкинцы выносят на набережную тело Вакуленчука.) Л. Мучник.

БРОНЕНОСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Медленно поднимаются на набережную матросы, несущие погибшего товарища. Вокруг молчаливо столпились рабочие. Суровы и решительны их лица.

Я смотрю на эту картину, и в моей памяти снова встаёт то, что произошло на броненосце «Потёмкин» пятьдесят лет назад.

В те годы я был матросом и отбывал на «Потёмкине» военную службу. Я уже был тогда членом партии — большевиком. На «Потёмкин» я попал в апреле 1905 года, когда по всей России разгоралась революция. Рабочие бастовали, устраивали демонстрации, крестьяне поднимались против помещиков, жгли и громили барские усадьбы.

Было неспокойно и у нас во флоте. Вести о революционных событиях проникали на корабли. Матросы сочувствовали революции. Мы были озлоблены русско-японской войной, расстрелом петербургских рабочих 9 января, жестоким режимом, царящим во флоте. Бессмысленная муштра по 17—18 часов в сутки, издевательства, зуботычины, ругань — всё это испытал каждый из нас.

Обстановка накалялась. Почти на всех кораблях работали подпольные группы революционеров, которые готовились к восстанию. «Матросская централка» — так называли мы свой подпольный боевой штаб в Севастополе — подготовляла план восстания черноморской эскадры. Намечалось одновременно захватить и корабли и главные города побережья Чёрного моря — Севастополь, Одессу, Батум, Новороссийск.

По плану предполагалось начать восстание, когда к нему подготовится большинство кораблей. Но случилось иначе. Нашему броненосцу было приказано выйти на учение в море. Одесские рабочие в это время бастовали. Это ещё больше взбудоражило команду нашего корабля. Достаточно было любого повода, чтобы недовольство матросов вылилось в открытое возмущение. А тут ещё на «Потёмкин» привезли мясо, которое кишело червями. По кораблю разнёсся слух об этом издевательстве над матросами. Мы решили, что ни за что не станем есть это мясо.

Настало время обеда. Ни один из нас не прикоснулся к еде. В полном молчании все пили чай с хлебом. Явился старший офицер Гиляровский. Он попытался заставить нас есть этот отвратительный борщ. Тогда раздались возмущённые голоса:

— Таким мясом даже собак не кормят!

— Сами ешьте червей, а мы не будем!

Через несколько минут на палубе появился командир броненосца Голиков. Хриплым от бешенства голосом он скомандовал:

— По вахтам! Становись!

Затрещал барабан, раздался топот сотен ног, и через минуту команда неподвижно замерла в строю.

— Кто будет есть борщ, выходи к башне! — приказал Голиков.

Матросы не двинулись с места.

— Ах так! — закричал Голиков.— Ладно, я вам покажу! Вызвать караул!

Перед нами выстроился караул с заряженными винтовками.

Матросы зашептались: они поняли, чем угрожает командир, и сначала поодиночке, а потом группами стали перебегать к башне.

Через минуту у борта осталось человек тридцать. И тут Гиляровский крикнул:

— Довольно! Принести брезент!

Кондукторы принесли брезент и накрыли им матросов, оставшихся у борта.

Наступила зловещая тишина.

— Стрелять! — приказал Гиляровский.

Но караул, охваченный, как и все, ужасом, не шевельнулся. И в этот миг из-под брезента раздался голос:

— Братья, не стреляйте! Почему вы нас покинули?

И тогда началось!.. Из толпы послышались крики: «Не стреляйте!» Григорий Вакуленчук бросился к Гиляровскому, чтобы отобрать у него оружие. Гиляровский выстрелил и смертельно ранил Вакуленчука.

Раздались голоса:

— К оружию! Довольно быть рабами!

Мы бросились в центральную батарею и через мгновение вновь появились на палубе, вооружившись винтовками. Затрещали выстрелы... Первую пулю получил ненавистный всей команде Гиляровский. Он полетел за борт... Ещё несколько минут яростной схватки, и над броненосцем «Князь Потёмкин-Таврический» взвился красный флаг революции. На нём были начертаны гордые слова: «Свобода, Равенство, Братство!»

Мы арестовали офицеров и выбрали судовую комиссию, которая стала командовать броненосцем.

Судовая комиссия вынесла решение идти к Одессе, на помощь восставшим рабочим. Весть о восстании на нашем броненосце облетела весь город. С утра тысячи рабочих шли в порт с развёрнутыми знамёнами, пели революционные песни.

В тот день мы хоронили нашего храброго товарища Григория Вакуленчука. Мы перевезли его тело на набережную. Похороны Вакуленчука превратились в грозную демонстрацию. Тысячи рабочих шли за гробом. Отовсюду неслись возгласы: «Долой царя-убийцу!», «Да здравствует броненосец «Потёмкин!». Полиция и войска не посмели стрелять в рабочих.

Десять дней гордо развевался над нашим броненосцем красный флаг. Царь послал эскадру подавить восстание на «Потёмкине». Но матросы других кораблей отказались стрелять в нас, и эскадра ушла ни с чем.

Напуганное восстанием, царское правительство стягивало в Одессу войска. Большевистская организация Одессы была разгромлена полицией, и у рабочих не было достаточно опытных руководителей. Забастовка была подавлена.

У нас, на броненосце, иссякали запасы угля, продовольствия и пресной воды. Чтобы не сдаваться, наш броненосец поплыл к берегам Румынии. Здесь мы надеялись найти убежище.

Нелегко нам жилось на чужбине. Много горя хлебнули я и мои товарищи в поисках работы, куска хлеба и крова над головой. И всё же мы продолжали вести революционную работу. Очень скоро румынские власти стали преследовать нас за это: бросали в тюрьмы, высылали.

...Мне пришлось покинуть Румынию. Скитался я по Канаде, потом по США. Кем только я не работал за эти десять лет: и батраком на ферме, и кузнецом, и молотобойцем, и чернорабочим! Из-за моих революционных убеждений меня часто увольняли с работы. Тяжёлые это были годы, проклятые. Трудно передать, как мы мечтали о возвращении на Родину. И вот настал день, когда к нам за океан пришла радостная весть — свершилась Великая Октябрьская революция. Кровь, пролитая нашими товарищами, не пропала даром.

Мы поспешили вернуться в Россию, и уже через пять дней после приезда я выехал с мандатом ЦК из Петрограда на партийную работу.

И. Лычев,
участник восстания на броненосце
«Потёмкин».

Рассказ Г. Кубанского.

Рисунки П. Кирпичёва.

Степан Сурков впервые остался на границе один. Напарник его — Антон Томилин — ушёл с донесением на заставу.

— Посматривай за рекой,— сказал он Суркову.— Не нравится мне челнок на том берегу. Неспроста прячется он в камышах.

Степан проводил товарища. Осмотрелся. Ещё днём пограничники приметили яму под мохнатым навесом корней упавшей сосны. Степан устроился в ней. Обломал несколько кустиков, мешавших вести наблюдение.

Перед пограничником меж бронзовых стволов сосен с широкой полосой хвойного подлеска проглядывала река — граница. За рекой, на тёмных осенних полях, смутно выделялись крохотные глинобитные фанзы.

Каждый день видел Степан за рекой истерзанную войной страну. Не раз доносились до заставы приглушённые расстоянием глухие бомбовые удары, и небо вздрагивало в далёких сполохах разрывов. Но особенно запомнилась Степану ночь, когда заставу подняли по боевой тревоге. В ту ночь совсем близко слышался гул чужих бомбардировщиков. Граница ожила. Попрежнему тёмная и молчаливая, она ощетинилась оружием, готовая встретить каждого, кто посмеет посягнуть на нашу землю. Воздушные пираты покружились за рекой и сбросили бомбы на корейское село. Сейчас от него остались лишь обгорелые стены, иссечённые осколками деревья да круглые ямы-воронки, похожие на пруды в родной воронежской деревне, где родился и вырос Степан Сурков.

Сумерки надвигались быстро. С юга накатывались тяжёлые серые тучи. От воды потянул сырой, пронизывающий ветерок.

Сурков натянул на голову капюшон плащнакидки и притих.

С темнотой глухая тайга оживала. Нелегко пограничнику в такую пору. Вскрикнет ли шалая ночная птица, прошуршит ли в траве беспокойный зверёк или плеснёт в реке рыбёшка — пограничник до боли напрягает зрение и слух, стараясь разобрать, не скрывается ли за этими звуками опасность.

Последние годы спокойнее стало на участке заставы. За рекой дружественная Народно-Демократическая Корея, где не разгуляются наши враги. Но пограничник не имеет права успокаивать себя тем, что сейчас нарушения границы редки. Ни на минуту не забывает он, что ему доверено самое дорогое для солдата — безопасность Советского государства. Ещё днём Сурков, готовясь идти в наряд, рассчитал, что если бы кто захотел пробраться на нашу сторону, то пошёл бы густым подлеском, избегая хоро-

шо просматривающегося соснового леса. И сейчас всё внимание Суркова было приковано к плотно сбившимся молоденьким мохнатым сосенкам; в темноте они скоро слились в сплошное чёрное пятно.

Едва ли и сам Сурков смог бы объяснить, как он почувствовал, что неподалёку от него кто-то есть. Осторожно приподнялся он на локтях и чуть откинул назад голову: так, казалось, легче всматриваться в темноту.

Пологий скат сопки был залит лунным светом. Из-под деревьев и кустов ползли по земле причудливые длинные тени, сплетались в затейливые узоры. Сурков пристально следил за ними, стараясь в их сложной игре уловить единственную опасную тень — тень крадущегося врага.

Желая дать глазам отдохнуть от темноты, от напряжения, Сурков взглянул на небо. Луна скользила краешком мутного облака. Очертания её то прояснялись, то снова за-

Степан прижался к земле и тут же заметил быстро перебежавшую согнутую фигуру.

туманивались, будто закутываясь в прозрачную кисею.

Чуткое ухо пограничника уловило еле слышный шорох в кустах. Степан прижался к земле и тут же заметил быстро перебежавшую от ствола к стволу согнутую фигуру.

Степан лёгким движением плеча стряхнул мешавшую движениям плащ-накидку и пополз к большой, разлапистой ели, под которой притаился человек.

Неизвестный прижался спиной к широкому, кряжистому стволу. Лишь голова его медленно поворачивалась. Очевидно, он всматривался в кусты, в корни упавшей сосны, под которыми только что укрывался Степан. Выждав немного, неизвестный оторвался от ствола, пригнулся и побежал к соседнему дереву.

— Стой! — вскочил наперерез ему Сурков.

И сам изумился. Неизвестный не побежал от него и не схватился за оружие. Он радостно вскрикнул и бросился к пограничнику. Остановился он, лишь почувствовав грудью остриё выставленного вперёд штыка. Теперь луна светила прямо в лицо задержанного. Морщинистое, с редкой бородкой и тонкими усиками, свисающими по краям приоткрытого, тяжело дышащего рта, оно было искажено от страха.

— Не надо стреляй! Моя боисся! Моя беги не надо!.. — задыхаясь и жадно хватая ртом воздух, бормотал он, всячески стараясь привлечь внимание пограничника в сторону густого подлеска, где после появления луны стало ещё темнее.

— Руки вверх! — негромко, но внушительно произнёс Сурков.

Нарушитель поднял руки и стал пятиться, стараясь зайти так, чтобы пограничник оказался между ним и кустами, которых он так боялся.

Сурков поставил задержанного на открытое место, освещённое луной, спиной к себе. Не переставая зорко наблюдать за каждым его движением, он глянул на кусты и замер... Там, в темноте, ярко горели два золотистых огонька.

Тигр!

Сурков быстро перевёл карабин в сторону кустов.

Широко посаженные хищные глаза погасли. Послышался еле уловимый слухом шорох в кустах... Всё затихло. Лишь необычайно громко тикали часы на руке Суркова, заглушая даже громкое и частое дыхание задержанного...

Предупреждая солдат о появлении в окрестностях заставы тигра, лейтенант рассказал о повадках этого опасного зверя. А вечером в комнату политпросветработы пришёл замполит капитан Кравченко и стал читать вслух замечательную книгу об охотнике-гольде с непривычным для слуха именем Дерсу Узала. Из неё Степан узнал, что тигр может часами, даже сутками преследовать человека, терпеливо выжидая, пока у того от утомления не притупится внимание; что нападает хищник обычно сзади, неожиданно и наверняка. Знал Сурков, что бить опасного зверя следует тоже наверняка. Иначе даже смертельно раненный тигр не даст сделать второй выстрел, обрушится на неловкого стрелка...

И сейчас Сурков старался всё время следить за кустами, одновременно не упуская из виду и задержанного.

Это было нелегко. Нарушитель всё время упорно старался придвинуться поближе к пограничнику, не обращая внимания на его предупреждения.

— Назад! — крикнул Степан.— Назад, говорю! Повернись!

Степан навёл карабин на задержанного, но... сбоку выплыли из темноты знакомые мерцающие огоньки. Вспыхнули ярче... Пограничник круто повернулся к ним. Момент был на редкость удобный. Прицельная рамка и мушка были ярко освещены луной. Сурков прижался щекой к прикладу. Холодок полированного дерева успокоил его... Но тут он заметил приспущенные руки задержанного, его согнутую, напряжённую, как перед прыжком, спину, перехватил на себе его короткий взгляд и сейчас же перевёл винтовку обратно на нарушителя. Степан понял, что стоит ему выстрелить и не успеет он дослать патрон в канал ствола, как задержанный метнётся в кусты или же бросится на него.

— Ложись! — негромко, но властно приказал Степан.

Нарушитель силился что-то объяснить ему, даже ударил себя кулаком в грудь. Из его частой скороговорки Степан понял лишь одно, что тот называл себя корейцем. Но сейчас Степан охранял государственную границу Родины. Не мог он рассуждать, кто стоит перед ним. Здесь, на границе, люди делились надвое — её верные часовые и нарушители.

— Ложись! — властно повторил Степан.

Задержанный, не мигая, смотрел в глаза пограничника, будто проверяя его решимость, потом перевёл взгляд на тускло от-

свечивающий в свете луны штык карабина и медленно опустился на землю.

— Лицом вниз! — командовал Степан и концом штыка пояснил, чего он требует.— Руки вперёд вытяни. Смотри... лежать тихо!

— Моя лежи тихо-тихо! — послушно откликнулся с земли задержанный.— Твоя... убивай надо амба...[1].

Но Сурков уже не слушал его. Он снова увидел тигра. На этот раз хищник был значительно ближе. Пограничник понял: зверь готовится к решительному прыжку.

Вдали по лесу двигалась широкая чёрная тень. Быстро укрывала она сосны и реку.

«Скоро туча закроет луну! — тревожно подумал Степан.— Надо спешить».

Взглянув на лежавшего врастяжку нарушителя, он увидел его блестящий от пота затылок и тут же сам почувствовал прилипшую к спине мокрую рубашку.

«Лёжа ты себя чувствуешь похуже! — подумал Сурков.— Даже разговаривать перестал».

Ещё два раза появлялся тигр и сразу же пропадал в темноте. Вот снова выплыли его глаза, вспыхнули ярче и сузились... Стали медленно опускаться к земле...

Степан приложился... Задержал дыхание...

Короткая вспышка ярко осветила ельничек, лежащего нарушителя. Грохот выстрела ударил в вершины сосен и гулко покатился по лесу.

Громадное тёмное тело упруго взметнулось вверх с широко расставленными лапами, будто ударилось в воздухе о невидимую преграду, и, грузно осев на задние лапы, шлёпнулось брюхом о землю в двух — трёх шагах от пограничника. Страшные когти судорожно впились в выступающий из земли узловатый корень сосны. Оскаленная пасть звонко клацнула зубами и бессильно уткнулась между вытянутыми лапами.

Задержанный вскочил на ноги и боком, резким рывком метнулся в кусты.

Вспышка второго выстрела осветила кусты, стволы сосен, беглеца и тигра.

Нарушитель невольно присел под злобно прожужжавшей над головой пулей, быстро оглянулся... Увидев наведённый на него карабин, он поднял руки.

Сурков подошёл к нему.

Отголоски выстрелов уходили всё дальше, гудели в лесу глухо и тревожно...

[1] Так китайцы и корейцы называют тигра.

Задержанный лёг ничком.

Клубящиеся облака сдвинулись, укрыли луну. Ветер прошумел в вершинах деревьев. Брызнули крупные капли дождя.

Глухой шорох капель о ветви и землю заглушил ночные звуки, будто окутал Суркова плотной пеленой, лишил его слуха и зрения. Окружала его непроглядная, плотная темнота. Не видно было даже вытянувшегося у ног задержанного. Секунда за секундой тянулись так медленно, что хотелось крикнуть: «Сюда!» Казалось, что в такой темени и ливне невозможно найти человека, затерянного в тайге...

Первым подоспел на вызов Суркова серый пёс Баян. Оскалив клыкастую пасть, он встал над задержанным. Скоро появился и лейтенант с нарядом. Он принял задержанного.

Отдохнув, Степан занялся с утра отделкой тигровой шкуры. Увлечённый своим делом, он не заметил, как к нему подошёл капитан Кравченко.

— Почему вы такой нелюбопытный? — спросил капитан.— Даже не поинтересовались узнать, что за птица попалась вам этой ночью!

— Не положено пограничнику быть любопытным,— ответил Степан, привычно подтягиваясь при появлении офицера.— Наше дело — задержать. А там разберутся, что за птица попалась и в какую клетку её посадить.

— Не положено,— медленно повторил Кравченко.— Это верно. Не положено. Только случай с вами произошёл поучительный. Помните, я рассказывал, что враг иногда маскируется под друга? Чтобы вызвать к себе симпатии. А потом...

— Разве он не кореец? — удивился Степан.— А я-то по обличью и особенно по усам признал в нём корейца.

— По усам?! — Кравченко улыбнулся и достал из нагрудного кармана кителя клочок чёрных волос. — Узнаёте? Это «корейский» ус вашего ночного гостя. Так ему легче было пробираться по северной Корее к нашей границе. А если б ему удалось проскочить в нашу страну, он бы сумел живо превратиться в кого ему заблагорассудится — в узбека, киргиза, таджика.

— Так кто же он на самом деле? — спросил уже серьёзно заинтересованный Степан.

— Враг! — коротко ответил Кравченко.— А кто именно?.. Не всё ли равно?

Латифаҳо

Абдусалом Дехоти

Рисунки О. Зотова.

Не догадался

Однажды в присутствии падишаха, любившего послушать забавные истории, зашёл разговор о глупцах.

— Как-то раз, завидев издали известного всему городу глупца, спрятал я под полу халата десять куриных яиц,— начал свой рассказ один из гостей падишаха.— Когда глупец приблизился ко мне, я сказал ему: «Отгадай, что у меня спрятано под полой. Догадаешься — половина куриных яиц твои. Сумеешь отгадать, сколько их,— весь десяток твой».

Глупец взмолился:

«Братец, ведь я не аллах, чтобы разгадать то, чего не вижу. Назови мне хоть некоторые приметы спрятанного тобою, и тогда, пораскинув умом, быть может, я и догадаюсь».

«Ну, слушай,— сказал я. — Часть этого, нечто жёлтое, заключена в нечто белое».

«Догадался! — закричал глупец.— Это, конечно, морковки с редькой смешались».

Гости падишаха рассмеялись, а вместе с ними от души хохотал и сам падишах.

После того, как смех утих, падишах обратился к рассказчику и шёпотом спросил его:

— А что всё-таки было спрятано под полой, что ты так долго морочил голову бедному глупцу?

«Латифахо» — юмористические рассказы, один из видов устного творчества таджикского народа.

Таджикский поэт Абдусалом Дехоти собрал эти рассказы и издал их отдельной книгой. Несколько рассказов из неё вы и прочтёте здесь.

Умный табиб

Один человек пришёл к искусному лекарю — табибу — и пожаловался на боль в животе. Табиб спросил его:

— Что ты сегодня ел?

— Горелый хлеб,— ответил больной.

Табиб взял лекарство и начал вливать его больному в глаза.

— Что ты делаешь? Ведь у меня не глаза, а живот болит! — закричал в испуге больной.

— Сначала надо вылечить глаза,— спокойно отвечал табиб.— Если бы глаза твои были здоровы, ты не ел бы горелого хлеба.

Заячий суп

Как-то один охотник привёз Афанди [1] зайца.

Растроганный подарком, Афанди принял охотника, как самого дорогого гостя.

Через несколько дней к Афанди пришли четыре незнакомых человека. Афанди спросил, кто они.

— Мы соседи того охотника, который принёс тебе зайца,— отвечали они.

Афанди достойно принял этих людей и угостил их заячьим супом.

Ещё через две недели к Афанди пришли пятнадцать незнакомых человек. Он спросил, кто они.

— Мы соседи соседей того охотника, который принёс тебе зайца.

— Хай! Хай! Очень хорошо! Добро пожаловать!

Афанди усадил своих гостей и поставил перед ними котёл, до краёв наполненный холодной чистой водой.

— Эй, Афанди, чем ты нас угощаешь?

— Супом из супа того зайца, которого принёс мне в подарок знакомый ваших знакомых,— ответил Афанди.

«Я вспомнил козла»

Однажды, проходя мимо мечети, Мушфики [2] услыхал голос имама. Мушфики вошёл в мечеть и стал слушать молитву. А когда имам дочитал молитву до самого трогательного места, Мушфики горько разрыдался.

После того, как молитва была окончена, довольный собой имам спросил Мушфики:

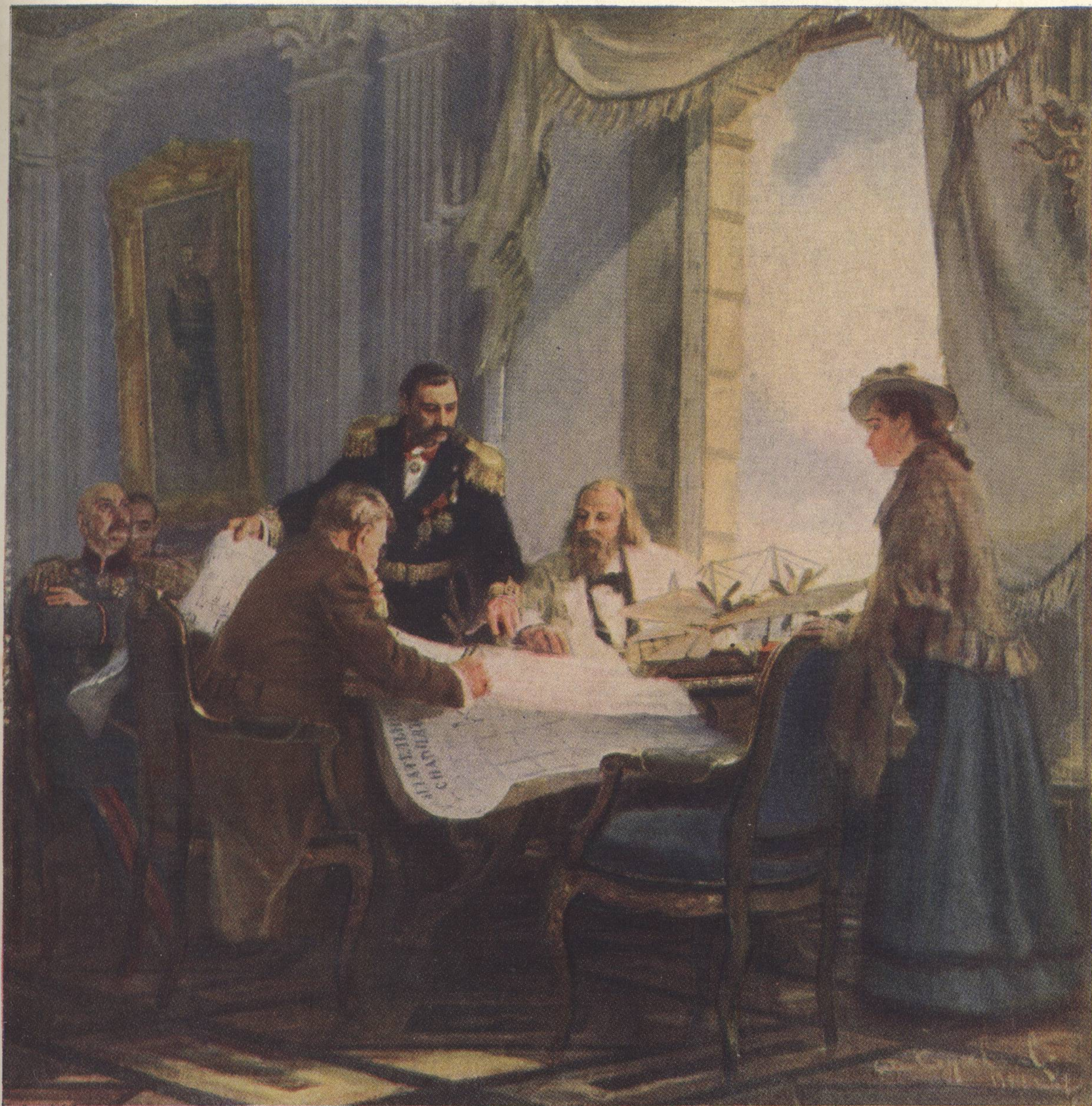
— Ты плачешь? Это молитва так тронула твоё сердце?

— О нет, господин! — ответил Мушфики.— Был у меня жирный козёл. Совсем недавно он умер. У него был дрожащий голос, совсем как твой, и тощая, длинная борода, точь-в-точь как у тебя. Я вспомнил своего козла и заплакал.

Перевели Н. Алембекова и Э. Лемперт.

[1], [2] Афанди и Мушфики — излюбленные герои таджикского фольклора.

ВПЕРВЫЕ О САМОЛЁТЕ. П. Суровцев.

1877 год. Петербург. Инженерный замок. Ясное утро заглядывает в окна большой комнаты. На столе листы с чертежами и странный аппарат, похожий не то на крылатую игрушечную лодку, не то на лёгкую белую бабочку...

Высокий, крепкий человек в морской форме, склонившись над столом, говорит:

— Летательный аппарат будущего, вероятно, будет походить на птицу с распростёртыми крыльями. Его будут приводить в движение быстро вращающиеся винты. Врезываясь в воздух, они пойдут вперёд, увлекая за собой аппарат...

Это офицер русского флота, талантливый изобретатель Александр Фёдорович Можайский даёт объяснения специальной комиссии о своём изобретении — о первом в мире самолёте.

Внимательно слушает Можайского великий русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев; молодой математик Софья Ковалевская напряжённо ловит каждое слово. Передовые люди науки, они понимают всю важность этого изобретения. Ясность доводов, точность расчётов, огромное число проделанных опытов — всё подтверждает правоту изобретателя, который убеждён, что воздух покорят не воздушные шары, а летательные аппараты тяжелее воздуха — самолёты.

Вот сейчас будет освобождён от бумаг большой стол, и легкокрылая «летучка» Можайского, разбежавшись, как на аэродроме, поднимется в воздух и плавно пролетит через комнату...

Картина художника Суровцева показывает нам этот день, знаменательный в истории авиации.

УТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ РАННЕЙ ВЕСНЫ. М. Сарьян.

АЛВАР. М. Сарьян.

ЗАГАДКИ ВОКРУГ НАС

Наступило лето. Сколько интересных путешествий впереди, сколько походов, прогулок, приключений!

Редакция обратилась к учёным и специалистам с вопросом: не нужна ли им помощь пионеров, не могут ли мальчики и девочки своими летними исследованиями сослужить им службу?

Оказалось, ребята, что для вас есть много важных поручений. А какие поручения, вы узнаете, прочитав то, что написано на этих страницах.

Кукуруза на новоселье

В нынешнем году, ребята, у нас во много раз увеличились посевы кукурузы, потому что кукуруза — очень полезная зерновая культура, чрезвычайно важная для развития животноводства, это лучший корм для птицы и скота. Кукурузы теперь из года в год будут сеять всё больше и будут сеять даже в тех местах, где её не сеяли, где она не вызревает на семена. Ведь туда семена можно доставлять с юга, а в корм кукуруза хороша и в молочно-восковой спелости, и в молочной, и когда початки ещё совсем молодые, с неналившимися зёрнами.

Там, где кукурузу сеют давно, агрономы и колхозники знают, в какое время лучше всего начинать сев. Но ведь у каждого сорта и для каждой местности должны быть свои сроки. Как же определить точно наилучшие сроки посева там, где никогда не росла кукуруза? Конечно, только на практике, только опытом.

Вот в этом, ребята, и вы можете принять участие.

Если у вас в колхозе кукурузу сеяли в разные сроки, вы разузнайте, какого числа какое поле было засеяно, а потом и следите хорошенько, как растёт кукуруза на разных полях. Записывайте аккуратно, когда она начнёт выбрасывать султаны, когда завяжутся початки, когда начнут наливаться зёрна. Для каждого поля ведите отдельную запись.

Может случиться, что в посеве один или два дня разницы, а в цветении и завязывании початков — целая неделя. Это много значит, это очень важно приметить! А когда придёт пора массовой уборки, попросите, чтобы вам разрешили на каждом поле убрать в пяти различных местах по десять гнёзд кукурузы. Срежьте стебли на такой же высоте, на какой срезает уборочная машина, взвесьте зелень вместе с початками, отделите и взвесьте початки, подсчитайте, сколько совсем спелых початков, сколько молочно-спелых, сколько зелёных. Конечно, всё это для каждого поля в отдельности, чтобы можно было сравнивать.

В колхозах, где посеют разные сорта кукурузы, надо таким же способом узнать, какой сорт лучше чувствует себя в новых местах, лучше развивается. Вместе с агрономом или бригадиром все свои данные пересчитайте на гектар посева.

Ваши измерения, наблюдения и подсчёты колхозу очень пригодятся. Да и для учёных они будут интересны, особенно если тысячи внимательных ребят в различных уголках нашей большой страны возьмутся за это дело.

Д. В. Горюнов,
старший научный сотрудник
Главного ботанического сада
Академии наук СССР.

Вооружившись фотоаппаратом

Я уже много лет изучаю природу, и верным помощником моим всегда был фотоаппарат. Он успевает запечатлеть на плёнке события в мире зверей, птиц или насекомых, которые длятся короткое мгновение и за которыми не уследить глазом.

Вот птица подлетела к гнезду. Птенцы широко раскрыли клювы, и мать сунула в один из них принесённого червяка. Две — три секунды, и всё кончено.

Птицу и птенцов не попросишь повторить всё сначала, чтобы лучше рассмотреть. А снимок, который вы сделали, навсегда сохранит всё, как было, и вы сможете, когда это будет нужно, рассмотреть любые подробности. Фотография позволяет вам «консервировать» явления природы и уносить их с поля, из леса к себе домой.

Вооружитесь фотографическим аппаратом, и пойдёмте в лес. Днём на опушке или по прогалинам лесных дорог летают светложёлтые бабочки-лимонницы, цветистый павлиний глаз, красивый жёлтый, с бархатными пятнами махаон. Уловите момент, когда бабочка замерла в неподвижности, и осторожно приближайтесь к ней, не делая резких движений. Следите за тем, чтобы на неё не упала ваша тень.

Заранее обдумайте, с какой скоростью затвора и с какой диафрагмой вам надо снимать. Подходите к бабочке не мешкая, пользуйтесь солнечным освещением — набежит облако и закроет солнце. Да и бабочка не будет сидеть и ждать вас.

Если бабочка перелетает с места на место, не гоняйтесь за ней. Заметьте, где она чаще присаживается, и ждите её там: рано или поздно она сама подлетит. При повторных снимках не забывайте менять диафрагму, тем самым вы изменяете выдержку. Скорость затвора лучше не менять. Для фотографирования неподвижно сидящей бабочки при солнечном свете достаточна выдержка в $^{1}/_{50}$ секунды.

Труднее снимать птичку или какого-нибудь зверька. Приходится подкрадываться к ним, прячась за деревьями и кустами, пользуясь всеми возможными прикрытиями.

С начала лета, когда птицы вьют гнёзда, откладывают яйца, высиживают их и выводят птенцов, для фотографа живой природы наступает интересная пора. Надо искать гнёзда в болоте, в лесу, на поле. Внимательно приглядывайтесь к поведению птиц. Вот птица хлопотливо перелетает с места на место, а затем неслышно, стараясь остаться незамеченной, исчезает в траве или среди ветвей. Там и надо искать гнездо.

Но будьте осторожны! Обламывая веточки, приминая траву, вы изменяете маскировку. Это приводит к тому, что птица бросает гнездо и кладку яиц. Открытое гнездо становится заметным для врагов птицы. Если открыть гнездо дикой утки, то яйца могут расклевать чайки или болотный лунь, в лесу на гнёзда мелких птичек нападают вороны, сойки, сороки. Поэтому, найдя гнездо с насиживающей птичкой, не следует быть назойливым, часто её беспокоить. Если для фотографирования вам понадобилось раздвинуть

В гнезде чайки только что вывелся птенец.

Ящерица-круглоголовка.

ветки или траву, не забудьте всё восстановить, как было.

Чаще всего насиживающая птица сидит очень крепко и близко подпускает к себе человека. Соблюдая осторожность, не делая резких движений, удаётся снять в гнезде пеночек, зябликов, дроздов и других птичек.

Найдя гнездо птички невысоко на дереве, около него ставят шалашик, из которого можно наблюдать за поведением жильцов гнезда. Особенно интересно поведение птиц, выкармливающих птенцов. Белые аисты заглатывают пищу и отрыгивают её в гнездо птенцам. Молодые цапли засовывают свой клюв в клюв родителей и выхватывают оттуда принесённых лягушек и рыбок. Ястреб-самец приносит в гнездо пойманных им птиц или зверьков, а самка разрывает их на куски и кормит птенцов. Всё это можно подсмотреть и сфотографировать.

Махаон на цветке.

Настаёт время, когда птенцы выбираются из гнёзд и, неуклюже вспорхнув, садятся на ближайшие ветки. Этих «слётков» легче фотографировать; они ещё не боятся человека и близко подпускают его к себе.

На берегах прудов подкараульте лягушек и сфотографируйте момент, когда они сидят около воды и квакают, раздувая голосовые мешки.

Много интересного даёт также фотографирование растений: цветов, деревьев, грибов. Их, конечно, легче снимать, чем животных, они неподвижны. Снимать растения надо в тихую, безветренную погоду, чтобы снимки получались достаточно резкими, не смазанными. Лучше всего фотоаппарат укреплять на штативе и, задиафрагмировав объектив, снимать с большой выдержкой.

Профессор С. С. Туров.

О кукурузе и о кротах

У меня к вам два поручения, ребята.

Во-первых, понаблюдайте за кукурузным полем, когда начнут наливаться початки. На молодые, сладкие початки много охотников: не только грач и галка — дятел прилетает из леса и долбит кукурузу своим крепким клювом, а в южных местах клюёт её и сойка. Даже барсуки и волки не прочь полакомиться созревающей кукурузой!

Помогите колхозникам охранять кукурузу и последите, какие птицы и звери нападают на неё, в какой стадии развития початков начинаются набеги на поля, какие средства помогают отпугивать птиц. Всё это очень важно: вы знаете, как много теперь стало кукурузных полей и как нужна кукуруза для нашего хозяйства.

Во-вторых, я хотел бы, чтобы вы помогли мне с кротом.

Найдите в лесу или на выпасе кротовые холмики и, осторожно разрывая ходы от холмика к холмику, зарисовывайте их. Как можно точнее соблюдайте масштаб и направление подземных коридоров. Если вам удастся сделать план ходов не только первого, но и второго яруса, будет ещё лучше.

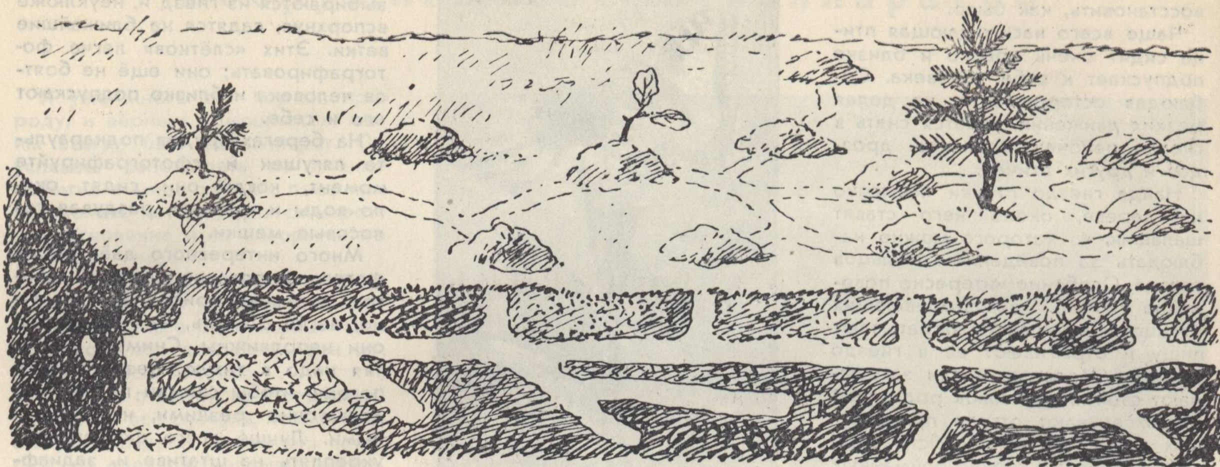

Помечайте на ваших планах все места, где ход пролегает среди корней молодых сосенок. Это очень важно: именно в таких местах крот ищет и истребляет личинок майского жука. Крот — лучший друг соснового леса, потому что личинка майского жука повреждает корни и губит молодую поросль сосны.

Последите в лесу за всходами различных деревьев: дуба, сосны, граба. Чаще ли они встречаются на кротовых холмиках и вдоль кротовых ходов, там, где ходы ближе к поверхности? Дело в том, что лесоводы считают крота своим помощником: семена сосны, летучки граба, жёлуди, упав на землю, прорастают, но нежные корешки сеянцев не могут пробиться сквозь густое сплетение корней в дернювине, а крот, разрыхляя землю, словно открывает им двери внутрь, вглубь почвы.

Всюду, где вам встретятся древесные сеянцы, вы нанесите их на свои планы, чтобы видно было, сколько деревьев укоренилось там, где рыхлил крот, и сколько — на нетронутой земле.

Там, где ходы пролегают под корнями

сосен, раскопки ведите осторожно, чтобы не повредить корней. Места с проросшими сеянцами обходите: дерево прорастает долго и трудно, его надо беречь.

Луговые кротовины можно исследовать только на тех участках, где травы предназначены для выпаса, а не для укоса, а то вместо пользы вы принесёте вред.

Там, где нельзя копать, вы можете провести наблюдения по-иному: составьте план расположения всех кротовых холмиков, а потом следите за появлением новых и пополняйте план, отмечая на нём новые холмики номерами и датой появления.

Здесь нарисован один из кротовых лабиринтов, чтобы вы видели, как это делать. Конечно, на ваших рисунках ходы будут расположены по-другому, а это мне и важно. Чем больше я получу различных планов с кротовыми ходами, тем лучше.

Профессор **А. Н. Формозов.**

В поход на вредных насекомых

Кто из вас, ребята, не знает, что среди насекомых много злейших врагов сельского и лесного хозяйства. Иногда масса вредных насекомых нападает на поля и леса, и тогда среди лета стоят голые деревья, опутанные паутиной, прежде времени желтеют и поникают полевые и огородные растения. Впрочем, сейчас так бывает редко: за насекомыми зорко следят энтомологи. Но многие насекомые вредят потихоньку, незаметно, скрытно.

Для того, чтобы уметь бороться с вредными насекомыми, надо знать их образ жизни. Хорошо ли известны вредные насекомые вашей местности? Наверно, найдётся немало таких, о которых мы, энтомологи, знаем понаслышке, а многие окажутся и совсем незнакомыми. Давайте изучать вредных насекомых, их образ жизни и повадки.

Конечно, нельзя наблюдать всех насекомых одновременно, лучше взяться за что-нибудь одно: за вредителей полевых культур, за вредителей огорода, или сада, или леса. Пусть каждый из вас выберет какое-нибудь одно растение, например, сосну или берёзу в лесу, пшеницу или рожь в поле, картофель или капусту в огороде, яблоню или сливу в саду.

Пустынная кобылка — вредитель разнолистного тополя.

Внимательно осматривайте корень, ствол, ветви, листья, цветы и плоды. На различных частях растения есть свои вредители. Обследуйте как можно больше растений в разных местах своего края. Не забывайте об этом, идя в поход.

Обнаружив вредителя, наблюдайте за ним, чтобы узнать, какими частями растения он питается, когда и где откладывает яички, когда выходят из яичек личинки или гусеницы и как они развиваются. Всё это нужно знать для того, чтобы научиться правильно бороться с вредителями.

Все свои наблюдения подробно и точно записывайте в дневник, не полагайтесь на свою память. Зарисовывайте и фотографируйте насекомых.

Собирайте вредных насекомых во всех стадиях развития, обязательно указывая, где и когда добыто насекомое. Яйцекладки, личинки, а также очень мелких на-

секомых хорошо хранить в пробирках с четырёхпроцентным раствором формалина. Этим вы положите начало коллекции вредных насекомых.

Обязательно соберите и гербарий позреждённых вредителями частей растений. Хорошо составленная коллекция насекомых и гербарий образцов повреждений—большое подспорье в изучении вредителей сельского и лесного хозяйства.

Конечно, вам захочется узнать, с каким насекомым вы встретились, попытайтесь его определить. В этом вам поможет книга Н. Н. Плавильщикова «Определитель насекомых». Выясняя «личность» насекомых, вы увидите, как разнообразна форма тела, головы, глаз и крыльев у насекомых.

Профессор **П. И. Мариковский.**

По следам подводных врагов

Советский человек меняет природу. Он сажает леса и населяет их птицами. Редких, исчезающих представителей звериного царства он расселяет по заповедникам. Он привозит из других стран, с других материков животных, которые прежде никогда не жили у нас. В огромные пресноводные водоёмы, образованные плотинами электростанций, он пускает рыбу и тех обитателей воды, которые служат ей пищей.

Но есть и другие переселенцы, которых человек не просит менять свой адрес. Они делают это сами, без приглашения, пользуясь новыми дорогами, созданными совсем не для их удобства. Многие из этих переселенцев на новом месте, в новых условиях вдруг приобретают такую цепкость к жизни, так бурно и быстро размножаются и распространяются, что из безвредных, никем не замечаемых превращаются в злейших врагов. Одним из таких врагов стал небольшой моллюск дрейсена.

Дрейсена любит чистую воду и поселяется либо на неподвижных камнях, омываемых сильным током воды, либо на днищах судов. Жила дрейсена издавна в нижней части Волги. Никто не считал её врагом, наоборот, к ней относились хорошо, потому что она служила пищей многим рыбам.

Волга с глубокой древности была огромной водной дорогой, а после создания новых каналов, шлюзов, водохранилищ по ней пошли сотни больших теплоходов, грузовых судов, гигантских самоходных барж. И вот дрейсена перебралась туда, где её прежде не было: совсем недавно её обнаружили в водохранилищах, каналах, реках системы Волга — Москва, а по течению Волги она дошла уже почти до Калинина. В этом не было бы беды, если бы дрейсена не обнаружила «пристрастия к технике». Оказалось, что стремительное течение, образующееся благодаря искусственным сооружениям, больше нравится дрейсене, чем природное речное течение. Дрейсена «нападает» на винты теплоходов, делающие сотни оборотов в минуту! Для неё ведь не важно, что́ здесь движется: вода ли мчится мимо винта или винт с бешеной скоростью режет воду. Дрейсена забирается во всасывающие трубы водопроводных станций и прирастает к стенкам. Иногда уменьшает просвет широких метровых труб на две трети, затрудняя работу водопровода. Она устраивает свои колонии на плотинах электростанций, а оттуда может переселиться в подводящие каналы, засорить их, уменьшить приток воды к турбинам.

Когда в соседстве с ГЭС появляется дрейсена, инженеры бьют тревогу, зовут на по-

мощь нас, гидробиологов, чтобы общими силами отразить зловредного моллюска.

Ребята! Здесь вы видите «портрет» дрейсены. Он поможет вам узнать её при встрече. Будьте нашими союзниками и разведчиками. Сообщайте нам о появлении дрейсены в ваших местах. Она дошла почти до Калинина, это мы знаем. А не забралась ли она дальше? У плотины Иваньковской ГЭС дрейсена появилась большими колониями. Это тоже уже обнаружено. А нет ли её в Москве и окрестных реках, не подбирается ли она к Рублёву, под Москвой? Как расселяется днепровская, донская, уральская дрейсена по притокам этих рек?

Дрейсена.

Второй незваный и нежеланный гость — это водоросль элодея. Она прибыла в Европу из Канады и стала бичом проточных вод. Появившись в каком-нибудь месте, элодея вытесняет все другие водяные растения и так забивает водоём, что ни проехать, ни проплыть. Недаром почти во всех европейских языках для неё есть второе название: водяная чума, канадская чума.

В Россию элодея приехала ещё до революции через петербургский порт в трюме иностранного парохода, доставившего к нам партию живой рыбы. Сейчас это водяное растение расселилось по всей европейской территории нашей страны и перебралось через Уральский хребет в Сибирь.

Элодея.

Хорошо, если бы ребята, живущие в Сибири, проверили, не появилась ли у них элодея. Элодея всем вам очень хорошо знакома по виду. Это та самая водоросль, которой обычно озеленяют аквариумы. В аквариумах-то она красива, а в озёрах и прудах приходится устраивать «подводный сенокос», выкашивать зловредную переселенку. Найдя элодею или дрейсену, сообщайте, давно ли она появилась, много ли её. Описывайте коротко речку или озеро, где вы её нашли: проточная ли вода, быстрое ли течение, какие берега и дно. Если, несмотря на тщательные поиски, вы не обнаружили вредных переселенцев, сообщайте об этом тоже, обязательно указывая, какие водоёмы вы обследовали. Это поможет устранить «белые пятна» на гидробиологических картах.

Пусть юные разведчики науки направляют сведения об элодее и дрейсене в редакцию журнала «Пионер» с пометкой на конверте, что это для меня.

Профессор Г. И. Долгов.

В дождливую погоду

Закружились по дорогам тучи пыли. Налетел порыв ветра и с треском захлопнул окно. Вот упали первые капли дождя, а вскоре частый дождь забарабанил по крыше.

Попрятались звери по своим норам. Укрылись птицы, бабочки и стрекозы в густой листве деревьев. Большие лесные муравьи затыкают все входы в муравейник.

Засуетились в своём муравейнике и мелкие жёлтые муравьи, те, что так больно кусаются. Но странное дело: эти муравьи как будто и не думают прятаться от дождя: всё больше и больше появляется их на поверхности. Не обращая внимания на дождь, муравьи тащат во рту комочки земли и укладывают их на крыше муравейника. Прежде чем уложить принесённую землю на место, они разминают её челюстями, потом, ощупывая землю усиками, утрамбовывают лапками. Через некоторое время на вершине муравейника вырастают земляные столбы и стены. Теперь нетрудно догадаться, что муравьи пристраивают к своему жилищу ещё один этаж.

Но почему они выбрали для этой работы такое неподходящее время?

Дело в том, что при постройке своих жилищ насекомые обычно связывают строительный материал липкой слюной или животной смолой, а жёлтые муравьи цементируют крупинки земли дождевой водой. Потому-то они и работают в дождь...

...Возведя стены и перегородки, муравьи начинают строить потолки. Они прикрепляют частицы мокрой земли так, что у стен образуются навесы, которые постепенно смыкаются. Они покрывают земляной крышей множество маленьких комнаток, галерей, залов с колоннами и без колонн. Залы иногда бывают до четырёх сантиметров в ширину, и муравьи умудряются перекрыть их сплошными потолками!

Дождь как бы полирует, сглаживает поверхность стен и потолков, и они получаются совсем гладкими. В ясную погоду они

прокалятся на солнце и затвердеют.

В начале лета муравьи в особенности дорожат дождём и даже ночью не прекращают работы.

Дружная, согласная работа муравьёв вполне доступна для наблюдения, и для этого вам не нужно дожидаться дождливой погоды,—вы можете заставить их работать в ясный, солнечный день.

Разыщите в высокой траве муравейник жёлтых муравьёв — маленький земляной холмик, возьмите ведро воды, жёсткую щётку или метёлку и побрызгайте муравейник водой. Муравьи, решив, что идёт дождь, вылезут из муравейника и примутся за надстройку своего жилища.

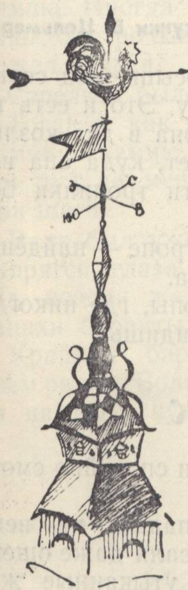
Понаблюдайте за их действиями, проследите, как ведут себя отдельные муравьи. Как вы думаете, есть ли у них разделение труда? Измерьте толщину построенных ими стенок и крыши, высоту этажей, высчитайте, сколько времени затрачивают муравьи на постройку, и проследите, откуда они берут землю для построек.

Все свои наблюдения аккуратно записывайте в дневник и присылайте в редакцию, для меня.

И. Акимушкин.

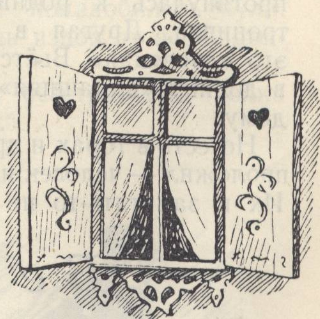
Собирайте узоры

В этом году на IX Всесоюзной выставке изобразительного творчества детей были показаны очень интересные работы членов кружка художественной вышивки при Минском доме пионеров.

Вышивки ребят радовали глаз своей красивой расцветкой и замечательными узорами, которые юные вышивальщицы составили по мотивам народных вышивок. Они каждое лето отправляются в колхозы и зарисовывают там узоры на полотенцах, рубахах и поясах.

Ребята из города Люблино тоже собирают образцы народного искусства в колхозах Подмосковья: зарисовывают узоры на резных наличниках, ставнях, балкончиках слуховых окон, на железных флюгерах и колпаках печных труб, на водосточных трубах.

Очень советую и вам, ребята, заняться этим интересным и полезным делом. Отправляйтесь в ближайшие деревни и пригороды, и вы найдёте там много чудесных образцов народного искусства.

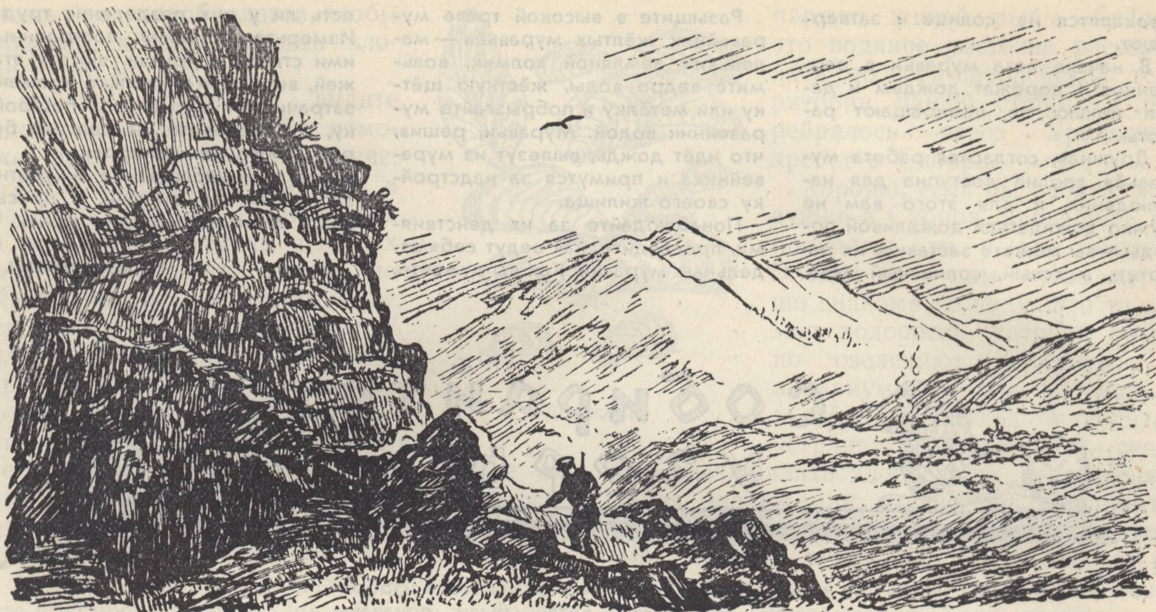
Надо собирать и бережно хранить произведения народных художников. Из собранных зарисовок вы можете сделать альбомы, которые помогут кружкам вышивки, выпиливания, резьбы, набойки. Используя свои зарисовки, вы сами сможете составлять новые художественные орнаменты.

Часть ваших зарисовок украсит школьный краеведческий музей.

Я надеюсь, что осенью вы пришлёте нам много своих зарисовок.

Художник Д. Г. Соболев.

БЕЗЫМЯННОЙ ТРОПОЙ

Н. Сладков **Рисунки В. Цельмера.**

Тропинки в горах разбегаются лучиками. И у каждой тропинки свой смысл. Вот одна протянулась к родничку — это «водяная» тропинка. Другая в лес, к валежнику,— это «дровяная». Вьётся, вьётся, спешит вниз в долину «домашняя» тропинка — дорога к дому.

Но есть в горах и другие тропинки. Кто их проложил — человек или зверь,— неизвестно. Их и заметить-то не просто. Только если пригнёшься,— увидишь на осыпи, под серыми скалами, тёмную ниточку. Это и есть та самая тропинка. Шириной она в два козлиных копытца. Никто не знает, куда она ведёт. Потому и называют эти тропинки безымянными.

Пойдёшь по «водяной» тропе — найдёшь воду. По «дровяной» — дрова.

Я люблю безымянные тропы, где никогда наперёд не узнаешь, что увидишь.

Бесстрашный волк

На кочёвку повадился волк.

Чабаны на кочёвке опытные, но волк был хитёр и обманывал их. Он нападал на овец, когда этого совсем не ждали. Вдруг средь бела дня врывался в стадо, хватал ягнёнка или у старой овцы отрывал курдюк. И всегда нападал так внезапно, что насмерть перепуганные овцы в ужасе шарахались от него и сбивали с ног чабанов и сторожевых собак.

Ночью чабаны устраивали засады, ставили капканы, бросали отравленную приманку. Но волк капканы перешагивал, а на отравленной приманке оставлял свои грязные волчьи пометки. Ружьё же волк чуял за два выстрела: чабаны никогда не чистили своих ружей от порохового нагара.

Безоружных чабанов волк не боялся. Он часто стоял совсем открыто и спокойно смотрел в их сторону.

Собаки не решались нападать на него поодиночке. Их тогда не спасали даже ошейники из буйволовой кожи, утыканные железными крючьями,— местное средство от волчьих зубов.

Вред от волка был велик.

Увидя у меня нарезное ружьё, чабаны стали просить, чтобы я подстрелил зверя.

— Такого только пулей проймёшь,— говорили чабаны,— дробовик ему нипочём.

Я обещал.

Туманным утром я пошёл безымянной тропой и сел в засаду за большой камень на скате горы. Отсюда хорошо были видны кочёвка, баранта и окружающие склоны. Я

внимательно просмотрел склоны в бинокль. Волка нигде не было.

Наступил полдень. Я замёрз и промок. А погода всё ухудшалась. Из туч посыпал снежок. Мириады снежинок-блёсток, искрясь и сверкая, с чуть слышным шелестом оседали на яркие цветы, на зелёную траву, на серые камни. Тяжело шумя мокрыми крыльями, протянули два сипа: они спешили укрыться от непогоды за каменным гребнем. Надвигался буран. Высоко в горах в начале лета часты такие бураны. Вдруг налетит ветер, горы закроет мгла — и яркие цветы покроет снег.

Стадо легло. Вокруг стада, уткнув морды в лапы, легли сторожевые собаки. Чабан, не слезая с коня, прилёг ему на холку, укрылся с головой буркой и так задремал. Слышен был только вой ветра да шелест снега, падающего на землю, на стадо, на спящего верхом на коне чабана.

Я хотел уже вернуться назад, но тут вдруг увидел волка.

Пригибаясь к земле, почти невидимый в белой мгле, он тенью перебегал от камня к камню. Иногда волк поднимался на задние лапы, быстро озирался и, опять пригнувшись, бежал вперёд.

Стрелять было далеко.

Тогда я, как и волк, стал перебегать от камня к камню, приближаясь к зверю. Ветер дул на меня, шум непогоды заглушал мои шаги.

Волк был уже близко к стаду. Он весь напрягся, глаза его и уши устремлены вперёд, ноздри жадно ловят запахи баранты.

Крайний барашек совсем рядом. Волк нацелился на него, чуть шевеля лапами и подбирая их под себя. Он превратился в клубок мышц, готовых к стремительному прыжку.

Надо стрелять. Я вскинул карабин, но позади волка вдруг увидел человека. Это была женщина. Она поднималась к кочёвке от родника. На плече она несла большой глиняный кувшин с водой.

Укрываясь от ветра, женщина нагнула голову вниз и шла прямо на волка.

Стрелять нельзя! Но сейчас волк увидит женщину, бросится в мою сторону и наскочит на верный выстрел.

Женщина была уже совсем близко, но волк ничего не видел и не слышал. Его глаза, уши и нос были нацелены на барашка. Волк был как кошка, готовая прыгнуть на мышь.

Ещё два шага — и женщина чуть не наткнулась на зверя. Она вскрикнула не своим голосом и с размаху запустила в волка кувшином. Кувшин вдребезги разбился о камень.

Я в несколько скачков подбежал к ней.

Женщина, бледная, стояла, схватившись руками за лицо.

Волк лежал на земле с закрытыми глазами. Вдруг он потянулся и судорожно зевнул. Задние лапы его вытянулись, задрожали и застыли навсегда.

Для разбойника не понадобилось пули. Бесстрашный грабитель издох от неожиданности, с перепугу!

Оказывается, что и бесстрашного волка может победить страх.

Сторожа

На горном кочевье пропал бычок.

Весь вечер чабаны спорили: в каком лесном ущелье его искать? Одни стояли за Волчью щель, другие за Низинную балку. А утром, когда чуть рассвело, они все вдруг согласно полезли на высокие серые скалы.

Я подивился на чабанов и спросил, зачем они лезут вверх, на скалы, если считают, что бычок внизу, в ущелье?

Старший чабан, дед Иван, ухмыльнулся в бороду и отвечал:

— А они на сторожевую горку. У нас там сторожа за скотом следят.

Мне было интересно, и я полез с чабанами. Стоило посмотреть на сторожей, посаженных на такие высокие скалы.

Лезли мы долго. Скалы были ненадёжны. То и дело из-под рук и ног срывались камни, падали вниз, и не слышно было, чтобы они стукались о дно. Мне мешало всё: бинокль, патронташ, даже козырёк фуражки. Он задевал за стену и толкал в пропасть. Вниз лучше было не смотреть: перехватывало дыхание, кончики пальцев начинало покалывать, и сердце противно щемило.

На скалы лезли мы вдвоём с молодым чабаном. Лезли долго, наконец вылезли на скальный гребень и устроились на неширокой площадке. Видно отсюда было широко, как с самолёта.

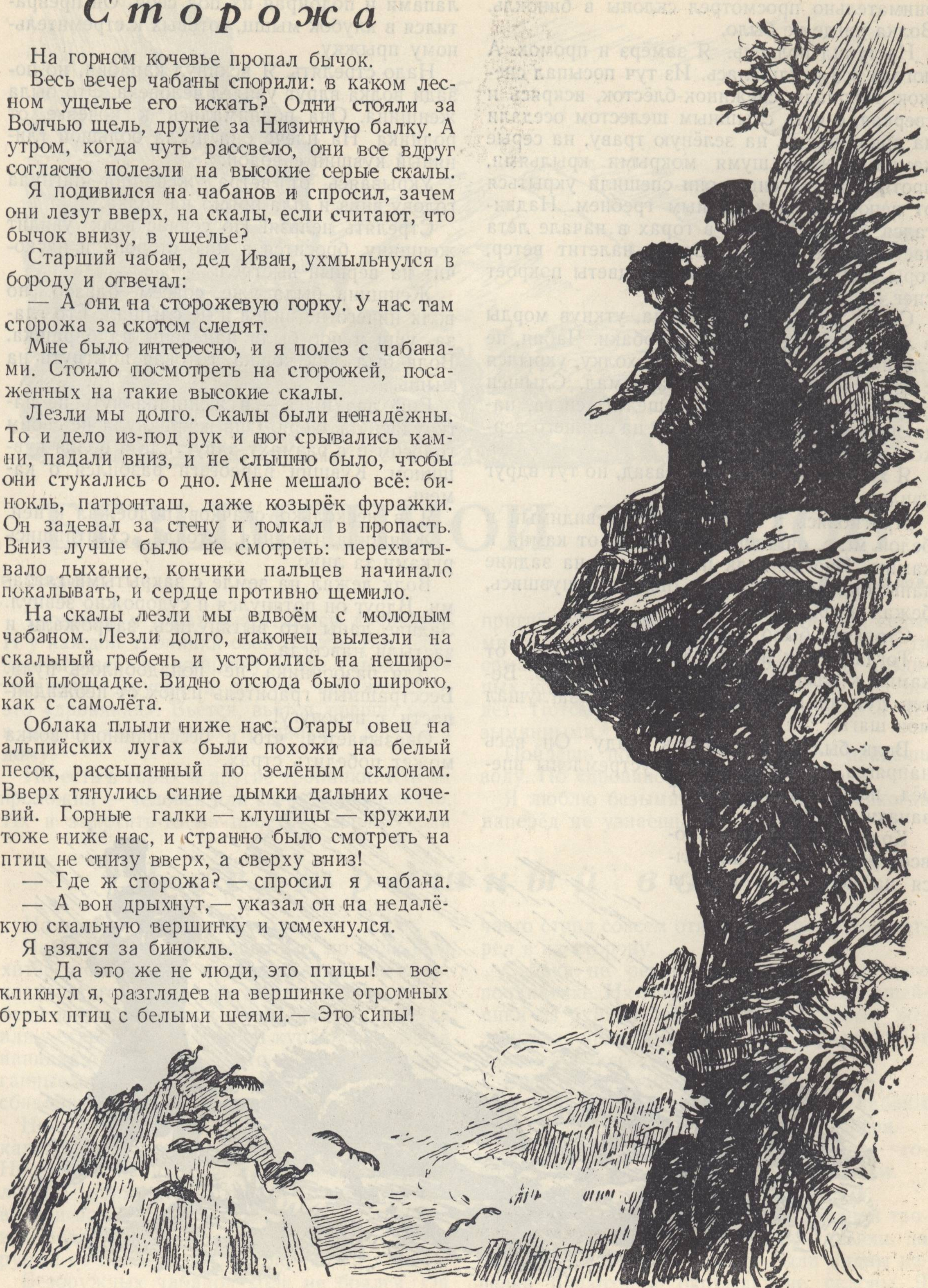
Облака плыли ниже нас. Отары овец на альпийских лугах были похожи на белый песок, рассыпанный по зелёным склонам. Вверх тянулись синие дымки дальних кочевий. Горные галки — клушицы — кружили тоже ниже нас, и странно было смотреть на птиц не снизу вверх, а сверху вниз!

— Где ж сторожа? — спросил я чабана.

— А вон дрыхнут,— указал он на недалёкую скальную вершинку и усмехнулся.

Я взялся за бинокль.

— Да это же не люди, это птицы! — воскликнул я, разглядев на вершинке огромных бурых птиц с белыми шеями.— Это сипы!

— А ты думал! — рассмеялся чабан.

Сипов было много. Одни из них лежали на земле в тени камней. Другие дремали на солнце, тыкаясь в землю чугунными клювищами. Третьи распахнули огромные — в три метра — крылья и сушили их на солнце.

Сипы любят купаться у горных водопадов. Купальщики сидели не шевелясь и были похожи на гигантских бабочек. В тени их распахнутых крыльев, как под шатром, дремали стервятники, вечные спутники сипов. Некоторым сипам это не нравилось, они гонялись за стервятниками и, подскочив, старались ударить стервятника лапой по голове. Прогнав стервятников, они мирно паслись, пощипывая травку.

Но вдруг все сипы насторожились, вытянули белые шеи, сложили бурые крылья.

— Заметили,— шепнул чабан.

— Нас заметили? — спросил я.

Чабан рассердился:

— Нас они ещё вчера заметили! Сейчас разведчика своего заметили. Вон над Низинной балкой...

Я вгляделся. Глубоко внизу, над узким лесным ущельем, я заметил чёрную точку. Точка падала вниз. Вот она скрылась в ущелье. И тотчас сипы один за другим побежали вразвалку, стали прыгать вниз и потянули к ущелью.

Над ущельем они закружили и, раскачиваясь на огромных крыльях, стали падать в тёмный провал.

— Нашли, падальщики! — хмуро сказал чабан.— В Низинной балке наш бычок, убился он. Хоть бы шкуру успеть снять!

И, как сип, запрокинув голову вверх, прикрыв ладонями рот, чабан заорал:

— О-у! Бычок в Низинной!

— ...в Низи-и-и-нной! — загудело эхо.

А под скалами дед Иван тоже, запрокинув голову и распустив по ветру бороду, заревел в сторону кочевья:

— ...в Низи-и-и-и-нной!

С кочевья передали на другое кочевье, с того — через ущелье — дальше.

— В Низи-и-и-нной! В Низи-и-и-н-ной! — только и слышали мы. И всё тише, всё дальше.

Так весть дошла до Низинной балки. Там оказался колхозный арбач — тот, что подвозит на кочевья из колхоза продукты. Он развьючил коней, пустил их пастись, а сам пошёл по балке смотреть, что с бычком.

Мы слезли со сторожевой горки и уже были на кочевье, когда опять, от кочевья к кочевью, пришёл ответ.

Дед Иван приставил к уху ладонь.

Кочёвка была далеко, за ущельем, и крик оттуда был похож на писк комара. Но дед Иван слышал всё и передавал нам.

— Рожки,— передавал он, вслушиваясь,— да ножки!

Дед Иван усмехнулся:

— Не проглядят наши сторожа скотинку. И шкуру снять не успеешь!

«ИНКУБАТОР» В КУСТАРНИКЕ

Провинция Кливленд, в Австралии, покрыта густым тропическим кустарником. В непроходимых, мрачных зарослях обитает оливково-коричневая птица — кустарниковая курица.

Эта очень осторожная птица быстро бегает, но плохо летает, поэтому она обычно сидит на нижних ветвях деревьев или в кустарнике.

Весна в Австралии наступает в августе. В это время кустарниковые куры начинают сгребать в кучу траву, листья, лесной перегной и землю, и к концу декабря куча вырастает до двадцати и более метров в окружности. В высоту куча достигает двух—трёх метров.

В эту кучу кустарниковые куры откладывают яйца. Вырыв углубление, они закапывают яйца на глубину до одного метра. Мусор, из которого состоит куча, начинает гнить, при этом выделяется тепло, оно согревает яйца. Получается настоящий инкубатор. Родители каждый день навещают «инкубатор». Если в нём недостаточно тепло, они плотнее укрывают яйца, если жарко, разгребают мусор и проветривают «инкубатор».

Кустарниковые куры несут всего по шесть — восемь яиц, но обычно в один «инкубатор» откладывает яйца не одна курица, а несколько. В таком «коллективном» гнезде лежит до тридцати яиц.

Когда наступает время вывода птенцов, родители помогают им и вылупиться и выбраться из гнезда. Правда, крепкие птенцы не очень нуждаются в этой помощи: они и сами энергично выкарабкиваются наружу.

Такой «инкубатор» служит несколько лет, причём с каждым годом его размеры увеличиваются. Однажды было найдено гнездо объёмом в 225 кубических метров и весом около 300 тонн.

Е. Линник

ТЭ3-002

НОВЫЕ МАШИНЫ

Машины, которые вы видите здесь на фотографиях, вы не могли ещё встретить на улице, на железнодорожной станции или в поле. Это новые машины. Они сдают сейчас «экзамены» и в недалёком будущем станут безотказно служить советским людям.

Слева, вверху, мощный тепловоз «ТЭ-3». С большой скоростью — 100 километров в час — он тянет за собой длинный поезд, который весит больше четырёх тысяч тонн.

Тепловоз — экономная и «выносливая» машина, он расходует меньше топлива, чем паровоз, и может совершать пробеги на большие расстояния, не набирая топливо и воду каждые 250—300 километров пути, как это делает паровоз... Путь, на котором паровозу пришлось бы раз десять заправляться горючим и водой, тепловоз может пройти без единой остановки. Поэтому тепловозы у нас работают там, где железная дорога пересекает безводные местности.

Мощность нового тепловоза вдвое больше мощности уже существующих тепловозов «ТЭ-2».

Внизу — автомобиль, похожий на знакомый всем «ЗИМ». Это новый легковой автомобиль «Волга». По своим размерам он почти такой же, как «Победа», но его обтекаемый, удлинённый цельнометаллический корпус более красив.

На радиаторе машины вы видите фигуру оленя — это марка Горьковского автозавода, на котором создан новый автомобиль, а чуть пониже — силуэт чайки.

У «Волги» мощный двигатель в 70 лошадиных сил, который позволяет развивать скорость до 130 километров в час. Казалось бы, более мощный двигатель должен потреблять и больше горючего, но «Волга» расходует горючего меньше, чем «Победа».

Внутренняя отделка и оборудование нового автомобиля лучше, чем в «Победе». В просторном кузове удобные сиденья с откидными спинками, есть радиоприёмник, электрические часы, обогреватель, поддерживающий нужную температуру.

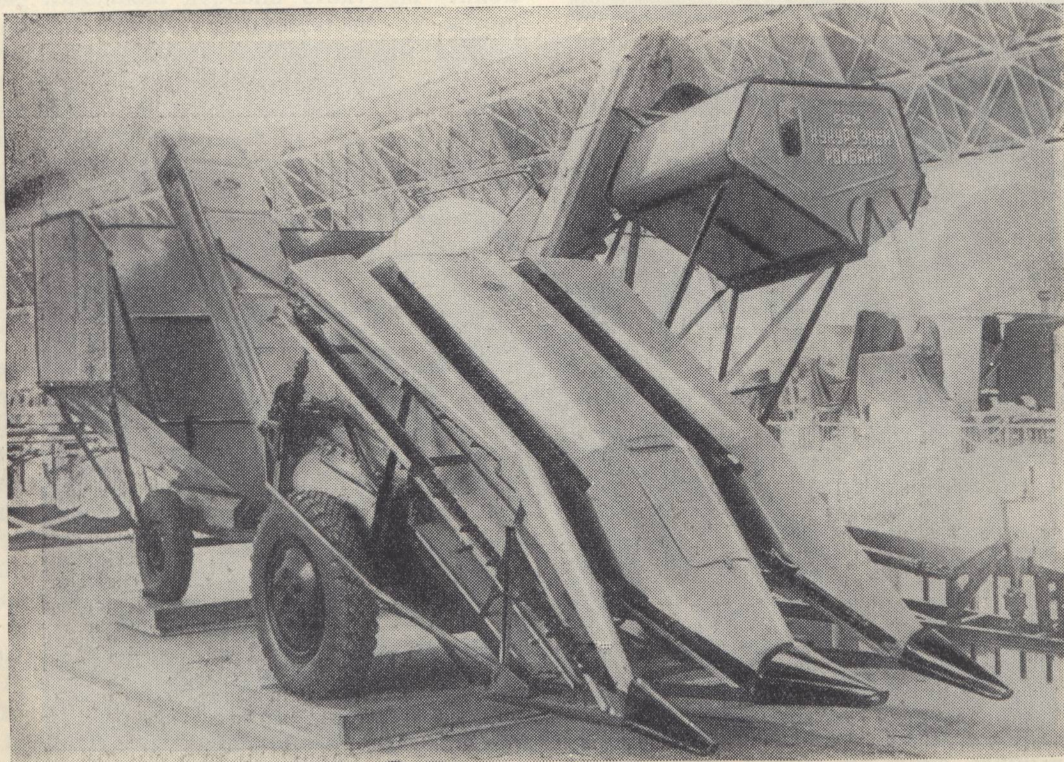
Конструкторы позаботились не только об удобстве пассажиров, но и о том, чтобы облегчить и упростить управление автомобилем, сделать безопаснее езду. Водителю «Волги» не приходится переключать передачи. Для того, чтобы набрать скорость с места или изменить её, достаточно только нажать на педаль газа.

На этой странице вы видите комбайн для уборки кукурузы «КУ-2». Прицепленный к трактору комбайн двигается по полю, срезает стебли кукурузы, обрывает початки и, очистив их от обёрток, отправляет в элеватор, а оттуда в бункер.

Срезанные стебли попадают в силосорезные барабаны, которые находятся под вальцами, и, мелко изрезанные, передаются в прицепленный копнитель, а потом на копнителе зелёную массу отвозят к силосным башням.

Обслуживают комбайн всего два человека: тракторист и комбайнер; за смену они могут убрать 10—12 гектаров кукурузы.

Н. Высоцкая

РАДОСТЬ ТРУДА

Л. Воронкова

ДРУЖНО — НЕ ГРУЗНО

Первыми в саду зацветают подснежники — пролески. Рядом с ещё не стаявшим снегом раскрываются под окнами школы яркоголубые цветы. Они начинают весну.

Не успеют отцвести подснежники, как им на смену вылезают из грядок темносиние гиацинты. Ещё несколько тёплых дней — и в саду бело от нарциссов. Потом зацветает лиловая и белая сирень. А в разгар весны, в конце мая, в этот весёлый хоровод цветов вступают розы — красные, кремовые, серебристо-розовые, белые... Распускаются кусты жёлтого шиповника. Недели две в саду бушуют пионы — по двести — триста бутонов на кусте. Зацветают флоксы, астры, георгины и снова розы. И так до глубокой осени, до снега.

Когда-то здесь лежал печальный пустырь, заросший бурьяном. Мимо школьных окон ездили на лошадях и на машинах рабочие совхоза, ходила скотина. Только одна красота и была — старые нежнозелёные лиственницы, окружающие школьный двор.

Может, и до сих пор всё оставалось бы так — ведь есть у нас ещё школы, стоящие, как бобыли, на пустырях,— если бы не взялось за дело славное племя юннатов. Это они, школьники, пионеры, комсомольцы Коммунарской школы, расчистили участок, вскопали его, засадили его сиренью, яблонями, цветами, заложили парники, посадили огород. Дружные руки не испугались трудной работы. И не только не испугались, но и полюбили её. Двадцать лет назад, когда юннатские заступы впервые тронули землю, эта земля требовала больших трудов и забот, а радости давала мало. Пока-то посадки примутся, пока-то они зазеленеют, пока-то развернутся первые цветы... Но постепенно, год за годом всё больше хорошел и богател участок, всё больше становилось юннатов в школе, всё дружней ученический и учительский коллектив.

Виноград созрел!

И вот — «дружно — не грузно» — пришкольный участок Коммунарской школы стал одним из первых участков области. А юннаты этой школы за отличную работу, за рекордные урожаи на своих делянках стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На выставке юннаты получили пять медалей. Медаль получила школа, кружки садоводов, овощеводов, получил также медаль и руководитель юннатского кружка Владимир Алексеевич Рачинский.

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Кто не знает и не любит эти некрасовские стихи:

Идёт-гудёт зелёный шум,
Зелёный шум, весенний шум...
...Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые...

Но, может, в первый раз многие из ребят Коммунарской школы увидели собственными глазами такой вот «молоком облитый» сад, когда на их участке зацвели вишни и яблони. Сад у них совсем ещё молодой, тоненькие деревца стоят на тихом солнечном склоне, защищённые от ветра, окружённые заботой и неустанным вниманием ребят.

Несколько лет назад, весною, Слава Солдатов, Коля Павличев, Миша Лазаревский,— может, и ещё кто-нибудь с ними был из ребят — высадили в грядку семена яблонь и груш. Всходы распикировали. А к осени у них на участке стояла маленькая роща — свыше пятисот дичков-однолеток. Это был богатый материал для прививок, выращенный собственными руками. К дичкам юннаты привили яблони и груши других, хороших сортов, так же, как это делал Мичурин.

Так начинался их сад.

Нынче на молодых яблонях созревают плоды сортов бельфлёр-китайка, штрейфелинг, папировка, пепин шафрановый, антоновка... Начинают плодоносить и груши: тонковетка, бессемянка, молгорожатка.

В школьном саду нашли своё место и сливы. Двести кустов смородины каждый год приносят хороший урожай. У малины ветки гнутся от ягод. Наливается, зреет на грядках земляника разных сортов... А кроме всего этого, юннаты выхаживают виноград и дыню, они перевоспитывают эти южные культуры, стараются сделать их выносливыми, способными жить на севере.

В саду Коммунарской школы целая роща маленьких, привитых лучшими сортами яблонек. Заботливо ухаживают ребята за молодыми деревцами в питомнике.

Дыню сеяли прямо в грунт. Прежде всего для неё подготовили почву. Почва на участке тяжёлая, суглинистая, а дыни любят лёгкую почву — песок, перегной. Такие вот грядки с песком, с перегноем, с минеральными удобрениями и приготовили ребята для дыни. Дыня взошла. Ребята изо всех сил ухаживали за нежными ростками: поливали, рыхлили, подкармливали... К концу лета на грядках начали наливаться маленькие дыньки. Сначала сорт № 37, потом сорт № 62, а к сентябрю созрели все остальные дыни. Светлые, яркожёлтые, лежали они среди своей крупной листвы, радуя всю школу. Может, не такие они получились крупные, как на юге, может, не все они были очень сладкие, но некоторые, например, «колхозница», вышли и сладкие и душистые, ничуть не хуже южных сортов.

Каждую осень в Коммунарской школе устраивается выставка того, что вырастили ребята.

ТРУДОВОЙ НАРОД

Первая ступенька в юннатской работе — это огород. Около грядок, согретых солнцем, хлопочут ученики начальных классов, малыши. Тут у них растёт горох, фасоль, бобы, картофель, лук, тыква, кабачки... Ребята с любовью ухаживают за своими грядками, пропалывают их, поливают тёплой водой из пруда. Они видят, как боб выносит из земли свою семядолю, они наблюдают, как горох отыскивает усиками подставку, как завивается у капусты кочан... Разнообразный мир природы впервые так непосредственно раскрывается перед их глазами... Вся жизнь растения проходит перед ними в течение лета — от семечка до плода.

Малыши не просто выращивают овощи в огороде. Они здесь проводят и наблюдения: как влияет яровизация на урожай картофеля, и как лучше растёт морковь, прореженная или непрореженная, и как влияет пасынкование на урожай помидоров...

Потом, в более старших классах, начинается изучение сортов, различные способы посадки и размножения, прививка, опыление... Постепенно работа на участке становится всё интереснее, всё увлекательнее, всё разнообразнее. Тут же и полевые участки, и садовые культуры, и цветы. Юннат, может быть, сначала и ленится поработать в огороде, может, он лучше побегал бы или поиграл, чем выпалывать сорняки или поливать капусту. Но вот появился на грядке огурец или налилась тыква, и юннату уже не оторваться от своей работы. И человек сам не знает, как приобретает на этой работе драгоценное человеческое качество — любовь к труду. С этим качеством легко и радостно жить на свете.

Это знают славные юннаты сёстры Березные — Валя, Майя и Люба. Старшая, Валя Березная, уходя в сельскохозяйственный институт, передала свои яблони самой младшей сестре, Любе Березной, которая в то время только что пришла в школу. Люба сейчас перешла в шестой; она звеньевая в юннатском звене, и у неё уже большой опыт: она и капусту выращивала, и огурцы, и землянику сажала — была звеньевой ягодного звена.

Юннатка Вера Малахова, кроме других работ, провела много опытов с картофелем: сажала и клубнями, и глазками, и верхуш-

ками... Испытывала урожайные возможности разных сортов томатов. Отлично работают на участке третьеклассницы Таня Малинкина и Таня Юрьева. Да всех перечислить нельзя: их сто двадцать человек! Они работают на участке до занятий своей смены, и после занятий, и в свои выходные дни. А кроме того, работают в колхозе и в совхозе: очищают парники, сажают капусту, пропалывают огороды, убирают сено, картофель, свёклу... В колхоз ребята ходят за пять километров. Там они заложили плодовый сад и каждый год расширяют этот сад, подсаживая новые деревца. Надо управиться с покосом в хорошую погоду — старший агроном совхоза зовёт ребят. Надо весной очистить парники — председатель колхоза звонит в школу директору: просит ребят на помощь. Посеяли в колхозе кукурузу, и ребята не отстали, они тоже взялись вырастить участок кукурузы.

Агроном совхоза очень хвалит коммунарских ребят. Он ставит их на самые ответственные работы: на посадку капусты, на уборку сена, на картофельные поля. Морковь — и посев, и прополка, и уборка — вся на плечах ребят. Агроном доверяет им, он знает, что всё будет сделано добросовестно, хорошо и со знанием агротехники.

Особенно отличаются трудолюбием юннаты Витя Миколенко, Коля Павличев, Толя Усачёв. Этим не страшна никакая работа. Летом Витя и Коля пасут совхозных коров. В четыре, а то и в три часа утра встают ребята вместе со взрослыми пастухами, выгоняют скотину, а в полдень, когда можно бы отдохнуть и поспать, они спешат на свой юннатский участок. Они сами сделали станок для торфоперегнойных горшочков. Летом они в саду и в огороде, а зимой, готовясь к работам, занимаются в техническом кружке.

Славное, трудолюбивое и любознательное это племя — юннаты, преобразователи земли!

Коммунарские юннаты во главе со своим руководителем Владимиром Алексеевичем Рачинским хотят сделать так, чтобы старшие ребята руководили младшими, учили их, наблюдали за их работами, раскрывали бы перед ними красоту и радость этих работ.

Они хотят построить так юннатскую работу, чтобы каждый юннат, окончивший Коммунарскую школу, смог быть и садоводом, и овощеводом, и цветоводом, и бригадиром по высокому урожаю. Эта мечта уже исполняется. И верится, что если так же дружно и содержательно будут работать юннаты, как работают сейчас, то все их мечты обязательно исполнятся.

ЗЕМЛЮ НАДО ЛЮБИТЬ

Нежнозелёные лиственницы широким полукругом осеняют школьный цветник. На их ветках множество скворечен — птичий городок. Светлая тень, солнце, радостные краски цветов...

По другую сторону школы за кустами сирени и пионов, на открытом солнечном склоне красуются молодые яблони, увешанные румяными яблоками. Яблони только пробуют свою силу и свои возможности. Но в этом году они принесли уже хороший урожай. Рядом наливаются груши старинных северных русских сортов.

На самом припёке густо зеленеют огородные грядки. Тут зреют толстые стручки бобов и гороха. Из-под широкой листвы выглядывают жёлтые дыни и тыквы. Под шершавыми плетями прячутся зелёные огурцы. Грузнут, набирают сладких соков красные и жёлтые помидоры. А дальше грядки капусты — и ранней, и брюссельской, и кольраби...

Скоро юннаты будут собирать урожай. И овощи, и яблоки, и груши принесут они домой за свои труды, за свою заботу, за свою любовь к земле.

С этой любовью к земле пойдут в жизнь многие из ребят Коммунарской школы. Уже и сейчас, окончив школу, юноши и девушки идут в сельскохозяйственный институт, в техникум механизации сельского хозяйства, остаются работать в МТС, в совхозе, в колхозе. И, уже навсегда расставшись со школой, они всё-таки навещают её. Нет-нет, да и завернут в школьный сад, под лиственницы, пройдут по участку, вспомнят с любовью о том, как здесь научили их любить труд, понимать его радость и красоту. А может, кто-нибудь и припомнит стихи, когда-то написанные школьником Виталиком Огневым:

...Он пройдёт среди медовок,
Встанет у одной.
— Эта яблоня,— он скажет,—
Выращена мной.

Совхоз «Коммунарка»,
Московской области.

В. Никаноров отбил мяч через верхнюю штангу.

ВРАТАРЬ НА МЕСТЕ

В. Никаноров,
заслуженный мастер спорта.

«Вратарь на месте»,— слышите вы по радио, когда идёт передача со стадиона, и сами кричите так, когда смотрите хорошую игру. А если вы играете, то, конечно, вам хочется, чтобы эту фразу сказали и про вас, потому что она означает: вратарь отражает все атаки противников, он не пропускает мяч в ворота. В ней очень точно выражено главное в искусстве вратаря — при самом неожиданном нападении он должен оказаться на том месте, где наверняка преградит дорогу мячу.

Но ведь это не так просто — оказаться на том самом месте. Футбол — игра стремительная. Бывает, что атака у ворот противника, а, глядишь, гол забили тебе. Бывает, что к твоим воротам внезапно прорвётся противник и начнёт обстреливать ворота прямыми пушечными ударами. Бывает, что бьют пенальти — удар с одиннадцати метров и без защиты.

Как же вратарю всегда быть «на месте»? Может быть, встать в середину ворот? Отсюда ведь легче достать до любой точки ворот. Конечно, середина — это наша основная позиция, здесь исходная стойка вратаря, его старт для рывка за мячом.

Но скажут ли о вратаре, который простоит всю игру в середине, что он «на месте»? Вряд ли. Такой пропустит много мячей. Место старта надо всё время менять. Вы сами, наверно, видели, как вратарь отходит вдруг к одной из стоек и тотчас же отражает здесь удар.

— Ну и нападающие! — сетуют в таких случаях неопытные зрители. — Бьют прямо на вратаря.

Но мы-то с вами знаем, что это не мяч летел на вратаря, а вратарь во-время встретил мяч.

Вот поглядите на нижнюю фотографию. Вратарь «Динамо» Лев Яшин поймал мяч, катившийся в нижний угол,— очень трудный мяч. Яшину, высокому, как многие вратари, надо было успеть «сложиться» и в длинном прыжке в сторону поймать мяч. Посмотрите, как Яшин надёжно и уверенно его держит. Он знал, что удар будет направлен в эту точку. Именно знал, а не угадал. Это только со стороны кажется, что вратарь гадает, а на самом деле он определяет. Смотришь на расположение игроков, на позицию игрока с мячом, на направление его бега, на положение его туловища и, главное, на положение бьющей ноги в мгновение удара и по этим признакам уже знаешь, куда может пойти мяч.

Посмотрите, как надо держать руки, когда ловишь мяч. Ладони и расставленные пальцы Яшина как бы образовали корзинку, в которой мяч застрянет.

Противник, конечно, старается обмануть тебя, притворяется, что хочет бить в один угол, а бьёт в другой. Но ты не поддаёшься на обман и бросаешься за мячом не раньше и не позже, а в тот самый миг, когда мяч отделился от его ноги. Этот молниеносный поединок с нападающим — самое интересное в игре вратаря: разгадать манёвр противника, принять решение, выбрать позицию, отразить удар — и всё это за короткие мгновения, в которые мяч долетает до ворот!

Но для того, чтобы мгновенно оказаться в нужной точке ворот, необходимо прекрасно знать свои владения — штрафную площадку, площадку вратаря, ворота. Каждый вратарь измерил шагами длину ворот и знает точно, сколько, например, надо сделать шагов, чтобы оказаться у боковой стойки. Бывает так, что вратарь выбежал из ворот, а потом возвращается обратно. Он не поворачивается спиной к полю и не видит ворот, а тем не менее попадает как раз туда, куда надо. А иначе нельзя. Не будешь знать свой дом — не сумеешь в нём стать хозяином.

Посмотрите на два верхних снимка: оба вратаря (на левом — это я, а на правом — болгарский вратарь Иосифов) отбили мяч, направленный в левый верхний угол ворот, перебросили его через штангу.

Мне этот мяч дался сравнительно легко. Я рассчитал, что раз нападающий стоит очень близко к правой стойке, значит, будет бить влево, я и шагнул туда заранее. И когда противник ударил, я только подпрыгнул вверх и отбил мяч.

Для Иосифова направление мяча было неожиданным, трудно было решить заранее, куда он пойдёт. Били с места. Иосифову пришлось ждать мяч в середине ворот. И всё же он во-время оказался там, где надо. Он правильно рассчитал, что попадёт к мячу только в таком трудном броске.

Для вратаря очень важно верно определить приём, которым надо взять мяч, «достать» его, как говорят футболисты.

Молодые вратари поначалу обычно очень увлекаются бросками и падениями. Это естественно. Такой бросок, как вы видите здесь у Иосифова, и такое падение на мяч, как у Яшина, требуют большого умения и, главное, смелости. Бросками и техникой падения обязательно надо овладеть.

Поглядите, как мастерски падает вратарь команды Чехословакии Стахо (снимок на следующей странице). За него можно не беспокоиться, он не сломает ключицу и не вывихнет руку: ведь он падает «перекатом». Он упал сперва на ногу, потом на бедро, потом упадёт на плечо. Так обычно падают все опытные спортсмены: лыжники, волейболисты, хоккеисты, и каждому вратарю надо научиться так падать.

Но плох тот вратарь, который, демонстрируя свою смелость, берёт каждый нижний мяч в падении или злоупотребляет бросками. За такое пижон-

Посмотрите, как отбил мяч вратарь болгарской команды Иосифов. Такие броски делают не на линии ворот, а впереди неё, чтобы не удариться о стойку.

Вратарь харьковского «Локомотива» Уграницкий прервал атаку, выбив мяч кулаком,— это очень выгодный прием, когда противники передают мяч головой.

Вратарь чехословацкой команды Стахо вышел из ворот. На нижнем снимке вы видите, чем кончилось его единоборство с австрийским нападающим.

ство его команда обычно расплачивается голом. Бывает так, что мяч лёгкий, идёт в метре от вратаря — шагни в сторону мяча, наклонись и бери. А вратарь падает: так ему кажется интереснее и красивее. Обычно он пропускает мяч, но даже если и возьмёт его, у всякого, кто разбирается в футболе, появляется раздражение: плохо играет вратарь, зря красуется. Вы тоже, наверно, не раз злились на таких вратарей, особенно, если играли с ними в одной команде.

Падать надо в исключительных случаях, когда иначе не возьмёшь мяч. Ненужные падения и броски изматывают силы вратаря, и он перестаёт играть точно.

Вратарь не должен думать об эффектности, о «красивости» своей игры, но побольше заботиться о результатах.

Иногда игра вратаря кажется зрителям неинтересной: он не падает, не мечется в воротах, не делает головокружительных бросков, которые принято награждать аплодисментами. И именно этот вратарь чаще всего уходит с поля без единого гола, потому что правильно выбирал место в игре. Он подбирал мячи за спиной своих защитников, прерывал передачи нападающих противников, выходил из ворот, чтобы перехватить мяч, и точно перебрасывал его своим игрокам. Место вратаря не только в воротах. Он должен играть и в поле, на штрафной площадке.

Посмотрите нижний снимок на предыдущей странице: вратарь вышел из ворот и ведёт борьбу с нападающими. Он хочет прервать атаку, ликвидировать угрозу нападения на ворота и поэтому отбивает мяч ещё до удара противника.

Вратарь сам идёт в наступление, и это лучшая оборона. Он разрушает все намерения и планы противника, нападающие начинают нервничать, торопиться, внимание рассеивается: надо думать и о мяче и угадывать действия вратаря.

Вернёмся к фотографии Стахо. Это момент из игры на первенство мира между Австрией и Чехословакией. Нападающий команды Австрии Стояспал, получив мяч из глубины поля, пошёл на ворота. Но Стахо быстро и решительно выбежал навстречу. Всё внимание Стояспала было приковано к мячу, и он заметил вратаря, когда было уже поздно. Стахо бросился на мяч и взял его, как говорят, «снял с ноги». Это — образное и точное выражение так же, как и выражение «снять мяч с головы». Был мяч у противника — и снят прежде, чем нападающий успел атаковать.

Выход из ворот — дело очень ответственное и рискованное. Тут нужен точный расчёт. Доли секунды, на которые вратарь задержался в воротах, могут испортить всю игру. Надо молниеносно рассчитать свои возможности: сумеешь ли, успеешь ли дойти до мяча. И если уж решил идти, не останавливайся на полпути, не сомневайся, иди до конца и вступай в борьбу за мяч. А если колеблешься, то

Стремительный, резкий рывок вратаря — и мяч отнят у противника.

обязательно очутишься в таком же досадном положении, как бельгийский вратарь Жерней на последнем розыгрыше первенства мира. Посмотрите последний снимок. Жерней вышел в поле, но не рассчитал и оказался отрезанным от ворот, а английский нападающий Тейлор головой направил мяч в пустые ворота.

Это очень большая оплошность вратаря, впрочем, маленьких ошибок у вратарей не бывает: каждая может кончиться голом.

Вот как важна согласованность действий. Защитники предотвратили гол, которому бельгийский вратарь Жерней (крайний слева) уже не мог помешать.

Если мяч упустили нападающие, если защитники не сумели отвести противника от ворот, все эти ошибки поправимы. Но вот противник ударил по воротам, и вступил в игру вратарь. Теперь всё зависит только от него. Он последняя надежда команды, и он всегда должен быть «на месте».

РАССКАЗЫ О ПРИЗАХ

СТЮАРДОВ КУБОК

Вс. Дайреджиев

Каждый год в конце июня в городке Хенлее на обеих берегах Темзы густо толпится народ. Затаив дыхание, зрители следят, как лёгкие узкие лодки стрелой летят по реке против течения.

Это знаменитая Хенлейская регата — одно из самых трудных международных состязаний по гребле. Как и во всех других регатах, в Хенлейской регате участвуют суда разных классов, с различным количеством гребцов, и для каждого класса существует свой приз. Победители в гонке четвёрок без рулевого получают красивый призовой кубок.

Кубку больше ста лет, у него длинная история. Сперва эту награду присуждали победителям четвёрок с рулевыми, но в середине прошлого столетия, после одного случая, обычай изменился. На регате 1868 года, в тот момент, когда был дан старт, из одной лодки неожиданно выпрыгнул рулевой, он прыгнул с кормы в направлении, противоположном старту, и своим резким движением толкнул лодку вперёд, та сразу же сильно оторвалась от соперников, и команда пришла первой. Она была дисквалифицирована за нарушение правил. Однако решительный поступок рулевого и прекрасная гребля четвёрки так всем понравились, что через некоторое время были введены новые гоночные правила, и на Хенлейской регате стали состязаться четвёрки без рулевых.

Без рулевых, но не без руля: руль у этих лодок есть. Тросы от этого руля прикреплены к подвижному упору для ног одного из гребцов, и он даёт лодке нужное направление.

В Хенлейской регате принимают участие разные страны, но почти всегда приз завоёвывали спортсмены Англии, потому что у англичан гребля — любимый вид спорта, и они прекрасные гребцы. За всю свою длинную историю кубок только пять раз уходил из Англии.

И вот в прошлом году советская четвёрка общества «Крылья Советов» (Е. Сиротинский, Ф. Сухов, Е. Кузнецов, В. Бурачек и тренер Е. Кабанов) отправилась в Хенлей на регату. Им пришлось помериться силами со многими командами, но самым трудным оказался первый заезд, в котором надо было победить одну из сильнейших команд Англии — четвёрку клуба «Темза». Со старта обе лодки ушли одновременно. Англичане стремились сразу, со старта, оторваться от русских. Однако наша четвёрка не уступала. Через семьсот метров пути четвёрка «Крыльев Советов» уже на два корпуса опередила английских спортсменов.

И вдруг лодка резко остановилась. Только тут гребцы увидели, что произошло. Они вплотную подошли к пловучей загородке, отграничивающей дистанцию. Вёсла ударились о брёвна загородки. Виноват был рулевой: он увлёкся греблей и забыл о руле. У Кузнецова откололась часть лопасти весла, у Сиротинского весло дало трещину.

Лодка «Темзы» стремительно удалялась. Казалось, англичане смотрят на нашу четвёрку с насмешливым состраданием. Они, видимо, считали уже, что москвичи вышли из борьбы в первом заезде.

— Отталкивайся! — скомандовал Сиротинский.

Никогда в жизни четвёрка не брала такого бурного старта.

Уже через триста метров они догнали англичан и пошли рядом, а ещё через несколько секунд вырвались вперёд. И к финишу наша четвёрка пришла первой.

Все остальные заезды команда «Крылья Советов» прошла без поражений. В финале она состязалась с самой сильной английской четвёркой — командой королевского воздушного флота — и выиграла.

Так был завоёван советскими гребцами почётный приз — Стюардов кубок.

С КИНОАППАРАТОМ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

А. Дорохов

Есть люди, обладающие беспокойным нравом и неугасимым стремлением всегда быть «на линии огня». Эти люди постоянно оказываются там, где происходят самые важные, самые решающие события.

К таким людям относится кинооператор Роман Кармен.

Когда героические отряды испанских патриотов мужественно сражались против фашистов, мы с волнением смотрели на экранах советских кинотеатров эпизоды горячих боёв под стенами Мадрида и в ущельях Гвадаррамы.

Когда рабочие и крестьяне Китая, ведомые Мао Цзэ-дуном, шли великим походом через всю страну, освобождая родную землю от банд американского наймита Чан Кай-ши, в рядах армии-освободительницы шагал запылённый человек с киноаппаратом за плечами. Это был Кармен, сохранивший для будущего неповторимые эпизоды великой битвы.

В дни напряжённой борьбы за освоение Арктики Кармен летал на советских самолётах, впервые пробивавших в облаках трассу над ледяной пустыней.

В годы Великой Отечественной войны Кармен в солдатском полушубке и ушанке ползал с киноаппаратом под огнём врага по покрытому пороховой гарью и пятнами крови снегу, снимая то разгром фашистов под Москвой, то уничтожение гитлеровских армий у Сталинграда.

А совсем недавно в лёгком пробковом шлеме и парусиновой куртке он входил с передовыми частями Народной армии Вьетнама в освобождённый Ханой, и камера киноаппарата в его руках тихо жужжала, запечатлевая навсегда неповторимые минуты.

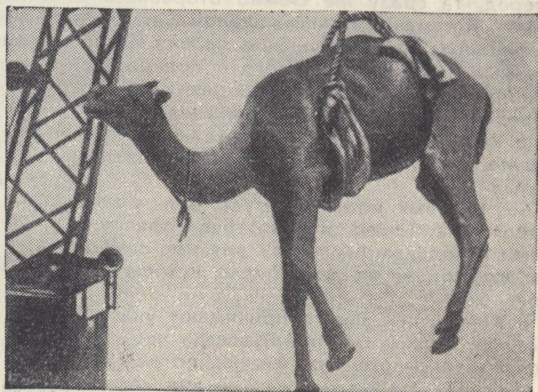
Но Роман Кармен не только кинооператор. Он и отличный журналист. Его корреспонденции с тех мест, где он ведёт свой кинорепортаж, всегда живо написаны, интересны и содержательны. Они как бы дополняют то, что не уместилось на плёнке.

Недавно в Детгизе вышла книжка Р. Кармена «Автомобиль пересекает пустыню». Это его рассказ о трёх путешествиях в Туркменистан, во время которых он дважды пересёк из края в край, с востока на запад, великую пустыню Кара-Кумы. Первый раз Кармен был в числе участников исторического пробега советских автомобилей через пустыню. Вторично он проехал через Кара-Кумы девятнадцать лет спустя, участвуя в разведке будущей трассы большого Кара-Кумского канала.

Мне самому довелось несколькими месяцами позже проделать тот же путь с партией геологов-разведчиков. Поэтому я особенно придирчиво начал читать книжку Кармена, проверяя,

Громкое «ура» пронеслось над пустыней, когда последняя машина проползла по «чёртову мосту».

Верблюда опускают на палубу корабля. Он отправляется в путешествие—в один из зоопарков страны.

верно ли описывает автор пустыню и то, что приходится переживать людям, впервые в неё попадающим.

Оказывается, очень верно. Кармен умеет хорошо видеть окружающее (иначе, впрочем, он и не мог бы быть кинооператором). Он обладает способностью заметить самое главное, самое любопытное и живо об этом рассказать.

Читая его книжку, я снова день за днём переживал и сборы в дорогу, и перелёт из Москвы в Туркмению, и каждый час похода со всеми его трудностями и радостями. Мне вспоминались ночёвки на песке под безграничным куполом усыпанного большими звёздами неба, когда после томительно жаркого дня быстро наступал такой холод, что превращалась в лёд оставшаяся в кружке вода. Вспоминались зыбкие пески барханов, в которых, как в огромных сугробах, беспомощно увязали колёса могучих машин и задыхающимся от зноя людям приходилось строить дорогу из досок и вязанок саксаула, чтобы как-нибудь провести автомобили через гряду раскалённых холмов. Передо мной вставали картины мёртвых, засыпанных песком древних крепостей и новых городов, возникших в годы пятилеток и чудесно растущих прямо на глазах; возникали образы смелых и мужественных людей, ведущих суровую борьбу с природой.

Кармен не старается поразить читателя чем-то необыкновенным. Он честно и попросту рисует то, что встречала в пути их экспедиция, описывает шаг за шагом будни похода. Но жизнь пустыни так своеобразна, путешествие по местам, где лишь тихое шуршанье пересыпаемого ветром песка нарушает вековую тишину, таит в себе столько удивительного, что его книжку читаешь с начала до конца с неослабевающим интересом.

Почти на каждой странице книги помещены фотографии. Их снимал либо сам Кармен, либо его товарищи по походам. Эти снимки отлично дополняют рассказ автора. Поэтому у прочитавшего книгу остаётся полное впечатление, что он сам проделал увлекательное путешествие в полторы тысячи километров от Аральского моря до Каспийского через одну из самых больших пустынь земного шара.

Для тех, кто отправляется в поход

И. Орловская

Все вы, ребята, собираетесь в путешествие по родному краю, и чтобы узнать в походе как можно больше, советуем вам перед походом посмотреть, а может быть, и положить в рюкзак некоторые книги.

Ботаникам советуем познакомиться с книгами **М. Григорьевой «Ботаническая экскурсия»** (Детгиз. 1952), **Н. Верзилина «Как сделать гербарий»** (Детгиз. 1951), **С. Павлович «Самодельные пособия по ботанике»** (Детгиз. 1952). В этих книгах даются советы, как организовать ботаническую экскурсию, что взять с собой в поход, как наблюдать растения в лесу и в поле, как собирать и сушить их для гербария. В книге **М. Соловьёвой «Как собирать семена дикорастущих кормовых трав»** (Детгиз. 1951) рассказывается о том, какие кормовые травы можно возделывать на полях, как хранить их семена.

Ребята, увлекающиеся геологией, конечно, читали увлекательные книги академика **А. Е. Ферсмана «Занимательная минералогия»** (Детгиз. 1953) и **«Занимательная геохимия»** (Детгиз. 1954). Перед походом советуем ещё раз внимательно почитать их, а также познакомиться с книгами проф. **А. Яковлева «В мире камня»** (Детгиз. 1951) и **«В поход за полезными ископаемыми»** (Детгиз. 1954). Эти книги рассказывают об основах геологической науки, о простейшей поисковой работе. В конце книг приложены указатели минералов и горных пород. А в поход советуем взять книгу **Н. Разумовского «Как определять минералы»** (Детгиз. 1953). Она поможет вам определять минералы по их наружному виду и свойствам.

Топографам и географам рекомендуем книгу **А. Хршановского «В пути»** (Детгиз. 1952). Она учит правильно ориентироваться во время похода, снимать планы местности, где вы пройдёте, определять высоту гор и холмов, измерять направление и глубину ручьёв и малых рек. В книге **С. Голицына «Хочу быть топографом»** (Детгиз. 1954) даются интересные сведения о работе топографов, излагаются основы топографической науки, даются первые практические задания.

Охотникам за бабочками, жуками и другими насекомыми советуем посмотреть брошюры **С. Павлович «Как собирать насекомых»** (Детгиз. 1947) и **«Самодельные пособия по зоологии»** (Детгиз. 1952). В этих брошюрах даётся ряд практических советов, как ловить насекомых и оформлять школьные энтомологические коллекции.

Всем ребятам — участникам летних пионерских походов — следует познакомиться с увлекательной книгой **Н. Плавильщикова «Юным любителям природы»** («Молодая гвардия». 1954).

Названные здесь книги помогут вам в походе.

В этом году исполняется пятьдесят лет первой русской революции. Если вы хотите побольше узнать о том героическом времени, почитайте книги, которые вы здесь видите. Некоторые из них вам уже, наверно, знакомы: это «Грач — птица весенняя» С. Мстиславского, «На баррикаде» П. Гаврилова, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Верное сердце» А. Кононова, «Детство Лены» Л. Молчановой, «Фата моргана» М. Коцюбинского, «Таня революционерка» Е. Верейской. В этих книгах описываются события, связанные с революцией 1905 года, одной из самых славных страниц истории нашей Родины.

Волшебная лупа

На днях к нам в редакцию вошёл неожиданный посетитель. Вид у него был не совсем обычный, но чрезвычайно приятный. Хотя незнакомцу было, должно быть, немало лет, он выглядел на редкость свежим и здоровым. Румяные щёки его круглились, как яблоки. Глаза тоже были круглыми, как у птицы, что не мешало им смотреть умно, ласково и чуть-чуть лукаво.

— Добрый день! — воскликнул незнакомец.— Добрый, добрый день! Знаете, у меня к вам дело... Но раньше разрешите представиться: Антон Антонович Буквица, книжный доктор.

— Очень рады, товарищ Буквица! Присядьте, пожалуйста,— сказал редактор.— В чём же, собственно, ваше дело?

— Дело? — переспросил Антон Антонович и вдруг стремительно схватил лежавшую на столе книгу, перелистал её и ощупал, как врач ощупывает больного.— Дело в том, что я потерял лупу... Не удивляйтесь,— добавил он, заметив наше недоумение.— Сначала я потерял её, потом нашёл, а потом... Но давайте уж я лучше расскажу всё по порядку... Как вы уже слышали, я книжный доктор. Так зовут меня ребятишки нашего дома. На языке взрослых это значит, что я реставратор книг, привожу в порядок испорченные страницы и переплёты. Отличное занятие для такого книголюба, как я, но, к сожалению, требует сидячей жизни... А я, знаете, люблю приключения. Впрочем, как вы сейчас услышите, приключения случаются и в нашем деле.

Короче, на днях мне принесли на излечение несколько книг. Среди них была книга сказок; я обрадовался ей, как старому другу.

Бедняжка находилась в довольно тяжёлом состоянии. Страницы были изодраны и местами запачканы так, что трудно было читать.

Я выдвинул правый ящик стола, где у меня всегда лежит лупа, привычно пошарил рукой и вскрикнул от огорчения: лупа куда-то исчезла! Я перебрал все вещи на столе, пересмотрел все книжки на полке — лупы нигде не было! Ничего не поделаешь, пришлось работать без неё.

Подклеивая страницы книги, я невольно читал сказки, одну за другой, и, знаете, увлёкся. Передо мной теснились знакомые с детства образы: говорящие звери и цветы, злые колдуньи, добрые феи... Было уже довольно поздно, когда я добрался до последней страницы. Она была измазана чем-то красным, но чем, я никак не мог определить невооружённым глазом. «Где моя лупа?» — подумал я, вздохнув...

«Не огорчайтесь, Антон Антонович,— раздался тоненький голосок,— вашу лупу стащили мыши, но я постараюсь помочь вашему горю».

Голосок доносился откуда-то сверху, с книжной полки. Подняв глаза, я увидел, что там стоит крошечная прелестная девочка в высокой шапочке; лицо её и фигурка были прозрачны, как кисея, и сквозь них просвечивали корешки книг.

«Я фея книг,— сказала девочка.— Изредка я прихожу в гости к тем, кто действительно любит книги. Дайте вашу руку, и мы с вами мигом слетаем за новой отличной лупой».

Я протянул ей руку, и мы понеслись так, что дух захватывало. Как мне ни хотелось смотреть по

сторонам, пришлось зажмуриться: всё кругом так и мелькало.

Когда я открыл глаза, мы стояли перед каким-то голубоватым, полупрозрачным зданием с вывеской «Волшебмаг». Ниже шли надписи помельче. «Волшебная галантерея», «Семимильные сапоги», «Шапки-невидимки», «Ковры-самолёты»...— успел прочитать я.

Мы вошли в магазин. Из-за прилавка поднялся продавец в пёстром халате и стал низко кланяться фее.

«Наверно, вы сломали вашу палочку? — спросил он.— Вы явились как раз во-время... Имеется полный ассортимент волшебных палочек».

«Перестаньте кланяться,— сказала фея,— и проводите нас в отдел волшебных зеркал и оптики».

Через секунду мы стояли у шкафа, на полках которого блестели зеркала и стёкла.

«Зеркало царицы» с предельной точностью определяет, «кто на свете всех милее»,— пояснял, всё так же кланяясь, продавец.— «Зеркало злого тролля»... «Бабушкины очки», могут предсказывать будущее».

«Нам не надо очков! — перебила его фея сердито.— Нужна лупа... Вот этому человеку».

«Че-ло-веку?—переспросил продавец и тут же перестал кланяться.— Обыкновенному человеку?! Но у нас нет ничего для обыкновенных людей».

«Придётся сказать петушиное слово»,— пробормотала фея и шепнула на ухо продавцу что-то такое, отчего тот сразу согнулся в три погибели.

«Вот вам лупа»,— буркнул он и сунул мне в руку лупу, но так, что я не мог удержать её, и она покатилась с прилавка.

Раздался стук, и... я открыл глаза. Разумеется, никакой феи не было, просто я заснул и выронил книгу. Поднимая её, я вдруг обнаружил, что под столом лежит моя лупа. Можете себе представить, как я обрадовался! Тщательно протерев её, я тут же наставил её на запачканную страницу и...

И знаете, что я увидел? В лупе, как в круглом окошечке-иллюминаторе, появилась комната, где сидел маленький мальчуган и старательно разрисовывал книжку губной помадой. Теперь я мог определить природу пятен и удалить их...

Как видно, моя лупа стала волшебной. Я окончательно убедился в этом, едва навёл её на другую книгу, лежавшую тут же на столе. То была старинная, редкая книга, принесённая мне из одного большого книгохранилища, «Арифметика» Л. Ф. Магницкого. Учебник этот, отпечатанный в 1703 году, мало похож на книги, по которым учат арифметику наши ребята. «Арифметика» Магницкого — небольшая энциклопедия своего времени; в ней сообщаются сведения по астрономии, геодезии, навигации — кораблевождению.

Я взглянул через лупу на гравюру-заставку, украшавшую пожелтевшую страницу книги. Заставка изображала трон богини Арифметики, к которому ведут крутые ступени. Я не раз любовался и раньше этой гравюрой и хорошо помню, что на ступенях не было никакой человеческой фигуры. Но стоило мне направить на гравюру свою лупу, как в её овале возникла плечистая фигура человека, уверенно и гордо поднимавшегося к самому трону науки.

Протерев стекло, я снова увидел того же человека: сидя за столом, он читал «Арифметику» Магницкого.

«Врата учёности!» — с уважением произнёс он и поднял голову. Тут я узнал его... За столом сидел тот, кто, по словам Пушкина, соединил «необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятий»,— «историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец» — Михайло Васильевич Ломоносов. Очевидно, ко мне попал тот самый экземпляр «Арифметики», с помощью которого великий Ломоносов приобщился к знаниям.

Человек быстро привыкает ко всяким чудесам. С весёлым ожиданием направил я лупу на третью книгу. Это было ничем не примечательное на первый взгляд издание повести Николая Островского «Как закалялась сталь»... Я очень люблю, когда люди бережно относятся к старым книгам, но, признаться, даже я удивился, когда незнакомый человек принёс мне на «реставрацию» эту потрёпанную книжку в дешёвом бумажном переплёте. Право же, проще было купить новое красивое издание.

«И зачем ему понадобилось её реставрировать?» —подумал я, направляя на книжку свою лупу.

И тотчас же в лупе, сменяя друг друга, замелькали картинки. Я увидел Москву тридцатых годов, вокзальную площадь, пёструю толпу. На моих глазах какой-то парнишка стянул чемоданчик у зазевавшегося прохожего. Я видел, как он раскрыл старенький чемоданишко и, к своему огорчению, обнаружил там всего только книгу. И я видел, как парнишка увлёкся этой книгой, как читал её день и ночь, как, потрясённый судьбой Павла Корчагина, решил, что жить надо иначе... И вот уже бывший вор работает в заводском цехе, и, вглядевшись в его лицо, я узнаю в нём того самого человека, который принёс мне эту книгу. Так вот почему она была ему так дорога!

Зайдите в музей писателя Николая Островского, пересмотрите хранящиеся там документы, и вы убедитесь, что моя лупа говорит правду...

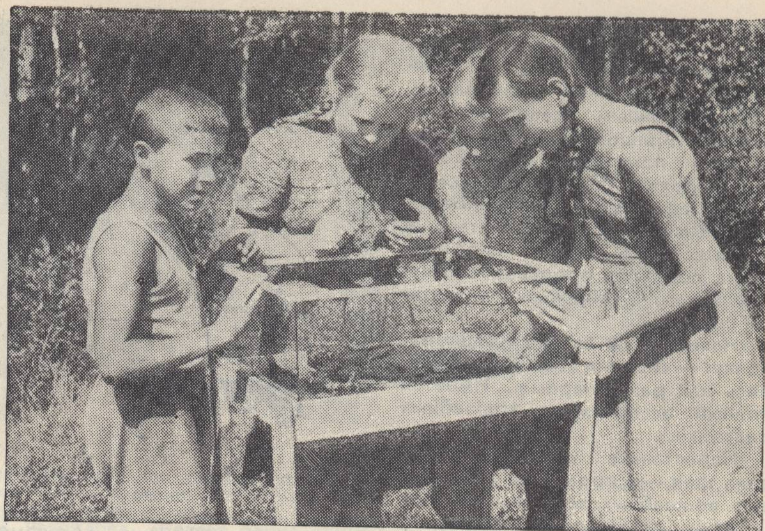
Короче, на какую книгу ни поглядел бы я в свою лупу,— закончил свой рассказ Антон Антонович,— всюду обнаруживались любопытные вещи. Вот мне и подумалось: не рассказать ли о них ребятам — читателям нашего журнала?

Редактор с удовольствием принял предложение Антона Антоновича и попросил его писать в журнал и заходить к нам почаще.

— Отлично! До скорого, скорого свидания! — воскликнул книжный доктор и исчез в дверях так же стремительно, как появился.

Много юрких ящериц поймали ребята в лесу и поселили в самодельный террариум.

Зоосад в пионерском лагере

Есть ли в вашем пионерском лагере зоосад? Наверное, нет!

— Где же нам слона взять? — ответят некоторые читатели.— Да и крокодилов в нашей речке нет, только пескари да раки. Какой же зоосад в пионерском лагере устроишь? Без тигров неинтересно!

Нет! Можно устроить у вас зоосад, да ещё какой богатый и интересный! Конечно, носорога и жирафа вы не поймаете, но ведь вокруг вашего лагеря живёт множество самых разнообразных животных. Под каждым кустом, в каждой луже вы сумеете найти интересных и занимательных жителей для лагерного зоопарка.

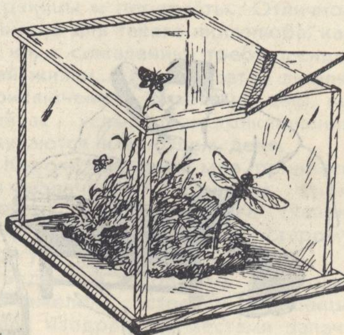
Используйте каждую прогулку, каждый поход для наблюдений: жизнь природы лучше всего изучать в естественной обстановке — в лесу, в поле, на болоте, у реки.

Но не всё вы сможете увидеть во время походов. Чтобы проследить за развитием животных, узнать их повадки, надо наблюдать за ними долгое время. Для этого-то вам и нужен зоосад.

Оборудование зоологического сада вы сделаете сами. Разместить зоосад лучше всего под навесом или под тенистыми деревьями. Тут надо врыть в землю столбы и накрыть их сверху широкой доской или решёткой из деревянных брусков. На этих столах будут стоять аквариумы, террариумы и садки — удобные помещения для ваших питомцев.

АКВАРИУМЫ

Самые интересные обитатели зоопарка — это различные водяные животные. В аквариумах могут жить плавунцы и их личинки, гладыши, водяные скорпионы, личинки и куколки комаров, дафнии и циклопы, ручейники, пауки, водяные гидры, брюхоногие моллюски — катушка, прудовик,— тритоны, головастики и рыбы. Видите, даже простое перечисление показывает, как богат будет зоосад!

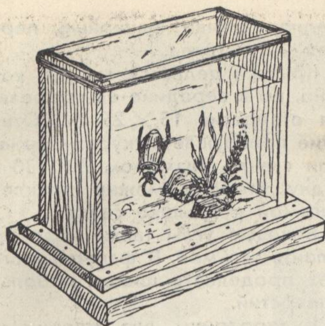
Инсектарий.

Вам будет мало одного и даже пяти аквариумов. Для зоологического сада нужно заготовить сразу десять — пятнадцать аквариумов. Для мелких обитателей — личинок и куколок комаров, гидр и дафний — вполне подойдут стеклянные консервные банки ёмкостью 0,5—1 литр. Надо только приготовить куски стекла или марли — закрывать банки.

Плавунцы и брюхоногие нуждаются в более просторных аквариумах. На рисунке показан самодельный аквариум, очень удобный для наблюдений и фотографирования животных. На доске-основании прибиваются две рамки из брусков сечением 2×1 см. Наружные размеры внутренней рамки — 10×30 см. Между брусками внутренней и наружной рамок необходимо оставить паз, равный толщине стекла, взятого для стенок аквариума.

Поэтому работу лучше вести так: прибить к основанию внутреннюю рамку, затем заготовить бруски внешней рамки и вбить в них по два гвоздика так, чтобы концы гвоздей только чуть-чуть высовывались с нижней стороны брусков. Приставьте стеклянную стенку вплотную к внутренней рамке, а наружный брусок придвиньте плотно к стеклу. Теперь уберите стекло и вбейте гвозди бруска в основание. Так поступайте со всеми четырьмя брусками наружной рамки. Стеклянные стенки очень плотно держатся в тонких пазах. Высота стенок должна быть 20—25 см.

Вокруг верхнего края стенок

Аквариум.

аквариума наложите 15—20 витков прочной нитки. На углах под нитку полезно подложить полоски плотной бумаги, чтобы нитка не касалась острых краёв стекла. Теперь аквариум стал прочным. Но его надо сделать ещё и водонепроницаемым. Для этого дно и боковые стенки аквариума заливают чёрной смолкой, какую обычно употребляют для покрытия крыш из толя. Смолку надо разогреть в железной банке и осторожно залить сначала дно. Когда смолка на дне загустеет, то, повернув аквариум одной из узких сторон вниз, заливают смолкой противоположную сторону, а затем и вторую узкую сторону. Только постарайтесь не закапать больших сторон аквариума, а если это случится, то счистите застывшие капли острым ножом.

Сделайте 5—8 таких аквариумов. В них могут жить брюхоногие, плавунцы, гладыши, водяные скорпионы, личинки стрекоз, головастики, пауки-водянки, пиявки.

Для личинок ручейников, ведущих придонный образ жизни, лучше взять круглые сосуды с невысокими стенками — кристаллизаторы — диаметром 20 см. В них удобнее наблюдать, как личинки живут и строят свои домики.

Для рыб и тритонов аквариумы надо сделать покрупнее: площадь дна их — 15×40 см, а высота стенок — 25—30 см. Наружные края углов аквариума, залитого смолкой, надо оклеить тесьмой, смазанной клеем «БФ-2».

Перед тем, как заселять аквариумы, налейте в них воды и дайте постоять сутки. Затем воду слейте, насыпьте на дно хорошо промытый песок, посадите водяные растения и только после этого заселяйте его.

К боковой (залитой смолкой) стенке аквариума приклейте табличку, на которой укажите, кто живёт в аквариуме и краткие сведения о его жильцах.

Вы видите на этих снимках восьмиглазого паука, ястреба и ёжика. Такие «жильцы» могут появиться и в вашем зоосаде.

Фотографии Ю. Курочкина и Н. Митрофанова.

ИНСЕКТАРИИ

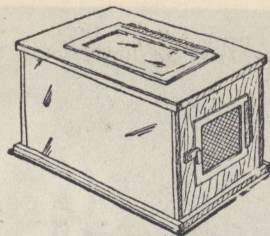
Садки для насекомых — инсектарии — надо делать так же, как и аквариумы, только их, конечно, не надо заливать смолкой.

Размеры инсектариев могут быть различными, но наиболее удобен инсектарий кубической формы с длиной ребра в 30 см. На рисунке показано, как он устроен. На фанерной дощечке-основании толщиной в 6—8 мм прибиваются две рамки, образующие пазы для стенок инсектария. Две смежные стенки и потолок сделаны из стекла, а две другие могут быть фанерными. В одной из фанерных стенок надо сделать отверстие, прикрывающееся рамкой, заклеенной марлей.

Верхнее стекло — потолок — нужно с помощью тесьмы и клея «БФ-2» приклеить одной стороной к стенке инсектария, для того чтобы удобнее было задавать корм обитателям инсектария. Снаружи на углы следует наклеить полоски бумаги или тесьмы, чтобы не порезаться об острые края стёкол и увеличить прочность садка.

Полезно сделать вкладное дно по размерам инсектария. Дно вырезается из фанеры, по краям его прибиваются бруски-бортики, а к бортикам — две петли из шнура. За эти петли дно вместе со всем содержимым легко извлечь из садка.

В инсектарии для крупных насекомых один из уголков потолка срезается стеклорезом и приклеивается тесьмой. Получается дверца, через которую удобно кормить насекомых и впускать в инсектарий новых.

Террариум.

В таких инсектариях могут жить осы, шершни, кузнечики, кобылки, жужелицы, жуки-дровосеки, бронзовки, бабочки, гусеницы. Садок для гусениц можно сделать из ящика с фанерными стенками высотой в 10 см, накрыв его стеклянной крышкой. В стенках необходимо проделать шилом побольше мелких отверстий, через которые будет проникать воздух.

ТЕРРАРИУМЫ И САДКИ

Для ужей, ящериц, лягушек в зоологическом саду должны быть террариумы. Для ежей, мышей и мелких птиц нужны садки. И то и другое тоже нетрудно сделать самим.

Террариумы и садки можно сделать одинаковыми — так, как показано на рисунке.

Дно размером 40×60 см вырезается из фанеры, и к нему прибивается двойная рамка из брусков, между которыми есть пазы для установки стенок. Боковые и задняя стенки фанерные, передняя — из стекла.

Крышка делается так же, как и дно, но в середине её прорезается отверстие 15×25 см. Отверстие прикрывается куском фанеры или стекла размером 20×30 см. Одну сторону можно приклеить тесьмой к крышке садка.

Боковые углы также надо проклеить тесьмой. В фанерных стенках проделайте шилом побольше отверстий.

В террариум для ящериц или ужей насыпьте песку, поставьте маленькую плошку с водой и положите кусок сухой коры: под ней любят прятаться ужи и ящерицы. В углу воткните сухой разветвлённый сук.

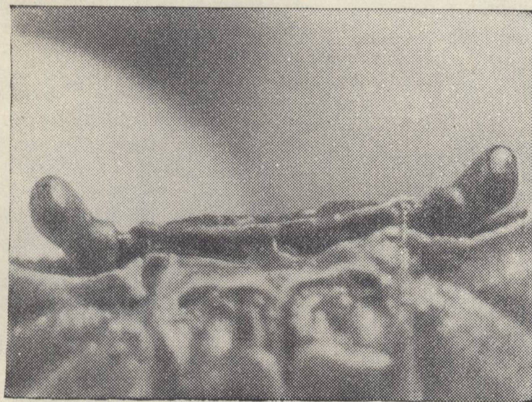
В террариуме для водных лягушек обязательно должна быть ванночка с водой, очень хороши для этого пластмассовые фотованночки размером 13×18 см.

Для ежей в садок положите опилок, сухих листьев. Подстилку в садке ежа меняйте 2—3 раза в неделю.

Садок для птиц должен быть высотой 50—60 см, переднюю стенку садка нужно сделать из крупной металлической сетки.

О том, как ухаживать за животными в зоологическом саду и какие вести наблюдения, вы сможете узнать, прочитав книги Н. Н. Плавильщикова «Юным любителям природы» («Молодая гвардия». 1953 год) и С. Герда «Мой живой уголок» (Детгиз. 1955 год).

Н. Митрофанов

Как вы думаете, что изображено на левом снимке: рога неведомого зверя? Или гусеница, ползущая по капустному листу? А на правом снимке что? Голова хищной птицы? Но тогда почему же её клюв усажен зубами?

Фотографии Ан. Анжанова.

ПОЛЯРНАЯ БЫЛЬ

Дорогие ребята! Помните ли вы эту картину? Она была помещена в первом номере нашего журнала за 1955 год. Это картина художника И. Рубана «Помощь близка». Мы напечатали её тогда в красках, во всю страницу, чтобы можно было хорошо рассмотреть и описать всё, что на ней нарисовано. Многие ребята прислали нам свои рассказы. Вот об этих рассказах мы и хотим сейчас с вами поговорить.

Большинство рассказов написано грамотно, с хорошей выдумкой, с интересными подробностями. Особенно удачны те рассказы, в которых ребятам удалось мысленно поставить себя в положение героя картины: представить, что он должен был почувствовать, о чём мог думать. Хороший рассказ прислала нам ученица восьмого класса Нина Солдатова из села Кадала, Читинской области. Она очень живо вообразила себе, как измученный охотник вспоминает семью, маленькую дочку, которую он, может быть, больше никогда не увидит, и как он разговаривает с единственным живым существом на льдине — своим четвероногим другом: «Верный! Куда? Не оставляй меня одного!» Человек приподнял голову и обвел мутным взглядом вокруг себя. Вода, вода и вода. Кое-где плывет льдина, и снова вода. Увидеть бы кромку земли! Но нет, только вода, льдины, да Верный рядом...»

Так начинается рассказ Нины Солдатовой. Читатель сразу переносится на одинокую льдину, уносимую в просторы океана. Дальше Нина живо представила себе чувства охотника, его страдания от голода и холода.

Венера Марченко, из села Плоского, Липецкой области, хорошо описала в своём рассказе неприветливую, суровую природу Севера, в которой, однако, есть своя особенная красота. Венера описала и карликовые берёзки, и покрытые пёстрыми лишайниками камни, и красивые розовые отсветы, и синие тени на льдинах. Видно, что Венера много и внимательно читала о Севере. Это тоже очень важно.

Вообще лучшие рассказы прислали нам ребята, которые любят читать и особенно интересуются Севером

Один из таких рассказов мы поместили здесь. Рассказ этот написан школьником, учеником четвёртого класса. Для своего возраста Коля Гроботелов написал очень хороший рассказ. Нам вообще нелегко было выбрать лучший рассказ, потому что наряду с достоинствами во многих рассказах были, конечно, и недостатки, ошибки. Об этих ошибках тоже нужно поговорить.

Больше всего удивило нас то, что даже среди хороших рассказов, которые мы получили, только очень немногие действительно описывают то, что нарисовано на картине Рубана. Как же это получилось? Очевидно, большинство ребят невнимательно рассмотрели картину и поэтому не поняли её. Одна девочка, например, написала, что охотник, унесённый на льдине, в тот же день получил сброшенный с самолёта пакет с продовольствием. Но в таком случае охотник не лежал бы на снегу без сил. А художник Рубан изобразил изможденного человека, который уже не имеет сил встать и побежать навстречу своим спасителям. Ясно, что он провёл на льдине много дней без пищи и совсем ослабел.

В другом рассказе, придуманном семиклассником Витей, всё как будто подходит очень хорошо. Витя правильно представил себе события, которые могли произойти с охотником, и описал их очень подробно. Одно только неверно. Витя написал, что это охотник из чукотского стойбища по имени Ван. А на картине изображён русский. Ведь у чукчей другая наружность. Приглядитесь: у охотника волосы русые и лицо совершенно русское. Значит, Витя тоже был недостаточно внимателен.

Ошибки оказались и в рассказе одного десятиклассника. Он написал, что охотник потерял шапку, но не обратил на это внимания. Между тем охотник на картине держит свою шапку в руке. Он, очевидно, махал ею, для того, чтобы лётчик его заметил. В том же рассказе лётчик подтягивает льдину к самолёту шестом. Шестом вообще льдину не подтянешь, это можно сделать багром, но и то, когда она небольшая. А такую громадную льдину, на которой лежит охотник, человек не может подтянуть.

Для того, чтобы написать хороший рассказ (по картине или без картины), нужно быть очень наблюдательным. Нужно уметь смотреть, уметь подмечать и правильно понимать все явления жизни, которые тебя окружают. Рассказы показали, что большинство ребят недостаточно наблюдательны. А ведь картину рассмотреть легче, чем наблюдать живую жизнь.

Проверьте-ка себя, ребята, вспомните: видели ли вы, как паук плетёт свою паутину? Понимаете ли вы по поведению собаки, когда к ней можно подойти, а когда не стоит, потому что она может укусить? Умеете ли вы смотреть и правильно понимать увиденное? Можете ли вы прочесть по лицу товарища его настроение — заботы, радости, огорчения?

Многим ребятам, которые любят читать, часто хочется и самим попробовать что-нибудь написать. Обычно такие ребята просят нас в своих письмах дать им тему для рассказа. Вот поэтому мы и поместили картину Рубана. На ней хорошо видно, что произошло с охотником. Художник Рубан не раз бывал на Севере, жил на дрейфующей станции «Северный полюс». Он прекрасно знает жизнь полярников. Поэтому он так хорошо, правдиво написал свою картину из жизни Севера. Это полярная быль, и как много эта картина открывает внимательному зрителю!

Попытайтесь и вы, ребята, рассказать о том, что вы видели своими глазами, придумайте теперь другой рассказ, из своей собственной жизни, по своим наблюдениям.

Мы предлагаем вам написать на конкурс рассказ о самом интересном, что с вами случилось в этом году.

Три самых лучших рассказа из всех полученных мы напечатаем в журнале. Остальным ребятам ответим письмами, подробно разберём ошибки в рассказах и дадим советы, как этих ошибок избежать.

В. Гвайта

Помощь близка

На Чукотском полуострове, в посёлке Янрае, жил старый охотник. Звали его Константин Ефремович. Пришёл он в Янрай давно, когда был семнадцатилетним юношей. Никого с ним не было, кроме маленького щенка, которого он звал Альфой. После, когда Альфа выросла, от неё осталось три щенка. Константин Ефремович двух щенков отдал чукчам, а одного взял себе. Мать этих трёх щенков погибла от зубов медведя.

Был 1939 год. Посёлок Янрай превратился в колхоз «Заветы Ильича». Константин Ефремович был бригадиром охотников.

Один раз его бригада поехала в пролив за тюленями. Выехали они в море и в тридцати километрах от Янрая заметили льдину с лежбищем тюленей. Константин Ефремович велел вести вельбот к льдине. Они тихо подъехали к льдине и застрелили вожака, а потом стали стрелять в других тюленей. Константин Ефремович отошёл на ледяной полуостров. Полуостров откололся, и охотника вместе с собакой понесло в океан. Константин Ефремович закричал, но было уже поздно: ледяной полуостров был далеко в море. Остался Константин Ефремович на льдине с Бобом (так звали собаку).

Оставшиеся на льдине люди сели в вельбот и поехали в посёлок. В посёлке эта весть произвела огромное впечатление. Весь посёлок любил Константина Ефремовича. Из посёлка передали по радио в Уэллен, чтобы высылали самолёт на поиски охотника.

Тем временем Константина Ефремовича несло из пролива в Северный Ледовитый океан. Начиналась буря. Маленькая льдина, на которой нашли убежище человек и его верный друг собака, налетела на большое ледяное поле. Константин Ефремович сошёл на «берег». Льдина была большая. На другом конце льдины были нечто вроде ледяных гор. «Ну что, Бобка, вот наш дом». Услышав своё имя, собака заскулила. «Что ж мы будем делать?» — сказал Константин Ефремович.

Шесть дней носило его с Бобом на большой льдине. Шесть дней искали его самолёты. На седьмой день охотник заболел и слёг у тех самых ледяных гор, на ледяном поле.

Вдруг собака беспокойно заворчала. Раздался гул самолёта. Константин Ефремович поглядел в небо. Там ничего не было. Он упал на снег и забылся. Очнулся он оттого, что Боб лизал ему лицо и радостно скулил. Охотник поднялся на локтях и заметил: за маленьким проливом, отделявшим его поле от сплошного льда, стоит самолёт, а к льдине плывёт резиновая лодка.

Помощь близка!

Николай Грободелов, ученик 4-го класса 72-й средней школы города Омска.

Вот и разгадки таинственных снимков на странице 76! Оказывается, справа была никакая не гусеница, а голова краба с выпученными подвижными глазами. Птица с зубастым клювом — это просто-напросто цепкая и сильная крабья клешня. А здесь вы видите и её владельца. Он крепко держит рыбу, которая попалась ему на завтрак.

страница 76

